

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Кучерова Анастасия Валерьевна

**Психопатия как предмет литературно-философской рефлексии в
культуре второй половины XX века**

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
кандидат философских наук, доцент
Седых Оксана Михайловна

Москва - 2022

Оглавление

Введение	3
Проблематика исследования, обоснование темы	3
1. Проблема зла в человеке: историко-философский аспект	3
2. «Злое» поведение и концепт психопатии.....	10
Актуальность исследования.....	16
Степень разработанности темы в исследовательской литературе	388
Цели и задачи исследования.....	36
Объект и предмет исследования.....	37
Научная новизна исследования.....	39
Теоретическая и практическая значимость результатов исследования	399
Методологическая основа исследования.....	390
Положения, выносимые на защиту.....	401
Степень достоверности и апробация работы	444
Глава 1. Феномен психопатии в системе естественных наук	466
1.1. Изменения в понимании человека под влиянием естественнонаучной парадигмы	466
1.2. Психопатия: основные подходы к изучению	522
1.2.1. Отечественный подход к пониманию психопатии.....	522
1.2.2. Психопатия как предмет изучения западноевропейской науки	588
1.2.3. Современный взгляд на психопатию и ее биологическое обоснование	633
Глава 2. Психопатия в зеркале литературы: исторический аспект	766
2.1. Литература как источник психологического знания.....	766
2.2. Феномен психопатии в истории литературной рефлексии	79
2.2.1. Сложение образов героев психопатического склада в западноевропейской литературе: от Античности к Новому времени	811
2.2.2. Литература XVIII века и феномен либертинажа. Творчество маркиза де Сада.....	922
2.2.3. Тема двойничества в романтизме и литературе XIX века. Проблема «чистого зла».....	977

2.2.4. Психопатия в фокусе критического реализма	1011
2.2.4. Психопатия в образной системе литературы модернизма	1044
2.2.5. Психопатия и антиномичность души: образ Раскольникова и его переосмысление в русской литературе XX века	1088
2.2.6. Психопатия в притчевом жанре литературы XX века	1122
Глава 3. Феномен психопатии в литературно-философской рефлексии второй половины XX века	1188
3.1. Психопатический склад личности и тема человеческой деструктивности	1200
3.1.1. Агрессия как форма человеческого поведения: классическая VS постмодернистская интерпретации	1200
3.1.2. Садизм и трансгрессия: переосмысление феномена	1244
3.1.3. Садовский человек в «Американском психопате» Б.И. Эллиса.	1266
3.2. Психопатия и давление на личность извне	1377
3.2.1. Политическая власть как детерминанта субъективного насилия	1377
3.2.2. «Заводной апельсин» Э. Берджесса: психопатия и интериоризация внешнего насилия.	13939
3.2.3. «Бойцовский клуб» Ч. Паланика: психопатическое бунтарство и феномен отсутствующей власти.	1477
3.3. Психопатия в постмодернистском «мотиве конца»	1622
3.3.1. Постмодернизм как ощущение конца. Смерть субъекта.	1622
3.3.2. Тотальность отсутствия Других и разрушительность их признания: ревизия образа гения в «Парфюмере» П. Зюскинда	1644
3.3.3. Преодоление бессубъектности в «Осиной фабрике» И. Бэнкса.	1722
3.4. Психопатия и массовая культура	1788
3.4.1. Массовая культура: проблема определения и феномен массового человека	1788
3.4.2. «Маленький человек» и психопатия: разрушительность ординарного сознания в «Коллекционере» Дж. Фаулза	1855
3.4.3. Психопат в роли читателя: «Мизери» С. Кинга	189
Глава 4. Психопатия в модусе современности	1955
Заключение	2144
Список литературы	2222

Введение

Проблематика исследования, обоснование темы

1) *Проблема зла в человеке: историко-философский аспект*

*...а гордый человек,
Облекишись краткой и ничтожной властью,
Забыв о хрупкости своей стеклянной
И бренности, как обезьяна злая,
Такое перед небом вытворяет,
Что плачут ангелы.*

У. Шекспир «Мера за меру»

Мысль о том, что общество неоднородно и состоит из индивидов разных характеров и типов поведения, не нова. Человеческие свойства, выходящие за рамки общепринятого, всегда обращали на себя внимание. В частности, интерес и ужас вызывали те, кто позволял себе переступать определенные культурой границы дозволенного, благоприятствующего эффективному социальному сотрудничеству поведения. Индивиды, демонстрирующие антисоциальность, жестокость, прибегающие к хитрости и обману, стали особыми фигурами культуры и искусства (Калигула и Нерон, шекспировские Яго, граф Эдмунд и Ричард III, Тартюф, Миледи и Вотрен, мистер Хайд, Синяя Борода, граф Дракула, Джек-Потрошитель, Ганнибал Лектер и многие другие). Возможность существования в человеке зла и жестокости в философии не воспринимается как данность, и проблеме происхождения и интерпретации зла в человеке посвящено немало философских изысканий.

На первый взгляд, понятие зла – одно из основополагающих для осмысления человеком мира, и оно должно было стать предметом пристального философского анализа. Однако, несмотря на многообразие

суждений о зле (прямых или косвенных), при ближайшем рассмотрении становится очевидна ограниченность его концептуальных репрезентаций: на протяжении веков понятие зла находилось под влиянием мифологических христианских представлений, что обусловило довольно однообразный подход к нему. В современном мире интерес к проблематике зла заметно увеличился, некоторые исследователи говорят даже о ее «ренессансе»: зло стало предметом пристального внимания, сквозь его призму трактуется человеческое поведение и события мировой истории. Чтобы понять специфику современного отношения к вопросу зла и «злого» характера, необходимо упомянуть ряд аспектов, связанных с репрезентацией проблематики в истории философской мысли.

Принято выделять существование двух трактовок зла. В широком смысле под злом понимаются внешние по отношению к человеку явления, влекущие неблагоприятное положение дел: от зубной боли и природных катаклизмов до факторов, которые теология считает следствием действий сверхъестественных существ¹. Практически на протяжении всей истории в европейской философии природа зла и девиантного поведения рассматривалась именно в широком ракурсе, в самой малой степени проблема зла затрагивалась в более узком смысле. Узкая же трактовка подразумевает анализ специфических действий моральных акторов и сосредотачивается на субъективном аспекте феномена, подчеркивая его взаимосвязь с природой человека и социальными обстоятельствами его жизни. В этом смысле зло определяется как намеренное причинение страданий другому лицу, при котором действующий субъект игнорирует требования морали². Данный подход нацелен на прояснение истоков и сути деструктивного поведения, сущности «злого» характера, в связи с чем ставятся вопросы: почему некоторые люди совершают злые поступки, и более того – стремятся к ним? Есть ли возможность преодолеть тягу ко злу

---

¹ The Concept of Evil //Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/concept-evil/> (дата обращения 10.05.2021).

² Там же.

или хотя бы сократить ее проявления при рассмотрении зла как естественной составляющей человеческой природы? Несмотря на то, что полноценное развитие данный подход получил лишь в XX веке, кажется важным кратко обозначить, во-первых, более ранние теории происхождения и природы «злого» характера, т.е. немногочисленные апелляции философов к попытке анализа зла в «узком смысле», во-вторых, затронуть тему «широкого» определения зла, что позволит обосновать тезис о смене перспективы, в которой складывается трактовка этого феномена в современном мире.

На протяжении веков, находясь под влиянием мифологической и далее христианской мысли, зло рассматривалось в метафизическом (широком) контексте – как объективно существующее явление, внешнее по отношению к человеку. Древнегреческие мыслители определяли зло как недостаток блага, а дурное поведение – как незнание истины. В «Государстве» Платон излагает историю Гига, который, используя силу дающего невидимость перстня, убил правителя Лидии и завладел его богатством, женой и царством³. Главкон, чьими устами Платон повествует об этом, заключает, что любой приличный человек из-за самой своей природы в аналогичных обстоятельствах «готов пойти точно на то же самое, что и несправедливый, – причина тут в своекорыстии, к которому, как к благу, стремится любая природа»⁴. Беседующий же с ним Сократ в ответ развивает теорию о зле как случайности – человек ведет себя дурно не специально, но по незнанию. Исправить злое поведение возможно, открыв человеку истину, которая более пригодна для формирования стратегии действий⁵.

В дальнейшем мыслители продемонстрировали, что люди могут сознательно игнорировать нравственное поведение, и уже Платон начинает в некотором смысле признавать темную, деструктивную часть человеческого существа. Через аллегория души как колесницы, управляемой двумя конями, один из которых – черный – способен заставить человека действовать под

---

³ Платон. Государство. Книга II. М.: Академический проект, 2015. С. 69–70.

⁴ Там же. С. 69.

⁵ Там же. С. 70–99.

влиянием аффектов, Платон затрагивает тему зла как естественной части души. Следуя сократовской традиции, Аристотель усматривал в качестве причины злого поведения аналогичную первобытности неразвитость и заблуждение ума, связывая истоки деструктивных действий со слабоволием (*akrasia*)⁶, испорченностью, и также ставя их в зависимость от вложенного в человека представления о благе. Слабовольный человек, в трактовке Аристотеля, понимает, что есть истинное благо, и, действуя неверно, отдает себе в этом отчет; испорченные же люди неверно толкуют благо, полагая в основе поступков изначально извращенное представление о должном. Происходит это, так как «в человеческих существах, очевидно, проявляются сильные, естественные стремления, различные от разума, и не только различные, но и ратующие с разумом и сопротивляющиеся ему»⁷, что обуславливает возможность умышленного игнорирования блага. Представление о зле как недостатке блага наследовали христианские мыслители (например, Фома Аквинский), однако подобные воззрения не предлагали прямой ответ на вопрос, почему люди сознательно выбирают злое поведение.

В христианской этике данная проблематика развивается в связи с несколькими ключевыми идеями. Первое, на что важно обратить внимание – тенденция рассматривать самого человека как зло («и увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время»; «<...> помышление сердца человеческого – зло от юности его»⁸). При этом источник злого начала в человеке мыслится двояко – это и следствие грехопадения, и дар свободной воли. Рассуждая о человеческой греховности, блаженный Августин находит источник зла в самом человеке (рассматривая его как следствие

---

⁶ *Akrasia in Greek philosophy: From Socrates to Plotinus* / Ed. by Bobonich C., Destree P. Boston: Brill, 2007.

⁷ *Блекки Дж.* Четыре фазиса нравственности: Сократ, Аристотель, Христианство и утилитаризм / соч. Джона Стюарта Блекки, проф. греческой словесности в Эдинбургском ун-те. М.: К.Т. Солдатенков, 1878. С. 114.

⁸ Библия: Синодальный перевод. Бытие 6:5. URL: <https://bible-teka.com/synodal/1/6/> (дата обращения 10.05.2021).

грехопадения), в доказательство чему приводит знаменитую историю воровства груш⁹. Толкуя этот поступок как свидетельство врожденной порочности, Августин связывает ее со свободной человеческой волей и способностью использовать последнюю в неблагих целях. «Я спрашивал, что же такое греховность, и нашел не субстанцию: это извращенная воля, от высшей субстанции, от Тебя, Бога, обратившаяся к низшему, отбросившая прочь “внутреннее свое” и крепнущая во внешнем»¹⁰. Стремясь реализовать личные интересы, человек волен избрать дурное поведение, мораль же, которая должна направлять деятельность людей, выступает (также, как в древнегреческой традиции) внешним по отношению к ним метафизическим принципом: данным Богом различием добра и зла, которое, однако, люди могут осознанно игнорировать.

Попытка разрешить противоречие между вложенным в человека знанием добра и его врожденной склонностью ко злу предпринималась многими христианскими мыслителями. Так, св. Иероним для обозначения данной Богом способности видеть разницу между добром и злом предложил термин синдерезис (*synderesis*)¹¹, под которым понимал «искру совести, не погасшую даже в сердце Каина, когда тот был изгнан из рая. Это то, что заставляет людей чувствовать свою греховность, когда их побеждает зло желаний или необузданный дух <...> однако мы знаем, что эта совесть низвержена, лишена своего места в некоторых людях, которые не имеют ни стыда, ни чувства вины за свои проступки <...>»¹². Согласно св. Иерониму,

---

⁹ «Неподалеку от нашего виноградника росла груша, вся покрытая плодами, вполне, впрочем, обычными и по виду, и по вкусу. Итак, мы, испорченные юнцы, отправились в глухую полночь (вот до какого часа продолжались наши уличные забавы!) отрясти ее и собрать свою добычу. Мы унесли оттуда большую ношу, но не для еды (мы готовы были выбросить всё это свиньям), а ради совершения поступка, сладостного нам только потому, что он был запрещен» // *Августин А. Исповедь*. М.: РИПОЛ классик, 2019. С. 27.

¹⁰ Там же. С. 124.

¹¹ Jerome. Commentary on Ezekiel. // Potts T. Cambridge University Press, 1980. P. 79–80.

¹² «This is that spark of conscience which was not quenched even in the heart of Cain, when he was driven out of paradise. This it is that which makes us, too, feel our sinfulness when we are overcome by evil Desire or unbridled Spirit, or deceived by sham Reason. It is natural to identify *synderesis* with the eagle, since it is distinct from the other three elements and corrects them when they err [...] However, we also see that this conscience (*conscientia*) is cast down in some people, who have neither shame nor insight regarding their offences, and loses its place [...]. (Commentary on *Ezekiel* 1.7; D'Arcy trans. 1961: 16–17) // D'Arcy E. 1961, *Conscience and Its Right to Freedom*, New York and London: Sheed and Ward. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/conscience-medieval/> (дата обращения 10.05.2021).

человек может быть развращен, бесстыден и лишен морального чувства, такие люди не обращают внимания на свои действия, и их совесть «перестает в них присутствовать». При этом если синтерезис как дар Бога не может быть потерян, то связанную с ним совесть – более осознаваемый и подчиненный субъекту регулятор действия – возможно утратить, что и характерно для определенной группы людей. Эту мысль продолжает Петр Ломбардский, который в «Сентенциях» задается вопросом: «Не предполагает ли Павел, что у нас есть две отдельные воли: одна, ориентированная на добро, а другая – на грех? Или дело в том, что у нас есть одна воля, которая, хотя и склонна к добру, содержит дефект, который также “получает удовольствие от того, что является злом”?»¹³».

Таким образом, рассуждая об истоках дурного поведения, христианские теологи трактовали его в широком смысле, связывая с отступлением от божественной воли вследствие грехопадения и склонности человеческого разума к ошибкам. Однако, несмотря на то, что в данной трактовке источник зла в человеке во многом имел внешнюю по отношению к нему причину возникновения и осмыслялся в общих категориях (отступление от заданного принципа блага, дар свободной воли), в самом его помещении внутрь человеческого существа можно усмотреть и попытку придания индивиду определенной автономности¹⁴, хотя эта идея и представлена в меньшей степени: в течение дальнейших столетий дискуссии о совершении зла будут сосредоточены преимущественно в сфере взаимодействия человеческого разума и божественного нравственного знания, индивид был настолько метафизически обусловлен, что трудно говорить о нем как об акторе¹⁵.

---

¹³ Medieval Theories of Conscience // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: Medieval Theories of Conscience (Stanford Encyclopedia of Philosophy) (дата обращения 10.05.2021)

¹⁴ Достоевский Ф.М.: «Делая человека ответственным, христианство тем самым признает и свободу его» // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 7. Л.: Наука, 1988–1996. С. 191.

¹⁵ «До Нового времени под субъектом понималось метафизическое основание вещей, так что проблему субъекта там выделить нельзя» (Косилова Е.В. Парадигмы субъектности. СПб.: Алетейя, 2021. С. 5.).

С XVI века начинают происходить процессы, названные М. Вебером демистификацией мира¹⁶, и трактовка истоков злых дел постепенно отделяется от теологической проблематики. Показательно в этом плане учение И. Канта, который предложил первую светскую теорию дурного поведения, переместив источник морали в самого человека. В его учении зло связано с наличием у субъекта воли, которая проявляется в двух аспектах: человеком движет либо моральный закон, либо эгоистичное себялюбие. Кант выделил три степени зла – последовательные этапы волевого разложения: слабость, моральную нечистоплотность (при которой человек сознательно действует не столько исходя из моральных соображений, но по иным мотивам) и порочность – аморальное поведение, когда эгоистические стремления ценятся выше морального закона¹⁷. Кант связывает аморальное поведение с выгодой, потворством личным интересам и интерпретирует его как коренное и неистребимое зло человеческой природы. Таким образом, Кант говорит о возможности антисоциального поведения как о средстве для осуществления целей и достижения субъективного блага: злой человек начинает восприниматься как эгоист – не «метафизический», а вполне земной, который, будучи свободным от внешнего принуждения, преследует личные цели и по ходу сеет зло. Представляется, что в русле такого подхода и зарождается утилитарно-прагматическая трактовка дурного поведения.

Д. Юм также обращал внимание на категорию людей, названную им «хитрыми лжецами»¹⁸. Согласно Юму, неверно считать мудрыми действия, для которых характерно общее соблюдение правил с «использованием представляющихся из них исключений»¹⁹. Людей, ведущих себя подобным образом, Юм считал отвратительными²⁰. Однако в целом он отвергал представление об «абсолютной, неспровоцированной, немотивированной

---

¹⁶ Скирбек Г., Гилье Н. История философии. Б.: Изд. Закиоглу, 2007. С. 296.

¹⁷ Кант И. Религия в пределах только разума // И. Кант. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 78–278.

¹⁸ Klemperer G. David Hume and the sensible knave. URL: <https://askaphilosopher.org/2013/05/30/david-hume-and-the-sensible-knave/> (дата обращения 10.05.2021)

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

злобе»²¹. Для Просвещения злые действия не являлись самостоятельной силой, детерминирующей человека, а выступали как следствие отсутствия образованности и культуры, что во многом перекликается с античными воззрениями. При этом возникали и такие концепции, как пропорционализм, оправдывающий совершение дурного благой целью (теории справедливой войны, действия мирового духа у Г.Ф.В. Гегеля, далее – коммунистические идеи и под.).

Зарождающееся научное знание также пыталось определить, чем обусловлены жестокие действия ряда индивидов. Молодые науки (биология, психология), стремясь установить «правду о человеке», пытались отыскать причины зла в самой личности (так, в рамках физиогномики И.К. Лафатер, С. Шак, Ч. Ломброзо разрабатывали теорию биологической уникальности преступника и выделяли последних в особый эмпирически устанавливаемый класс) или в обусловленных биологией причинах (позитивизм). Однако полноценный светский анализ мотивов и детерминаций дурного поведения возникает в философии и науке лишь с приходом XX века.

2) «Злое» поведение и концепт психопатии

Постепенно обращает на себя внимание наличие особой группы людей, которая выделяется из общей массы предельной испорченностью и целенаправленной, устойчиво воспроизводимой жестокостью, а не случайным или аффективным совершением антисоциальных деяний. Уже Платон писал о существовании индивидов, которым «мы <...> сперва горячо и без всякого разбора доверяем <...> и считаем его человеком совершенно честным, здравым и надежным, но в скором времени обнаруживаем, что он неверный, ненадежный и еще того хуже»²²; «совершенно несправедливому человеку следует изображать совершеннейшую справедливость, не лишая ее ни одной черточки; надо допустить, что тот, кто творит величайшую

---

²¹ Свендсен Л. Философия зла. Изд.: Прогресс-Традиция, 2018. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/212003-lars-svendsen-filosofiya-zla.html> (дата обращения 10.05.2021).

²² Платон. Федон // Платон. Сочинение в четырех томах. Том 2. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2007 С. 58.

несправедливость, уготовит себе величайшую славу в области справедливости: если он в чем и промахнется, он сумеет поправиться; он владеет даром слова, чтобы переубедить, если раскроется что-нибудь из его несправедливых дел; он способен также применить насилие, где это требуется, потому что он обладает и мужеством, и силой, да, кроме того, приобрел себе друзей и богатство»²³. В этом отрывке Платон описывает стратегию поведения, которая в рамках настоящей работы будет обозначена как психопатическая. Забегая вперед, можно выделить следующие характерные признаки психопатов, присутствующие в этом описании: обаяние, умение войти в доверие, лживость, насильственные действия, стремление к богатству и статусу. Фиксирующие таких личностей наблюдения встречаются у ряда мыслителей (в т. ч. в приведенных выше взглядах св. Иеронима), однако из традиционного философско-метафизического рассмотрения зла в целом ускользает анализ конкретных человеческих проявлений, не просто являющих более выраженную степень отклонения от «нормы», но переходящую на новый уровень в своей девиантности вариацию действий, предполагающую самоценность совершения зла.

М. Монтень в «Опытах» замечает: «Я не в состоянии был поверить, пока не увидел сам, что существуют такие чудовища в образе людей, которые рады убивать ради удовольствия, доставляемого им убийством, которые рады рубить и кромсать на части тела других людей и изощряться в придумывании необыкновенных пыток и смертей; при этом они не получают от этого никаких выгод и не питают вражды к своим жертвам, а поступают так только ради того, чтобы насладиться приятным для них зрелищем умирающего в муках человека, чтобы слышать его жалобные стоны и вопли. Вот поистине вершина, которой может достигнуть жестокость»²⁴. В высказывании Монтеня речь идет о тех, кого сегодня принято называть

---

²³ Платон. Государство. Книга II. М.: Академический проект, 2015. С. 71.

²⁴ Монтень М. Опыты. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. 122–123.

садистами. Пожалуй, наиболее открыто эта категория людей обращает на себя внимание лишь в период становления светской мысли, и связана она с литературным творчеством философствующего писателя, серьезность взглядов и этических принципов которого многими оспаривается, – маркиза Д.А.Ф. де Сада. Свою трактовку зла де Сад доводит до крайности: в его интерпретации мир – не благо, и потому – зло, из чего он заключает, что человек должен этому злу полностью соответствовать: порочное поведение – истина человеческой природы, вложенная в нее природой и требующая тотальной реализации. Герои романов де Сада столь неистово отстаивают свои «права» на жестокость, что созданные им образы не только привлекли внимание к проблеме существования подобных индивидов, но и, по сути, сконструировали новый вектор антропологического анализа.

В классической философии поведение этого рода (антисоциальное, перманентно жестокое и садистское) если и упоминается, то в рамках так называемой интуиции о «демоническом» зле, агенты которого – непостижимые темные силы, движимые тотальной тягой к разрушению²⁵. О существовании крайне жестоких людей размышлял А. Шопенгауэр, трактовавший их как тех, кто «совершенно бескорыстно, безо всякой выгоды, ищет вреда и страдания других»²⁶, причем страдание является самоцелью и не может быть оправдано²⁷; Ф. Ницше отрицал проявления абсолютного зла, однако создал аналогичный образ: «Так говорит красный судья: “но ради чего убил этот преступник? Он хотел ограбить”. Но я говорю вам: душа его хотела крови, а не грабежа – он жаждал счастья ножа!»²⁸. Русский философ В. Соловьев писал: «во всех человеческих обществах всегда были, есть и до конца мира будут действительные преступники, т.е. люди со злою волей, настолько сильною и решительною, что они ее прямо практически

---

²⁵ Сведенсен Л. Философия зла. Изд.: Прогресс-Традиция, 2018. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/212003-lars-svendsen-filosofiya-zla.html> (дата обращения 10.05.2021).

²⁶ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М.: ТЕРРА - Книжный клуб; Республика, 1999. С. 284.

²⁷ Там же. С. 297.

²⁸ Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах / Институт философии. Т. 4. М.: Культурная Революция, 2007. С. 39.

осуществляют во вред своим ближним и с опасностью для целого общества»²⁹. В том же духе современные философы обращают внимание на существование индивидов, которые в силу непонятных причин выбирают путь жестокости как самоценный (Дж. Кикес, К. Макджинн, Дж. Ролз и др.)³⁰

Только преодоление метафизики и развитие ряда наук (например, экспериментальной психологии) заставили мыслителей активнее размышлять о проблеме человеческой деструктивности, т.е. о проблеме зла в «узкой» трактовке, а также заняться прицельным исследованием антисоциального поведения. Работы этого периода переориентировались на поиск внутренних побуждений субъекта, совершающего, на первый взгляд, необоснованно злой поступок. Поворотным событием стала теория З. Фрейда, развенчавшего идею о существовании универсальной нравственности. Последняя в психоаналитической трактовке оказалась детерминирована конкретными семейными связями, и представления об априорном моральном чувстве уступили место идее культурного релятивизма: конкретная часть триады психики – супер-эго – интернализированная авторитетная фигура родителей, со временем заменяющая их личности и изнутри направляющая поведение индивида, в фрейдизме формируется под воздействием конкретного социального окружения. Соответственно, в случае людей, отличающихся деструктивным поведением, следует говорить о нетипичном устройстве психики. Таким образом, исследователей XX века уже не устраивал лишенный объяснительной силы тезис о возможности совершения индивидом «зла ради зла», что определило поиски конкретного механизма, блокирующего рациональный «правильный» выбор. Масштабные трагедии XX столетия выявили, что люди способны и на массовую жестокость. Возможно, руководствуясь идеей, выраженной К. Ясперсом в знаменитых словах о равнодушии или отрицании зла как синониме его самого³¹,

---

²⁹ Соловьев В. Оправдание добра. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. С. 440.

³⁰ *Kekes J. Facing Evil. Princeton University Press, 1990; McGinn C. Ethics, Evil and Fiction. Oxford University Press, 1997; Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, Mass., Belknap Press of Harvard University Press, 1971.*

³¹ *Jaspers K. Von der Wahrheit. Munchen: Piper, 1947. S. 533.*

современные исследователи сделали, по выражению норвежского философа Л. Свендсена, зло своей – чисто человеческой – проблемой³², над пониманием которой стали активно работать: лишившаяся внешней обусловленности деструкция стала реалией, связанной с индивидуальной ответственностью.

При этом эгоистичные и жесткие действия не только входят в сферу внимания исследователей, но, как многим кажется, начинают по-новому восприниматься обществом, которое наделяет зло ранее отсутствовавшими коннотациями. Во-первых, к XX веку зло перестает быть предметом исключительно этических дисциплин, а претендует на особое положение в модусе эстетики. Ж. Бодрийяр отмечал, что в наше время оно начинает пронизывать все сферы существования³³, его повсеместное распространение обуславливает ситуацию, когда представления о зле размываются и становятся неочевидными, что ведет к поляризации оценок даже относительно, казалось бы, очевидно неприемлемых поступков³⁴. Трактровка «злого» поведения оказалась представлена многообразными концепциями, например исследованиями процессов дегуманизации культуры (экзистенциализм), анализом связей зла с психопатологией (фрейдизм, неофрейдизм и др.). Постепенно начинают выделяться и особые виды антисоциальных действий, совершенных по недомыслию или глупости: так, у Х. Арендт они становятся чертой «ужасающе нормального» человека³⁵. Вдохновленные работами Арендт и фактом недостаточного анализа деструктивности в истории философии, многие теоретики (начиная с 1980-х гг.) стали прицельно заниматься темой ее возникновения в человеке, появились исследования, посвященные вопросам злого характера и злой

---

³² Свендсен Л. Там же.

³³ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000.

³⁴ Например, относительно личности Гитлера. См.: *Rosenbaum R. Explaining Hitler: The Search for the Origins of His Evil.* New York Random House, 1998.

³⁵ Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Издательство «Европа», 2008.

личности как первоисточнику зла³⁶. Само многообразие возникших исследований подтверждает мысль о том, что запрос на понимание поведения такого рода в нашем мире более чем актуален.

Модель патологии как источника антисоциальности – еще один модус рассмотрения проблемы, обусловленный развитием естественных наук, в рамках которых начинают выделяться особые группы индивидов, в силу физиологического устройства неспособных к приемлемому для социума поведению. Среди них особое внимание обращают на себя психопаты – тип личности, антисоциальное поведение которого может принимать садистские и крайне жестокие формы, находящиеся в зависимости, как сегодня считается, от устройства их мозга. Именно данный «источник зла» – психопатия – является объектом рассмотрения в данной работе.

Завершая введение, касающееся проблематики «злого» характера, необходимо отметить: если в философии индивиды, демонстрирующие антисоциальное поведение, на протяжении подавляющей части истории не воспринимались как полностью самостоятельные и ответственные существа, не привлекали к себе пристального внимания мыслителей, то в другом сегменте духовной сферы – литературе – персонажи-злодеи издавна являлись предметом осмысленного изображения. Представляется, что первые исследования жестокости и психопатической деструкции содержатся именно в литературных произведениях, которые помещают демонстрирующих указанные проявления личностей в сюжетный контекст, воспроизводящий реальную жизнь, что делает возможным одновременное исследование вариативности и детерминант человеческого поведения, социокультурных условий, поддерживающих или порицающих различные поведенческие стратегии. В этой связи рассмотрение психопатической личности в данной работе будет осуществляться посредством обращения к литературным источникам, которые ранее философии и психологии зафиксировали

---

³⁶ см., например, *Haybron D.M.*, *Moral Monsters and Saints* // *The Monist*, 2002. Vol. 85, No. P. 260–284. *Perrett R.W.*, *Evil and Human Nature* // *Monist*, 2002, Vol. 85, No 2. P. 304–319; *Singer M.G.* *The Concept of Evil*. *Philosophy*, 2004, 79. P. 185–214.

психопатическую модель и сделали психопата героем особого типа. Рассмотрение такого персонажа позволяет зафиксировать, что на протяжении времени содержание его образа менялось, особенно же примечательная трансформация произошла в культуре второй половины XX века, сформировавшей новое отношение к психопату и при этом выявившей параллелизм философских и литературных идей в его осмыслении.

Актуальность темы исследования

Возникший относительно недавно интерес философии к индивидуальной деструктивности и практическим аспектам злого поведения пока не завершился созданием единой теории на этот счет, из-за роста естественнонаучных данных круг проблем, напротив, лишь расширяется. Попытка определить человека – универсальный философский мотив, чрезвычайно актуальный сегодня: тенденция натурализации индивида и сведения его к набору биологических детерминант, лишение его субъектности, развитие технологий, трансформирующих традиционную антропологическую модель, – делают важным детальное рассмотрение всех граней и потенций человеческого существа. Феноменом, концентрирующим различные векторы антропологического рассмотрения (натуралистический, социально-культурный, метафизический) является психопатия – физиологически подтвержденный личностный тип с особой (преимущественно антисоциальной) моделью поведения.

Актуальность обращения к психопатии связана, во-первых, с тем, что наиболее полно с научной точки зрения она была описана лишь в последней четверти XX века, это довольно молодой конструкт, который сегодня активно исследуется медициной и психиатрией. Однако за пределами специализированого естественнонаучного дискурса он не является достаточно популярным и, несмотря на частоту использования терминов

«психопат/социопат»³⁷, общество в целом не знакомо с их содержанием. Вопреки распространенному мнению, психопатия – не вид психического отклонения, а особый тип личности с набором биологически обусловленных черт, которые определяют поведение психопата, формируя его неэмпатийность, эгоизм, умелую социальную мимирию. При этом психопаты своеобразно выходят за границы традиционной человеческой органики, отличаясь особой целеустремленностью, быстротой реакции, стрессоустойчивостью, что порождает вариант адаптационного прочтения психопатии, особенно примечательный в связи с происходящими технологическими и мировоззренческими изменениями, которые, как будет показано, актуализируют психопатические качества. Во-вторых, широкий анализ психопатии в рамках гуманитарных дисциплин вообще не был предпринят: обращение к ней обычно ограничивается дискуссиями о свободе воли; слабо разработана и история становления концепта (что особенно касается отечественной традиции); не проанализирована роль психопатических личностей в социуме, в т.ч. в связи с конкретными историческими реалиями. Между тем кажется, что психопатия может рассматриваться как важная характеристика общества, в особенности современного, способная выявить его актуальные установки, предложить модель дальнейшего развития и обозначить новые ракурсы рассмотрения человека.

В рамках настоящей работы осуществляется анализ психопатии в связи с естественнонаучным, философским, но, главным образом, литературным дискурсом, особое внимание уделяется западной философии и литературе второй половины XX века. Область литературы выделена как основная по ряду причин. Обращение к ней позволяет расширить понимание феномена психопатии, рассмотреть его представленность в произведениях разных эпох, выявить изменения в восприятии психопатических черт на протяжении времени, и таким образом дополнить научно-философские исследования

---

³⁷ О разнице между ними будет сказано далее.

человеческой деструктивности данными культурологического рассмотрения. Доступные сегодня знания об особенностях психопатической личности, в свою очередь, позволяют по-новому взглянуть на известных литературных персонажей, обогащая и возможности трактовки произведений.

Степень разработанности темы в исследовательской литературе

Работа предполагает рассмотрение психопатии как зафиксированного наукой феномена; как предмета изображения художественной литературы; анализ психопатии в связи с философской рефлексией второй пол. XX в.; обращение к психопатии как особому явлению современной культуры.

1) При рассмотрении самого феномена психопатии использовались исследования отечественных и зарубежных ученых. Разработка концепта психопатии в российской среде выделена отдельно, так как имеет свою специфику. Исследование психопатии в российской науке сосредоточено на изучении психопатий как болезненных динамических состояний. Рассмотрения психопатии в этом ракурсе многочисленны, невозможно привести всех авторов, обращавшихся к данной теме (среди них – Б.П. Ганнушкин³⁸, В.Я. Гиндикин, В.А. Гурьева³⁹, А.Б. Смулевич⁴⁰, В.В. Гульдман⁴¹, Б.В. Шостакович⁴², Н.И. Фелинская⁴³, Т.П. Печерникова⁴⁴, В.В.

---

³⁸ Напр., *Ганнушкин П.Б.* Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика. Нижний Новгород: НГМА, 1998.

³⁹ *Гиндикин В.Я., Гурьева В.А.* Психопатология и власть. М.: Институт консультирования и системных решений, 2020; *Гиндикин В.Я.* Очерки истории пограничной советской психиатрии в воспоминаниях психиатра. М.: Высш. шк. психологии, 2007.

⁴⁰ *Смулевич А.Б.* Психогении и невротические расстройства, выступающие в рамках динамики психопатий // Психиатрия и психофармакотерапия, № 4, 2000. С. 99–101.

⁴¹ *Гульдман В.В.* Основные типы мотивации противоправных действий у психопатических личностей // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология, № 1, 1984. С. 31–45; *Гульдман В.В.* Мотивация противоправных действий у психопатических личностей: дис. д-ра психол. наук: 19.00.04. М., 1985.

⁴² *Шостакович Б.В.* Личностные расстройства и криминальная агрессия // Агрессия и психическое здоровье. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2002.

⁴³ *Фелинская Н.И.* Закономерность формирования психопатических личностей и пути ее компенсации и адаптации // Проблемы личности. Материалы симпозиума, Т.2, М., 1970. С. 248–260; *Фелинская Н.И., Чибисов Ю.К.* Глоссарий. Стандартизированные психопатологические синдромы для унифицированной оценки психопатий. М., Министерство здравоохранения СССР, 1972.

⁴⁴ *Печерникова Т.П., Гульдман В.В.* К вопросу о мотивации противоправных поступков у психопатических личностей // Судебно-психиатрическая экспертиза. М., 1978. С. 9–17.

Горинов⁴⁵, И.А. Кудрявцев⁴⁶ и др.). У истоков отечественного учения о психопатиях стояли С.С. Корсаков⁴⁷, В.Х. Кандинский⁴⁸, И.М. Балинский⁴⁹, О.А. Чечотт⁵⁰, настаивавшие на отличности психопатий от других психических заболеваний. Попытки дать психопатии точное научное описание довольно быстро привели российских ученых к выделению различных групп психопатических состояний (работы С.А. Суханова⁵¹, О.В. Кербикова⁵², В.А. Гиляровского⁵³). Русские исследователи впервые попытались физиологически обосновать явление психопатии (П.А. Бутковский⁵⁴), активно разрабатывали варианты ее этиологии, выделяя роль физиологических и социальных факторов в формировании психопатии (В.П. Осипов⁵⁵, Е.К. Краснушкин⁵⁶), при этом уже в ранних исследованиях (В.Х. Кандинского, И.М. Балинского, О.А. Чечотта, В.М. Бехтерева⁵⁷ и далее у П.Б. Ганнушкина⁵⁸) психопатии понимались как динамические образования.

---

⁴⁵ Горинов В.В., Корзун Д.Н., Васюков С.А. Классификация и диагностика расстройств личности в свете положений пересмотра Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем // Российский психиатрический журнал, №2, 2018. С. 50–55.

⁴⁶ Кудрявцев И.А., Сафуанов Ф. С. Эмоциональная и смысловая регуляция восприятия у психопатических личностей возбудимого и истерического круга // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова, №12, 1984. С. 1815–1822.

⁴⁷ Корсаков С.С. Курсь психиатрии. М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнеревъ и Ко, 1893.

⁴⁸ Кандинский В.Х. К вопросу о невменяемости. М.: Книга по Требованию, 2014.

⁴⁹ Балинский И.М. Лекции по психиатрии (1859). Л.: Медгиз, 1958.

⁵⁰ Некрасов В.А. Чечотт Оттон Антонович (1842–1924) – организатор психиатрической службы Санкт-Петербурга // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева, № 3, 2011. С. 59–61. Федотов Д.Д. Очерки по истории отечественной психиатрии. М.: Городец, 2017.

⁵¹ Суханов С.А. Патологические характеры. СПб.: Типография 1 Трудовой артели, 1912. Суханов С.А. Патология морального чувства. Вопросы философии и психологии. М.: Типо-литография Высочайше утвержденного Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1912.

⁵² Кербиков О.В. Проблема психопатий в историческом освещении. Очерк развития учения о психопатиях в XIX столетии // Журнал невропатологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. № 9–10, 1958. С. 1130–1137; Кербиков О.В. Судебные процессы 80-х годов и учение о психопатиях в отечественной медицине // Журнал невропатологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. Т. 58, №.8, 1958. С. 995–1006.

⁵³ Гиляровский, В.А. Психиатрия. М.: Медгиз, 1954.

⁵⁴ Бутковский П.А. Душевные болезни, изложенные сообразно началам нынешнего учения психиатрии в общем и частном, теоретическом и практическом ее содержании. Санкт-Петербург: тип. И. Глазунова, 1834.

⁵⁵ Осипов В.П. Курс общего учения о душевных болезнях. Берлин: Гос. изд. РСФСР, 1923.

⁵⁶ Краснушкин Е.К. Избранные труды. М.: Медгиз, 1960.

⁵⁷ Бехтерев В.М. Психопатия и ее отношение к вопросу о вменении. Казань: Типография Императорского Университета, 1886.

⁵⁸ Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика. Нижний Новгород: НГМА, 1998; Ганнушкин П.Б. В душе психопата. Путешествие в мир без жалости, совести и чувств. М.: Алгоритм, 2018.

Становление учения о психопатиях фиксируют исторические обзоры – работы В.М. Лыткина, С.А. Зуна, Е.С. Курасова, А.Н. Ятманова⁵⁹, Ю.А. Атаджыковой и С.Н. Ениколопова⁶⁰, Ю.А. Александровского и С.Н. Мосолова⁶¹, Ю.Н. Шувалова⁶², Д.Д. Фетодова⁶³, И. Дацковского⁶⁴, И.В. Горшкова и В.В. Горинова⁶⁵ и др. Несмотря на несомненную полезность, данные работы по-разному раскрывают этапы развития концепта и не представляют собой полноценных монографий, целиком посвященных воспроизведению этой обширной темы. Поэтому для изучения феномена психопатии полезны существующие в немногочисленном количестве статьи, внимание которых сосредоточено на отдельных фигурах ученых, развивавших учение о психопатии. Таковы работы Д.С. Озерецковского⁶⁶, Л.Л. Рохлина⁶⁷ и особенно – Н.Ю. Пятницкого⁶⁸. Указанные работы демонстрируют, что рассматриваемые в них авторы склонялись к описанию психопатических личностей как индивидов, тяготеющих к развитию какой-либо другой психической патологии.

---

⁵⁹ Лыткин В.М., Зун С.А., Курасов Е.С., Ятманов А.Н. Об отечественных приоритетах в истории учения о психопатиях // Психология и психотехника, № 2, 2018. С. 32–46.

⁶⁰ Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н. Развитие концепта психопатии в отечественной и зарубежной психологии (обзор литературы) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология» Т. 8, № 3, 2015. С. 77–86.

⁶¹ Александровский Ю.А., Мосолов С.Н. История отечественной психиатрии. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2013.

⁶² Шувалов Ю.Н. Психопатология: учебное пособие. Тула: изд-во Тульского государственного университета 2010.

⁶³ Фетодов Д.Д. Очерки по истории отечественной психиатрии. М.: Городец, 2017.

⁶⁴ Дацковский И. Два подхода к диагностике психопатий // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика: электронный научный журнал, № 4, 2019. URL: http://medpsy.ru/climp/2019_4_26/article06.php (дата обращения: 25.07.2022).

⁶⁵ Горшков И.В., Горинов В.В. Расстройства личности и агрессия (обзор литературы) // Российский психиатрический журнал, № 5, 1998. С. 68–73

⁶⁶ Озерецковский Д.С. Приоритет И.М. Балинского в области учения о психопатиях // Невропатология и психиатрия, № 1, 1951. С.56–59.

⁶⁷ Рохлин Л.Л. Клинические воззрения В. Х. Кандинского // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова, № 4, 1974. С. 608–616.

⁶⁸ Пятницкий Н.Ю. Учение о предрасположенности к психическим расстройствам и понимание «Психопатического» в концепциях J.L.A Koch, R. Von Kraft-Ebing и С. Lombroso // Психическое здоровье, № 12, 2011. С. 74–80; Пятницкий Н.Ю. Учение о типологии психопатий: концепция Э. Кречмера «ключевого переживания» и врожденного дефекта // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова, №6, 2017. С. 59–65; Пятницкий Н.Ю. Теория «слоев» в концепции психопатий Н. Hoffman и «психология влечений» А. Vierkandt // Психическое здоровье, № 11, 2018. С. 81–87; Пятницкий Н.Ю. Стратификационная концепция психопатических личностей Е. Kahn и концепция «нормы» W. Stern // Психиатрия, № 1, 2019. С. 82–94; Пятницкий Н.Ю. Учение о психопатиях: концепция конституциональных типов К. Конрада // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова, № 5, 2019. С. 98–106; Пятницкий Н.Ю. Психопатии и психопатические реакции: концепция О. Bumke // Психиатрия, №3, 2020. С. 86–94; Пятницкий Н.Ю. Эволюция концепции «психопатии» в отечественной психиатрии от В.Х. Кандинского до С.А. Суханова // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова, № 6, 2020. С. 75–81.

Вклад отечественных исследователей в формирование концепта психопатии представляется крайне значимым, выделение неоднородности психопатий, их динамичности позволяет рассматривать психопатию как неоднозначное, многосоставное явление, что соответствует сложности проблемы, однако в то же время такой подход является широким и неопределенным, включает огромное число самых разных состояний, в том числе патологических, что затрудняет развитие концепта. Необходимость отличить психопатию от иных состояний и расстройств, выявить ее более конкретную трактовку, делает неизбежным рассмотрение психопатии на основе данных западной науки, где термин «психопатия» указывает на конкретный личностный тип с четким набором физиологических и поведенческих особенностей.

Обращение к этапам формирования концепта психопатии в западной науке потребовало рассмотрения взглядов ее основных представителей: от основоположника изучения феномена Ф. Пинеля,⁶⁹ с его нейтральным отношением к психопатии, к взглядам на данный феномен как на моральное безумие, подразумевающие соответствующую этическую оценку (Б. Раш⁷⁰, Дж.К. Причард⁷¹). Только со временем в исследованиях произошел отказ от этической нагруженности концепта (Х. Зельмер⁷², Д.К. Тьюк⁷³), начался поиск биологических детерминаций психопатии (Г. Модсли⁷⁴, Л. Кох⁷⁵) и общие исследования психопатических личностей (Р. Крафт-Эбинг⁷⁶ и др.). Долгое время, включая период после Первой мировой войны, психопатия на

---

⁶⁹ *Pinel P.* A treatise on insanity. New York: Hafner, 1962.

⁷⁰ *Rush B.* An enquiry into the influence of physical causes upon the moral faculty. In *Rush B.*, Two essays of the mind (pp. 1–40). New York: Brunner/Mazel, 1972; *Раш Б.* Влияние физических причин на моральную способность // Американские просветители. Избранные произведения в двух томах. М.: Мысль, 1968.

⁷¹ *Prichard J.C.* A treatise on insanity and other disorders affecting the mind. London: Sherwood, Gilbert and Piper, Paternoster-Row, 1835.

⁷² *Selmer H.* One the conditions of psychiatry in Denmark. Copenhagen: Reitzel, 1841.

⁷³ *Tuke D.H.* Dicrionary of psychological medicine. Philadeiphia: Blakiston, 1892.

⁷⁴ *Maudsley H.* Responsibility in mental disease. London: King, 1874.

⁷⁵ *Koch J.L.A.* Die psychopathischen Minderwertigkeiten. In drei Abteilungen. Verlag von Otto Maier, Ravensburg 1891–1893. *Koch J.L.A.* Die Bedeutung der psychopathischen Minderwertigkeiten fuer den Militaerdienst. Verlag von Otto Maier, Ravensburg, 1894.

⁷⁶ *von Kraft-Ebing R.* Lehrbuch der Psychiatrie auf klinischer Grundlage fuer practische Aerzte und Studierende. Drei Baende. Band II. Die specielle Pathologie und Therapie des Irreseins. Stuttgart: Verlag von Ferdinand Enke, 1879.

Западе также рассматривалась как широкий спектр состояний (Э. Крепелин⁷⁷, К. Шнайдер⁷⁸, К. Бирнбаум⁷⁹, Дж. Партридж⁸⁰) в связи с этим утрачивая объяснительную остроту. Однако к середине XX века известнейшие теоретики (Х. Клекли⁸¹, Р.Д. Хаэр⁸²) сформировали «узкое» понимание психопатии, обосновав ее современное прочтение. Закрепился взгляд на психопатию как на конкретный личностный тип, характеризующийся, прежде всего, поведением антисоциальной направленности – отсутствием эмпатии, эгоизмом и равнодушием к наказанию – детерминированным, что важно подчеркнуть, нейробиологией психопатов.

Несомненно, для настоящего исследования оказались полезны общие исторические обзоры становления изучения психопатии (например, у Д.У. Блэка⁸³, П. Хоффа и П. Камениша⁸⁴, Н. Бузиной⁸⁵, Дж.Р. Герли⁸⁶ и др.), однако наиболее важными представляются англоязычные статьи, устанавливающие различные аспекты современного понимания психопатии как конкретного типа личности. Так как тезис об определяющем влиянии биологии на формирование психопатии еще не вполне знаком российскому обществу, не является очевидным или устоявшимся, при описании человеческой личности, свойства которой привычнее связывать с влиянием социальных факторов, особое внимание в работе уделено описанию биологических детерминант психопатии - многочисленные

---

⁷⁷ Kraepelin E. Lectures on Clinical Psychiatry. Ravenio Books, 2014.

⁷⁸ Шнайдер К. Клиническая психопатология. М.: Сфера, 1999.

⁷⁹ Birnbaum K. Psychopathologische Dokumente. Selbstbekenntnisse und Fremdzeugnisse aus dem seelischen Grenzlande. Berlin: Verlag von Julius Springer, 1920. Birnbaum K. Kriminalpsychopathologie. Systematische Darstellung. Berlin: Verlag von Julius Springer, 1921. Verlag von Julius Springer; 1921

⁸⁰ Millon T., Simonsen E., Birket-Smith M., Davis R.D. Psychopathy: Antisocial, Criminal, and Violent Behavior. NY: The Guilford Press, 2004.

⁸¹ Cleckley H. The Mask of Sanity: An attempt to clarify some issues about the so-called psychopathic personality. New York, 1982.

⁸² Напр., Hare R. Psychopathy: Theory and Research. New York: John Wiley & Sons, 1970.

⁸³ Black D.W. The Natural History of Antisocial Personality Disorder // The Canadian Journal of Psychiatry. 2015. Vol. 60. No. 7. P. 309–314.

⁸⁴ Hoff P., Camenisch P. From «psychopathy» to «personality disorder»—conceptual history of a problematic field within psychiatry // Praxis (Bern 1994). 2015. Vol. 104. Non. 23. P. 1271-1277.

⁸⁵ Buzina N. Psychopathy – historical controversies and new diagnostic approach // Psychiatria Danubina. 2012. Vol. 24. No. 2. P. 134–142.

⁸⁶ Gurley J.R. A history of changes to the criminal personality in the DSM // History of Psychology. 2009. Vol. 12. No. 4. P. 285–304.

естественнонаучные исследования фиксируют особенности физиологии психопатов (подробно изучен мозг психопатов, психопатическая агрессия с биологических и социальных точек зрения, варианты коррекции антисоциального поведения и т.д.). Основу данного направления исследований заложили Х.М. Клекли⁸⁷, Р.Д. Хаэр⁸⁸, К. Кил⁸⁹. Статьи, подробно рассматривающие указанные аспекты, столь многочисленны, что не представляется возможным их перечислить, стоит лишь отметить, что они представлены, например, в базе National Library of Medicine, где по ключевому слову «психопатия» можно обнаружить большое количество публикаций. Именно рассмотрение психопатии исходя из современных западных данных, основанных на многочисленных естественнонаучных источниках, составляет новизну и важную сторону данной работы, равно как их введение в поле гуманитарного анализа, что сегодня в российских исследованиях в рамках теории и философии культуры практически не распространено, и данной теме лишь предстоит развиваться.

Социальный анализ психопатии содержится в работах Р.Д. Хаэра⁹⁰, П. Бабиака⁹¹, Н. Мак-Вильямс⁹², К.А. Кила⁹³, Ф. Коукулика⁹⁴, К. Даттона⁹⁵, М. Стаут⁹⁶, С. Пинкера⁹⁷. Однако положения этих работ в значительной степени

---

⁸⁷ *Cleckley H.* The Mask of Sanity: An attempt to clarify some issues about the so-called psychopathic personality 5th edition, 1988. URL: http://www.cix.co.uk/~klockstone/sanity_1.pdf (дата обращения – 18.05.2021).

⁸⁸ *Hare R.D.* Diagnosis of Antisocial Personality Disorder in two prison populations // *American Journal of Psychiatry*. 1983. Vol. 140. P. 887– 890; *Hare R.D.* The Hare Psychopathy Checklist-Revised (PCL-R). Toronto, Ontario: Multi-Health Systems, 1991; *Hare R.D.* Without conscience: Disturbing world of psychopaths among us. New York: The Guilford Press, 1993; *Hare R.D.* Psychopathy: Theory, research, and implications for society. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1998. P. 105-139.

⁸⁹ *Kiehl K., Liddle P.* Neural pathways involved in the processing of concrete and abstract words // *Human Brain Mapping*, Vol. 7. No. 4. P. 225-233; *Kiehl K.* A cognitive neuroscience perspective on psychopathy: Evidence for paralimbic system dysfunction // *Psychiatry Research*. 2006. Vol. 142. No. 2–3. P. 107–128; *Anderson N., Kiehl K.* Psychopathy: developmental perspectives and their implications for treatment // *Restorative Neurology and Neuroscience*. 2014. Vol. 32. No. 1. P. 103–17.

⁹⁰ *Хаэр Р.Д.* Лишенные совести: пугающий мир психопатов. М.: Вильямс, 2007.

⁹¹ *Бабяк П., Хаэр Р.Д.* Змеи в костюмах. Как защититься от психопатов на работе. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021.

⁹² *Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика. М.: Класс, 2015.

⁹³ *Кил К.А.* Психопаты. Достоверный рассказ о людях без жалости, без совести, без раскаяния. М.: Центрполиграф, 2019; *Kiehl K.A.* A cognitive neuroscience perspective on psychopathy: Evidence for paralimbic system dysfunction // *Psychiatry Research*. 2006. Vol. 142. No. 2–3. P. 107–128.

⁹⁴ *Koukolik F.* Sociálně úspěšní psychopati, aneb, Vzpoura deprivantů. Praha: Galén, 2020.

⁹⁵ *Даттон К.* Мудрость психопатов. СПб.: Питер, 2014.

⁹⁶ *Стаут М.* Социопат по соседству: люди без совести против нас: как распознать и противостоять. М.: Издательство «Э», 2018.

дискретны и субъективны. Так, М. Стаут скорее склоняется к констатации неприятного и опасного для окружающих содержания психопатии, в то время как Ф. Коукулик и К. Даттон подчеркивают ее адаптивное значение, полезность психопатов для общества в виду их особых качеств (таких как работоспособность, сосредоточенность на цели, самостоятельность мышления). Работы отечественных ученых Ю.А. Александровского⁹⁸, В.А. Гурьевой, В.Я. Гиндикина⁹⁹, А.Е. Личко¹⁰⁰ позволили выявить актуальное прочтение психопатии в среде русскоязычных исследований, работы В.А. Гурьевой и В.Я. Гиндикина оказались особенно полезны в связи с обоснованием необходимости рассмотрения психопатии в широком социально-историческом контексте. Однако т.к. под психопатиями эти авторы понимают довольно широкий спектр состояний, их положения не всегда применимы при анализе психопата в узком варианте. Таким образом, поскольку социальная аналитика психопата еще далека от образования единого концептуального поля, в работе содержится попытка проанализировать некоторые социальные аспекты существования психопатической личности.

2) Указать объемные работы, целиком посвященные исследованию психопатических литературных персонажей, практически не представляется возможным. Дискретные указания на героев-психопатов иногда встречаются в исследованиях самой психопатии, например, у Р. Д. Хаэра или К. Даттона (Ганнибал Лектер, леди Макбет, Рода из «Дурного семени» У. Марча), где, однако, подобные фигуры упоминаются вскользь, в связи с чем нет возможности выявить хоть некое подобие подхода к анализу литературных вариантов психопатии. По данному вопросу удалось обнаружить лишь

---

⁹⁷ *Пинкер С.* Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше. М.: Альпина нон-фикшн, 2021; *Пинкер С.* Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.

⁹⁸ *Александровский Ю.А.* Пограничные психические расстройства. Учебное пособие. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2007.

⁹⁹ *Гиндикин В.Я., Гурьева В.А.* Психопатология и власть. М.: Институт консультирования и системных решений, 2020.

¹⁰⁰ *Личко А.Е.* История глазами психиатра. М.: Знание, 1967.

небольшое число статей. Так, на русском языке к этой теме обращались Т. Литвинцева¹⁰¹, Г. Бедненко¹⁰², Н.А. Благовещенский¹⁰³. Общая черта данных текстов – обращение к литературным героям-психопатам как к иллюстрации разговора о самом феномене психопатии. Т. Литвинцева в основном исследует опасность встречи с психопатом в жизни и рабочем коллективе, активно ссылаясь на фигуру Миледи из романа Дюма «Три мушкетера», Г. Бедненко также использует литературных персонажей для разговора о психопатии, анализируя через последнюю, например, образ Серого волка из «Красной шапочки». Н. Благовещенский указывает, что поставить диагноз литературному персонажу не представляется возможным, любая отсылка к психопатии в данном случае носит условный характер. То же касается англоязычных текстов. Небольшой обзор литературных персонажей психопатического склада содержится в статье Б. Пеховского-Йозвяка и Ж. Богуславского¹⁰⁴ (Барабас из «Мальтийского еврея» К. Марлоу, Шейлок из «Венецианского купца» У. Шекспира, Раскольников из «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского, Ганнибал Лектер и Буффало Бил из «Молчанья Ягнят» Т. Харриса), образы нескольких женщин-психопаток (Афродита, Медея, Гера; маркиза де Мертей («Опасные связи»), Веда («Милдред Пирс»), Эрика Кохут («Пианистка»)) рассмотрены Э. Форузан и Д. Куком¹⁰⁵, К. Логан¹⁰⁶. Последняя ставит задачу раскрыть, в чем состоит психопатия рассматриваемых персонажей и какова особенность ее «женского» проявления. В целом, поскольку черты психопатии возможно приписать героиням, которые демонстрируют разного рода «плохое»

---

¹⁰¹ Литвинова Т. Миледи идет на работу. Психопаты среди литературных героев и среди нас // Теория и практика психотерапии, №1, 2014. С. 41–51.

¹⁰² Бедненко Г. Психопаты в сказках и литературе. URL: <https://psynavigator.ru/publikacii/psihopaty-v-skazkah-i-literature> (дата обращения: 22.07.2022).

¹⁰³ Благовещенский Н.А. Расчленение Кафки. Статьи по прикладному психоанализу. URL: <https://psy.wikireading.ru/98771?ysclid=15xlm7yurx892698833> (дата обращения: 22.07.2022).

¹⁰⁴ Piechowski-Jozwiak B., Bogousslavsky J. Psychopathic characters in fiction // *Frontiers in Neuroscience*. 2013. Vol. 31. P. 61-68.

¹⁰⁵ Forouzan E., Cooke D.J. Figuring out a femme fatale: conceptual and assessment issues concerning psychopathy in females // *Behavioral Sciences and the Law*. 2005. Vol. 23. No. 6. P. 765–778.

¹⁰⁶ Logan C. La femme fatale: the female psychopath in fiction and clinical practice // *Mental Health Review Journal*. 2011. Vol. 16. No. 3. P. 118–127.

поведение (мачехам, стервам, роковым женщинам) – уместно выделить книгу С. Агияр¹⁰⁷, которая обращается к анализу вышеуказанных негативных женских образов в литературе, однако последовательного раскрытия концепта психопатии в данной работе нет. Косвенным образом психопатические черты можно вычленять в исследованиях, посвященных серийным убийцам, т.к. последние могут рассматриваться как гротескный вариант антиобщественного поведения, что встречается у К. Халтуннен¹⁰⁸, Ф.Л. Симпсона¹⁰⁹ (например, персонажи из «Молчанья ягнят» и «Красного дракона» Т. Харриса, «Американский психопат». Б.И. Эллиса и др.), что касается и отдельных исследований, посвященных яркому литературному психопату – доктору Лектеру¹¹⁰, который интересуется автором сам по себе, вне аналогичных психопатических образов.

3) Говоря о представленности психопатии в современной культуре, предварительно стоит подчеркнуть, что в нижеперечисленных исследованиях не содержится анализ психопатии в единстве разных проявлений, авторами не предлагаются целостные концепции роли психопатии в современной культуре: небольшие по объему работы исследуют конкретные проявления и действия психопатических фигур в разных культурных областях (сериалах, СМИ, политике) и являются очень немногочисленными.

Исследования, в которых прежде всего затрагивается связь психопатии и массовой культуры, сосредоточены главным образом на фигуре психопата в сериальной продукции. В частности, анализируются критерии диагностики психопатии и варианты психопатических проявлений в связи с вопросом о достоверности фигур различных кинопсихопатов, что можно встретить,

---

¹⁰⁷ Aguiar S.A. *The Bitch is Back: Wicked Women in Literature*. Carbondale, IL: Southern Illinois University Press, 2001.

¹⁰⁸ Haltunnen K. *Murder Most Foul: The Killer and the American Gothic Imagination*. Cambridge: Harvard University Press, 1998.

¹⁰⁹ Simpson Ph. L. *Psycho Paths: Tracking the Serial Killer Through Contemporary American Film and Fiction*. Illinois: Southern Illinois University Press, 2000.

¹¹⁰ Endah D. Serial killer in popular literature: a formula analysis of Hannibal Lecter series // *Journal of Transnational American Studies*. 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/347195712_SERIAL_KILLER_IN_POPULAR_LITERATURE_A_FORMULA_ANALYSIS_OF_HANNIBAL_LECTER_SERIES (дата обращения 22.07.2022).

например, у С. Лейштедт, Дж. и П. Линковски,¹¹¹ Дж. и Г. Габбарт¹¹², Д.Д. Хэнлон¹¹³; выборку женских психопатических персонажей предлагают К. Черни, С.Х. Фридман и Д. Смит¹¹⁴. В данных работах авторы затрагивают и аспекты эволюции рассматриваемых героев, однако подробный анализ отсутствует. Рассмотрение психопатии в кино связано также с попыткой понять, возможно ли использовать эти произведения для прямого получения знаний о психопатии и соответствующего обучения студентов (работы М. Гессе¹¹⁵, С. Шлиеве, М. Гессе и Р.Р. Томсена¹¹⁶), в которых авторы демонстрируют утрированное изображение психопатической личности, не раскрывающее, по их мнению, ряд важных для понимания феномена факторов (взаимодействие психопата с окружающими, возможные эмоциональные проблемы). Примечательна работы С.О. Лилиенфельда, И.Д. Вальдмана, К. Лэндфилд и др.¹¹⁷, предлагающих идею «темной триады» личности, основанной на нарциссизме, психопатии и коварстве, на основе которой в ключе, связанном с психопатией, анализируется ряд популярных персонажей массового кино (доктор Хаус, Бэтмен, Джеймс Бонд).

Так как психопат – чрезвычайно яркий персонаж с неиссякаемым потенциалом для использования в СМИ, необходимо выделить исследования, фиксирующие роль медиа (в первую очередь, средств массовой информации) в эксплуатации и распространении данного образа: работы М. Кеслера, Э.

---

¹¹¹ *Leistedt S.J., Linkowski P.* Psychopathy and the Cinema: Fact or Fiction? // *Journal of Forensic Sciences*. 2013. Vol. 59. No 1. P. 167–174.

¹¹² *Gabbard G.O., Gabbard K.* A filmography for the depiction of psychiatry in the American cinema // Gabbard G.O., Gabbard K, editors. *Psychiatry and the cinema*. Washington, DC: American Psychiatric Press Inc., 1999. P. 315–353.

¹¹³ *Hanlon D.J.* Killer Queens: Screen representations of the gay psychopath // *International Review of Psychiatry*. 2009. Vol. 21. No. 3. P. 271–272.

¹¹⁴ *Cerny C., Friedman S.H., Smith D.* Television's "crazy lady" trope: female psychopathic traits, teaching, and influence of popular culture // *Academic Psychiatry*. 2014 Vol. 38. No. 2. P. 233–241.

¹¹⁵ *Hesse M.* Portrayal of psychopathy in the movies // *International Review of Psychiatry*. 2009. Vol. 21. No. 3. P. 207–212.

¹¹⁶ *Hesse M., Schliewe S., Thomsen R.R.* Rating of personality disorder features in popular movie characters // *British Medical Council Psychiatry*. 2005. Vol. 45. No. 5. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/16336663/> (дата обращения: 24.07.2022).

¹¹⁷ *Lilienfeld S.O., Waldman I.D., Landfield K., Watts A.L., Rubenzer S., Faschingbauer T.R.* Fearless dominance and the U.S. presidency: Implications of psychopathic personality traits for successful and unsuccessful political leadership // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 103. No. 3. P. 489–505.

ДеМаттео¹¹⁸, Д.В. Джонса¹¹⁹, К. Астнер¹²⁰, где также рассматривается влияние СМИ на различные сферы, затрагивающие вопросы осмысления психопатии (включая право и медицину). На вопросе о том, насколько распространяемый в медиа психопатический дискурс способен влиять на реципиента и формировать его поведение, сосредоточены работы Р. Риваденейра и М. Лебо¹²¹, Б. Крахе, Р. Бушинг, И. Моллер¹²², К. Сэлмон¹²³, С.М. Койн и Дж. Арчер¹²⁴. При этом проблема романтизации и оправдания психопатических злодейских образов, которые могут привлекать зрителей, так что последние начинают разделять их установки, отмечается у М. Кеслера, Э. ДеМаттео, С.М. Койн, Д.А. Нельсон и др.¹²⁵

Для установления дополнительных аспектов современной культурной представленности психопатии можно отметить постулат о связи поведения, соответствующего психопатической модели, с благоприятствующей ему современной городской средой, что нашло отражение в популярной культуре (на это указывают исследования Н. Маккоу¹²⁶, Ф. Коукулика¹²⁷). Отдельно стоит выделить сопоставление внимания к убийцам в связи с культурными практиками у Д. Шмида¹²⁸, а также книгу Дж. Кука¹²⁹, обращающегося к

---

¹¹⁸ *Keesler M.E., DeMatteo D.* How Media Exposure Relates to Laypersons' Understanding of Psychopathy // *Journal of forensic sciences*. 2017. Vol. 62. No. 6. P. 1522–1533.

¹¹⁹ *Jones D.W.* Psychopathy and the Media. 2017. URL: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190264079.013.278> (дата обращения: 24.07.2022).

¹²⁰ *Astner K.* Depiction of psychopathy in Swedish mass media. 2021. URL: <https://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordOId=9062462&fileOId=9062463> (дата обращения: 24.07.2022).

¹²¹ *Rivadeneira R, Lebo M.* The association between television-viewing behaviors and adolescent dating role attitudes and behaviors // *Journal of adolescence*. 2008. Vol. 31. No. 3. P. 291–305.

¹²² *Krahe B, Busching R, Moller I.* Media violence use and aggression among German adolescents: associations and trajectories of change in a three-wave longitudinal study // *Psychology of popular media culture*. 2012. Vol. 1. No. 3. P. 152–166.

¹²³ *Salmon C., Burch R.L.* Popular Culture // *Evolutionary Studies in Imaginative Culture*. 2022. URL: <https://doi.org/10.26613/esic.6.1.292> (дата обращения: 24.07.2022).

¹²⁴ *Coyne S.M, Archer J.* Indirect aggression in the media: a content analysis of British television programs // *Aggressive Behavior*. 2004. Vol. 30. P. 254–271.

¹²⁵ *Coyne S.M, Nelson D.A, Graham-Kevan N, Tew E., Meng K.N, Olsen J.A.* Media depictions of physical and relational aggression: connections with aggression in young adults' romantic relationships // *Aggressive Behavior*. 2011. Vol. 37. No. 1. P. 56–62.

¹²⁶ *McCaw N.* The Psychopath and the City: Popular Cultural Mythologies // *Hidden Cities: Understanding Urban Popcultures*. P. 35–41. URL: https://www.academia.edu/37043155/The_Psychopath_and_the_City (дата обращения: 24.07.2022).

¹²⁷ *Koukolík F.* Sociálně úspěšní psychopati, aneb, Vzpoura deprivantů. Praha: Galén, 2020.

¹²⁸ *Schmid D.* Natural Born Celebrities: Serial Killers in American Culture. Chicago: The University of Chicago Press, 2005.

межкультурным различиям в частоте проявления и восприятии психопатии. Кажется важным, что эта работа подчеркивает необходимость рассмотрения психопатии в пространстве конкретной культуры, однако акцент в ней делается на сопоставлении психопатических личностей в американском и европейском мире, а также на возможных методах подобных исследований, не подразумевающая создания галереи психопатических персонажей.

В общих чертах представленность и роль в современном мире тем и явлений, связанных с психопатией и насилием, присутствует в работах С. Пинкера¹³⁰ в рамках развиваемой им идеи о снижении насилия, при раскрытии которой С. Пинкер обращается к насильственным проявлениям в культуре XX века, что полезно для понимания рассматриваемой темы. Рост психопатических проявлений отмечают Р.Д. Хаэр, Ф. Коукулик, К. Даттон, обращая внимание на ее связь с насильственной природой видеоигр, шоу-бизнесом, политикой. Исследование связи психопатии с лидерством у Р.Д. Хаэра, П. Бабьяка¹³¹ и политикой представляется важным, т.к. может быть связано с формированием соответствующих ролевых моделей, что также попало в фокус внимания С.О. Лилиенфельда, И.Д. Уолдмана, К. Лэндфилд, А.Л. Уоттс¹³², и, например, С. Робенцера, Т. Дж. Фашингбауэра, Д.С. Онес¹³³.

Таким образом, рассмотрение психопатии в современной культуре предполагает обращения к исследованиям, в которых анализируются разные аспекты психопатической личности. Что же касается основного концептуального содержания данного раздела – рассмотрения психопатии как особого содержательного феномена современной культуры, в ее рамках меняющего свое традиционное прочтение – в вышеперечисленных работах

---

¹²⁹ *Cooke D.J., Forth A.E., Hare R.D. Psychopathy Across Cultures // Psychopathy: Theory, Research and Implications for Society. Dordrecht, Boston, London: Kluwer Academic Publishers, 1997. P. 12–45; Cooke D.J., Michie C. Psychopathy across cultures: an Item Response Theory comparison of Hare's Psychopathy Checklist-Revised // Psychological Assessment. 1997. Vol. 9. No 1. P. 3–14.*

¹³⁰ *Пинкер С. Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.*

¹³¹ *Babiak P., Hare R.D. Snakes in Suits. When psychopaths go to work. Harper Busines, 2006*

¹³² *Lilienfeld S.O., Waldman I.D., Landfield K., Watts A.L., Rubenzer S., Faschingbauer T.R. Указ. Соч.*

¹³³ *Rubenzer S.J., Faschingbauer T.J. Personality, character, and leadership in the White House: Psychologists assess the presidents. Dulles, VA: Potomac Books, 2004; Rubenzer S.J., Faschingbauer T.J., Ones D.S. Assessing the U.S. presidents using the Revised NEO Personality Inventory // Assessment. 2000. Vol. 7. No. 4. P. 403–419.*

данная тема не поднимается и практически не развивается (упоминания есть, но они, как было указано, фрагментарны), в целом, работы, фиксирующие данную проблематику, неизвестны.

4) В работе осуществляется анализ философской рефлексии второй пол. XX века в связи с явлением психопатии, которая рассматривается как особый модус человеческой деструктивности. При этом отсутствуют признанные философские авторитеты, напрямую обращавшиеся к данному феномену, чьи работы можно было бы задействовать при раскрытии темы. Влиятельные мыслители и философы XX века, в оптике которых находились вопросы, связанные с психологией или медициной, такие как М. Фуко, Э. Фромм, З. Фрейд, не затрагивали напрямую явление психопатии, хотя и обращались к релевантной проблематике. Так, Э. Фромм в «Анатомии человеческой деструктивности»¹³⁴ рассуждал о людях, которых описал как типичных психопатов (рассматривая их как иллюстрацию «замаскированной депрессии», являющейся результатом «некомпенсированной скуки», характерной для его времени¹³⁵), однако сам термин (и концепт) не использовал. Предположение о том, с чем могло быть связано это невнимание, содержится в заключении работы, возможно, имело значение всеобщее увлечение психоанализом и установка на широкое, выходящие за пределы позитивной психологии, рассмотрение вопросов, связанных с личностью. В связи с вышеуказанным психопатический дискурс в настоящей работе исследуется опосредованно – через обращение к ключевым, по мнению автора, идеям периода, так или иначе связанным с психопатической проблематикой.

2.1. Таковыми являются исследования, посвящённые проблеме человеческой деструктивности. К XX веку сформировался запрос понять антисоциальную сторону людей, исследуется связь проявлений агрессии с

---

¹³⁴ Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. М.: Республика, 1994.

¹³⁵ Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. М.: Республика, 1994. С. 160.

биологическими свойствами человека (З. Фрейд¹³⁶, Ф. Перлз¹³⁷, К. Лоренц¹³⁸, Д. Моррис¹³⁹, Б.Ф. Скиннер¹⁴⁰). Введший в философский дискурс указанную проблематику З. Фрейд не только обосновал анализ человека через диалектическую пару с изначально заданным разрушительным элементом (Эрос–Танатос), рассмотрев агрессию как биологический инстинкт, но и предложил ее философское прочтение: с одной стороны агрессия, являясь воплощением стремления к смерти, проявляется в разрушительных формах (война, садизм и др.), с другой – способствует самосохранению индивида. Представляется важным, что последующая философия реинтерпретирует идеи Фрейда: Ж. Батай¹⁴¹, Ж. Делез¹⁴², М. Фуко¹⁴³, Ж. Бодрийяр¹⁴⁴ увидели в деструкции необходимый и важный инструмент самостановления индивида, трактуя его в символически – позитивном ключе. Описанные ими поведенческие стратегии прямо отсылают к концепту психопатии, что особенно касается явления садизма, анализу которого посвящены работы Ж. Батайя, М. Бланшо, С. де Бовуар, Р. Барта и др.¹⁴⁵ Не принимая во внимание (или не будучи знакомы) с явлением психопатии, указанные мыслители идеализируют проявления антисоциальности, в то время как столкновение с психопатами на практике далеко от воспевающего его теоретического контекста. Подобная проблематизация философских постулатов раскрывается в работе посредством обращения к литературному творчеству: представляется, что писатели, помещая подобных личностей в реальную жизнь, вскрывают противоречивость теории.

---

¹³⁶ Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990.

¹³⁷ Перлз Ф. Эго, голод, агрессия. М.: Смысл, 2000.

¹³⁸ Лоренц К. Агрессия. М.: «Прогресс»; «Универс», 1994.

¹³⁹ Моррис Д. Голая обезьяна. СПб.: Амфора, 2004.

¹⁴⁰ Скиннер Б.Ф. Наука и человеческое поведение. Новосибирск: НГУ, 2017.

¹⁴¹ Батай Ж. История эротизма. М.: Логос, 2007. Батай Ж. «Проклятая часть»: сакральная социология. М.: Ладомир, 2006.

¹⁴² Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.

¹⁴³ Фуко М. О трангрессии // Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб.: Мифрил, 1994.

¹⁴⁴ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000.

¹⁴⁵ Работы этих авторов вошли в сборник: Маркиз де Сад и XX век (сборник). Сост. М.К. Рыклин. М.: РИК «Культура», 1992.

2.2. Представленность в обществе жестокого, потенциально психопатического поведения, невозможно рассматривать вне социальных факторов. В связи с этим особую роль играют исследования, устанавливающие связь индивидуальной деструктивности с политической сферой (и ее главным институтом – государством) как наиболее влиятельной областью, порождающей насилие. Рассмотрение политики, государства и навязанной ими идеологии как механизмов, продуцирующих насилие, далее усваиваемое индивидами, можно встретить в трудах Л. Альтюссера¹⁴⁶, С. Жижека¹⁴⁷, Т. Адорно и М. Хоркхаймера¹⁴⁸, Г. Маркузе¹⁴⁹, Э. Гидденса¹⁵⁰, М. Фуко¹⁵¹, П. Бурдьё¹⁵², Ж. Бодрийяра¹⁵³, П. Слотердайка¹⁵⁴, К.Г. Юнга¹⁵⁵ и др. При том, что в формулировке Фуко репрессивный государственный механизм проявляется в широком наборе дисциплинарных практик, указанные авторы особо обращаются к теме интериоризации человеком внешнего насилия. В таком ракурсе оказывается возможным постулировать влияние государства на становление психопатической модели действий. Хотя указанные исследователи также напрямую не обращались к психопатии, разработанные ими положения фиксируют политико-социальную ситуацию, которая может рассматриваться как благоприятная для формирования психопатического поведения и дающая возможности для анализа феномена.

---

¹⁴⁶ Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас, № 3, 2011. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html> (дата обращения: 18.07.2022).

¹⁴⁷ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999; Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010.

¹⁴⁸ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум; Ювента. 1997.

¹⁴⁹ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М: АСТ, 2002.

¹⁵⁰ Giddens A. Nation-state and violence. Cambridge: Polity Press, 1985.

¹⁵¹ Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996; Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

¹⁵² Бурдьё П., Пассрон, Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования. М.: Просвещение, 2007.

¹⁵³ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екб.: Изд-во Уральского Ун-та, 2000.

¹⁵⁴ Слотердаик П. Критика цинического разума. Екб.: Изд-во Уральского ун-та, 2001.

¹⁵⁵ Юнг К.Г. Нераскрытая самость (настоящее и будущее) // Аналитическая психология: Прошлое и настоящее / К.Г. Юнг, Э.Сэмюэлс, В. Одайник, Дж. Хаббэк; Сост. В. В. Зеленский, А. М. Руткевич. М.: Мартис, 1995

2.3. В связи как с биологической, так и социальной детерминацией уместно обратиться и к теме смерти субъекта, в рамках которой получил развитие дискурс, релевантный проблематике психопатии. К данной теме отсылают работы З. Фрейда¹⁵⁶, Р Барта¹⁵⁷, М. Фуко¹⁵⁸, Ж. Деррида¹⁵⁹, Ж. Делеза¹⁶⁰, Ж. Лакана¹⁶¹, А. Кожева¹⁶², Е.В. Косиловой¹⁶³, Д.Э. Гаспарян¹⁶⁴, Н.Б. Маньковской¹⁶⁵ и др. Вопрос о субъекте в рассматриваемый период преимущественно сводится к тезису о конструировании субъекта внешними силами, лишению его самостоятельности. Хотя проблема субъекта требует дальнейшего философского осмысления, актуален вопрос о том, может ли человек вообще заниматься самоконструированием, и если да – то каким образом. При том, что субъект как существо мыслящее и действующее в философии зачастую рассматривается как противостоящее чему-либо, одним из вариантов самополагания становится антисоциальное поведение в качестве возможности заявить о себе, отрицая окружающую действительность. В этом ракурсе психопатия с ее предельной разрушительностью может быть рассмотрена как попытка человека преодолеть фрустрирующее лишение его субъектности.

2.4. По мнению ряда исследователей, для личности также опасна толпа, в которой человек теряет индивидуальность и способность принимать ответственные решения, в связи с чем влияние массы необходимо рассмотреть особо – через обращение к типу массовой культуры, оформившей и легализовавшей новый тип человека. Массовой культуре

---

¹⁵⁶ Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения. СПб.: Алетейя, 1998. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». М.: Издательство «Э», 2016.

¹⁵⁷ Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. Барт Р. Camera lucida. М.: Ad Marginem, 1997.

¹⁵⁸ Фуко М. Воля к истине: По ту сторону власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996.

¹⁵⁹ Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000.

¹⁶⁰ Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.

¹⁶¹ Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и технике психоанализа (Семинары, Книга 2). М.: Логос, 2009.

¹⁶² Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2013.

¹⁶³ Косилова Е.В. Парадигмы субъектности. СПб.: Алетейя, 2021.

¹⁶⁴ Гаспарян Д.Э. Рождение и смерть субъекта в философии А. Кожева // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 240–246; Гаспарян Д.Э. Введение в неклассическую философию. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.

¹⁶⁵ Маньковская Н.Б. «Париж со змеями» (введение в эстетику постмодернизма). М.: ИФРАН, 1994.

посвящено огромное количество исследований – работы Х. Ортега-и-Гассета¹⁶⁶, Т. Адорно, М. Хоркхаймера¹⁶⁷, В. Беньямина¹⁶⁸, Г. Маркузе¹⁶⁹, Ф. Джеймисона¹⁷⁰, Ж. Бодрийера¹⁷¹, Р. Барта¹⁷², У. Эко¹⁷³, С. Жижека¹⁷⁴, публикации Н.Л. Соколовой¹⁷⁵, А.В. Костиной¹⁷⁶, К.А. Тарасова¹⁷⁷, Т.А. Хагурова¹⁷⁸ и др. В целом считается, что массовизация и демократизация культуры вывели на сцену безответственного и нетворческого потребителя, который в своих установках во многом повторяет психопатическую стратегию действий (чувственность, немедленное удовлетворение желаний, безответственность и инфантильность, эгоистичность). Это формирует следующий возможный ракурс рассмотрения психопатии – как иллюстрации и заострения темы разрушительности массового человека.

5) В качестве теоретической основы исследования задействованы работы, направленные на осмысление культурной ситуации второй половины XX века: исследования И. Хассана¹⁷⁹, П. Андерсона¹⁸⁰, Л. Хатчеон¹⁸¹, Н.Б. Маньковской¹⁸², Ф. Джеймисона¹⁸³, Д. Келлнера¹⁸⁴, З. Баумана¹⁸⁵, А.И.

---

¹⁶⁶ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003.

¹⁶⁷ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум; Ювента. 1997.

¹⁶⁸ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Избранные эссе. М.: Медиум, 1996.

¹⁶⁹ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2002.

¹⁷⁰ Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.

¹⁷¹ Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екб.: Изд-во Урал. Ун-та, 2000;

¹⁷² Барт Р. Мифологии. М.: Акад. Проект. Фр. проект, 2010

¹⁷³ Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: Симпозиум, 2007.

¹⁷⁴ Все, что вы хотели знать о Лакане (но боялись спросить у Хичкока) / С. Жижек (ред.). М.: Логос, 2004. Жижек С. Искусство смешного возвышенного. М.: Европа, 2011.

¹⁷⁵ Соколова Н.Л. Популярная культура Web 2.0. К картографии современного медиаландшафта. Самара: Изд-во Самарский ун-т, 2009.

¹⁷⁶ Костина А.В. Массовая культура: аспекты понимания // Знание. Понимание. Умение. №1, 2006. С. 28–35. Костина А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М.: Либроком, 2020.

¹⁷⁷ Тарасов К.А. Насилие в зеркале аудиовизуальной культуры. М.: Белый Берег, 2005.

¹⁷⁸ Хагуров Т.А. Массовая культура в обществе потребления // Вестник РУДН, серия Социология, 2007, №1. С. 81–86.

¹⁷⁹ Хассан И. Раздвигание Орфея. К проблеме постмодернистской литературы. М.: Эксмо, 1999.

¹⁸⁰ Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011.

¹⁸¹ Хатчеон Л. Поэтика постмодернизма: история, теория, художественная литература. Нью-Йорк: Рутледж, 2004.

¹⁸² Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000.

¹⁸³ Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.

¹⁸⁴ Best S., Kellner D. The Postmodern Turn. Guilford Press, 1997.

Извекова¹⁸⁶ А.В. Павлова¹⁸⁷, В.М. Диановой¹⁸⁸ и др. В основу анализа постмодернизма как культурной парадигмы легли также публикации в различных литературоведческих, культурологических и философских журналах – статьи Р.М. Алейник¹⁸⁹, Г.Ю. Литвинцевой¹⁹⁰, В. Вельша¹⁹¹, О.Б. Вайнштейн¹⁹² и др. Важно оговориться, что единого термина для обозначения философского течения второй половины XX века не существует: во Франции этот период именуют постструктурализмом, в США – постмодернизмом. Последний термин хорошо прижился и в России, но наряду с ним также говорят о неклассической философии (М. Мамардашвили), используются и многочисленные вариации с приставками «пост-пост...». В целом любой из приведенных терминов указывает на новый тип философствования, подразумевая ряд сходных для различных направлений установок (плюрализм, пересмотр идеалов классической рациональности, отказ от дуализма, в частности, от субъект-объектной оппозиции, признание частичной иррациональности психики и т.п.), поэтому вышеозначенные термины в рамках данной работы будут считаться взаимозаменяемыми и транслирующими сходные смыслы¹⁹³. Однако как общий культурный знаменатель второй половины XX века рассматривается именно постмодернизм, основные установки которого не только выявили характерные черты времени, но и обусловили специфику литературного

---

¹⁸⁵ *Bauman Z.* Intimations of Postmodernity. London: Routledge, 1992; *Бауман З.* Спор о постмодернизме // Социологический журнал, № 4, 1994. С. 69–80.

¹⁸⁶ *Извеков А.И.* Проблема личности постмодерна: Кризис культурной идентификации. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2008.

¹⁸⁷ *Павлов А.В.* Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.

¹⁸⁸ *Дианова В.М.* Постмодернистская философия искусства: истоки и современность. СПб.: Петрополис, 1999.

¹⁸⁹ *Алейник Р.М.* Проблема человека в философской постмодернистской литературе. Вестник Томского государственного университета. № 276, 2007. С. 62–69. *Алейник Р.* Образ человека во французской постмодернистской литературе // Спектр антропологических учений. М.: ИФ РАН, 2006. С. 199–214.

¹⁹⁰ *Литвинцева Г.Ю.* Гиперреальность в эпоху постмодерна // Вестник СанктПетербургского государственного университета культуры и искусств, № 2, 2011. С. 43–54.

¹⁹¹ *Вельш В.* Постмодерн. Генеология и значение одного спорного понятия // Путь, № 1, 1992. С. 109–136.

¹⁹² *Вайнштейн О.Б.* Постмодернизм: история или язык? // Постмодернизм и культура: материалы круглого стола // Вопросы философии, № 3, 1993. С. 3–7.

¹⁹³ О терминологии см.: *Гаспарян Д.Э.* Введение в неклассическую философию. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 10–11.

творчества этого периода, которое в работе рассматривается преимущественно на англо-американском материале.

Отдельно необходимо отметить работы, позволившие охарактеризовать особенности литературы постмодерна: исследования И. Хассана¹⁹⁴, И.П. Ильина¹⁹⁵, Д.В. Затонского¹⁹⁶, В.Н. Курицына¹⁹⁷, М.Н. Липовецкого¹⁹⁸, А.П. Бежнар¹⁹⁹, Е.В. Хализева²⁰⁰. Вышеназванные труды позволяют составить представление об особенностях литературного творчества названного периода. При этом ряд исследователей отрицает самостоятельную значимость литературы этого времени (Т.А. Хагуров, И.П. Ильин), указывая на ее вторичность, что не является установкой данной работы, в которой все произведения рассматриваются как полноценные художественные высказывания, транслирующие оригинальные и соответствующие своему историческому времени смыслы.

Цели и задачи исследования

Цель исследования – рассмотрение представленности психопатического типа личности в литературно-философской рефлексии второй половины XX века и выявление специфики трактовки личности психопата в данном периоде на основе литературного и философского материала.

Достижение цели предполагает выполнение следующих задач:

1) Выявить актуальное содержание феномена психопатии, сравнив отечественный и западноевропейский подходы к ее трактовке, а также через обращение к современным научным открытиям, касающимся психопатии,

---

¹⁹⁴ Хассан И. Раздвигание Орфея. К проблеме постмодернистской литературы. М.: Эксмо, 1999.

¹⁹⁵ Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998;

Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада. 1996.

¹⁹⁶ Затонский Д.В. Постмодернизм в историческом интерьере // Вопросы литературы, № 3, 1996. С. 182–205;

Затонский Д.В. Постмодернизм: гипотезы возникновения // Иностранная литература, № 2, 1996. С. 273–283.

¹⁹⁷ Курицын В.Н. Русский литературный постмодернизм. М.: ОГИ, 2000.

¹⁹⁸ Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм: Очерки истории поэтики. Екб.: Урал. гос. пед. ун-т., 1997.

¹⁹⁹ Бежнар А.П. Место и роль философии и литературы в постмодернистском дискурсе // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований № 5, 2013. С. 106–110.

²⁰⁰ Хализев В.Е. Теория литературы. М. Высшая школа, 1999.

тем самым обозначив развитие нового феномена культуры, а именно – психопатической модели действий;

2) Проанализировать психопатическую образность в истории литературно-художественной рефлексии: рассмотреть вопрос о том, могут ли литературные персонажи психопатического склада считаться константой литературного изображения; проследить роль подобных персонажей в произведениях разных исторических периодов и установить, как меняется в каждом из них репрезентация феномена психопатии;

3) Рассмотреть магистральные идеи философии второй половины XX века в связи с проблемой психопатии: установить, как разрабатываемые философами концепты связаны с психопатической моделью действий, выявить причины и особенности обращения философии к проблематике, которая может быть рассмотрена как актуализирующая психопатические проявления;

4) Проанализировать фигуры персонажей психопатического склада в литературе второй половины XX века: обозначить их специфику в сравнении с литературными вариантами предшествующих периодов; установить, в ответ на какие вызовы формируется образ такого персонажа, как он коррелирует с проблематикой, разрабатываемой в философии того же историко-культурного периода, провести сравнительный анализ философской и литературной рефлексии относительно личностей, поведение которых можно классифицировать в соответствии с психопатическим шаблоном;

5) Выявить, в каких аспектах современная массовая культура воспроизводит психопатическую стратегию; определить, возможно ли рассматривать связь массовой культуры и психопатии как характерное свойство времени, порождающее новый взгляд на феномен психопатии;

6) Выявить новый вариант прочтения человеческой деструктивности и возможной трансформации антропологической модели с учетом феномена психопатии на основе того, что последний является точкой соединения

биологического и социального векторов в рассмотрении личности, а также соответствует ряду требований современного мира (заостряя вопросы технологического улучшения, биологического детерминизма, социально-экономического развития).

Объект исследования

Объектом исследования является феномен психопатии в нескольких аспектах его репрезентации:

- 1) в связи с литературным творчеством, анализ которого выявляет устойчивое наличие психопатических персонажей;
- 2) в связи с философской рефлексией второй пол. XX века (а также более ранними работами, повлиявшими на представителей периода), обосновавшей особые смысловые коннотации психопатического стиля поведения;
- 3) как репрезентирующая психопатическую модель рассматривается и сама культура XX–XXI вв. в ряде своих установок: мировоззрения, этики, научных открытий и разработок, и, главным образом, искусства.

Предметом исследования выступают:

- 1) конкретные образы личностей психопатического склада в ряду произведений классической и постмодернистской литературы (рассмотрены литературные произведения второй половины XX века: «Коллекционер» Дж. Фаулза, «Парфюмер» П. Зюскинда, «Заводной апельсин» Э. Берджесса, «Осиная фабрика» И. Бэнкса, «Мизери» С. Кинга, Б. «Американский психопат» И. Эллиса, «Бойцовский клуб» Ч. Паланика, в которых, как представляется, содержится особый взгляд на психопатическую личность. В исследовании присутствует обращение к сочинениям Гийома де Лорриса и Жана де Мена, Дж. Чосера, У. Шекспира, П. Кальдерона, Ф. де Кеведо, П. Корнеля, Ж.-Б. Расина, Ж.-Б. Мольера, П. А. Ф. Шодерло де Лакло, маркиза де Сада, Э. По, Р.Л. Стивенсона, О. де Бальзака, Г. де Мопассана, Г.

Мелвилла, У. Фолкнера, Дж. Стейнбека, У. Голдинга; Н.В. Гоголя, И.А. Бунина, В. Ерофеева и др.);

2) ряд философских идей XX века, в которых разрабатываются вопросы человеческой деструктивности, связи насилия с институтами власти, проблема субъекта и феномен массового искусства и др., в своем содержании демонстрирующих, по мнению автора, отсылку к проблематике психопатии;

3) современные социокультурные реалии, связанные, по мнению автора, с психопатической стратегией (кинематограф и романтизация в нем психопатического персонажа, общественные установки, вопросы экономического развития, внедрение медицинско-технологических разработок, дискуссии о будущем человека и др.).

Научная новизна исследования состоит:

1) в системном рассмотрении исторических этапов развития концепта психопатии в рамках отечественного и западного научных подходов, в подробном анализе современного содержания психопатического типа личности и введении последнего в поле анализа теории и философии культуры как особого содержательного феномена;

2) в выявлении психопатии как модуса человеческой деструктивности - т.е. рассмотрении психопатической личности как особой фигуры в рамках анализа разрушительного поведения человека;

3) в рассмотрении литературных произведений в связи с репрезентацией ими психопатического типа личности и установлении роли последнего в пространстве смыслового содержания произведения;

4) в подробном анализе постмодернистской литературно-философской рефлексии в связи с феноменом психопатии;

5) в установлении особенности репрезентаций и роли психопатии в современной культуре.

Теоретическая и практическая значимость работы

Теоретическая значимость исследования обусловлена его новизной. Как было указано, в настоящий момент в гуманитарной области не существует серьезных работ, направленных на осмысление феномена психопатии, между тем для естественных наук это предмет активного изучения. Представители биологии, медицины и психиатрии работают над установлением физиологических маркеров психопатических личностей, понимание их устройства, как считается, может способствовать расширению знания об устройстве человека, о его эволюции и т.п. Не имея возможности действовать в этом поле, гуманитарные науки могут в рамках своей предметной области внести вклад в развитие знаний о психопатии: рассмотреть ее в истории, установить ее связь с философскими исканиями и общественным мировоззрением, предложить собственное видение специфики представленности психопатической личности в современном мире, концептуализируя и расширяя понимание данного феномена. Конкретная область духовной жизни – литература – ранее в связи с явлением психопатии не рассматривалась, в то время как обращение к образности психопатических персонажей может выявить их новое прочтение. Исходя из вышеуказанного, практическая значимость работы связана с попыткой внести вклад в понимание данного феномена; результаты работы могут быть использованы при чтении лекций, ведении семинаров по культурологии и другим гуманитарным дисциплинам, составлении методических пособий по истории литературы и философии второй половины XX века. Актуальность явления и междисциплинарная проблематика исследования делает возможным его использование и за пределами университетских программ – в современных футурологических, социальных, этических, культурологических и иных дискуссиях.

Методологическая основа исследования

Обращение к заявленной теме требует междисциплинарного подхода, который и является важной методологической установкой исследования: рассматриваются данные из области естественных наук, литературоведения, истории философии, современной философии и иных социальных наук, привлекаются литературные произведения, кинематограф.

В основе методологии исследования лежит идеографический подход, предполагающий выявление и описание индивидуальных, отличительных свойств психопатических литературных персонажей разных исторических периодов и связанных с ними мировоззренческих стратегий. В связи с этим используется компаративистский анализ, в рамках которого сопоставляются как конкретные персонажи, так и сами дискурсы, задействующие психопатию, на основе чего предлагается модель эволюции психопатических образов и отношения к психопатии в социуме. Конкретизация философского осмысления психопатии в XX веке была бы невозможна без историко-философского анализа, а также критического анализа источников, предполагающего объективное рассмотрение психопатической проблематики и выявление доказательной и рациональной базы концепта психопатии и отношения к нему в рамках широкого круга дисциплин.

Положения, выносимые на защиту

1) Литература как одна из форм культуры опережает открытия философии и науки: еще до того, как их представители обратили внимание на наличие в обществе психопатов, последние были устойчивым объектом литературной рефлексии, которая, помещая этих героев в конкретные общественные реалии, первой обратилась к особенностям и детерминантам психопатического поведения.

2) Точность и смысловое содержание изображения личностей психопатического склада в литературе эволюционировало. На протяжении долгого времени психопатия выступала как пример наказуемого и социально неприемлемого поведения, но со второй половины XX века стала исследоваться как реальный социальный феномен и наделяться особым, зачастую позитивным, символическим содержанием.

3) Психопатические образы в литературе не только репрезентируют особый человеческий тип, характер как таковой, но тесно связаны с порождающими его культурными и социальными реалиями. Поэтому рассмотрение психопатии в произведениях конкретной эпохи выполняет двоякую функцию: с одной стороны, оно способствует пониманию того, как психопаты представлены в разных обществах и какую роль играют в каждом из них, с другой – помогает понять специфику самого общественного устройства: его мировоззрение и проблемы, которые не всегда могут быть выявлены без особой «лакмусовой бумажки», в качестве которой может выступить психопатия.

4) Интерес к человеческой деструктивности как к особому явлению не был характерен для классической философии и стал развиваться лишь во второй половине XX века, когда философы прицельно обратились к вопросу о склонности людей к насилию и жестокости, что косвенно повлияло и на развитие осмысления психопатии. При этом последняя не стала отдельным объектом постмодернистской рефлексии, несмотря на интерес представителей этого направления к психологии и психиатрии. Возможно, явление психопатии оказалось слишком специализированным: философы стремились найти такое прочтение человеческой разрушительности, которое бы дало общее обоснование факта «злой» природы человека, поэтому характерное для психопатии антисоциальное и насильственное поведение рассматривалось косвенно – путем помещения его в широкие рамки девиантности и проблемы человеческого зла.

5) Образ психопата в литературе постмодернизма становится отражением философских установок направления: с одной стороны, помещение постмодернистами агрессивности и стремления к разрушительности внутрь человеческого существа легализует психопатическую стратегию; в то же время противоположный процесс – отказ человеку в субъектности и осознание его как продукта внешних влияний – может предписывать ему психопатические проявления извне. Психопатия в этих условиях становится своеобразным способом конструирования литературным персонажем своей субъектности.

6) Несмотря на обращение и философии, и литературы постмодернизма к теме человеческой разрушительности, их сопоставление позволяет выявить параллелизм философских и литературных идей. Если философия постмодерна придает психопатической деструктивности глубокое символическое содержание, связанное с прорывом к истинной природе человека, то произведения литературы помещают эти идеи в реальный мир и показывают варианты их дальнейшего функционирования, проблематизируя философские постулаты.

7) Современная массовая культура не только не демонстрирует отказ от психопатических образов, но, напротив, активно использует последние, в силу чего меняется как теоретическое, так и практическое, повседневное и мировоззренческое отношение к феномену психопатии, который приобретает романтические идеализированные коннотации.

8) Открытия естественных наук позволяют перевести на новый уровень осмысления вопрос о свободе воли, о том, насколько человек является самостоятельным существом. В связи с этим психопатия, генетически предопределяющая склонность к определенному набору действий и мировоззренческих установок, в силу самой своей специфики особым образом проблематизирует соотношение природного и социального в человеке.

9) Возможный закат либеральной идеологии и отказ современного философского дискурса от тезиса о человеческой исключительности, связанный с социокультурными и технологическими изменениями, в совокупности с растущими возможностями манипуляций с человеческой биологией, способствуют формированию нового отношения к человеку. Искусственное конструирование и улучшение отдельных свойств человека движется в сторону воссоздания и гипертрофии традиционно психопатических черт (повышение выносливости, сосредоточенности, умение управлять своими чувствами, быстротой реакции, подавление ряда проявлений нервной деятельности, снижающих поведенческую эффективность и др.). Поэтому психопатия может рассматриваться как мини-модель грядущего общества, в этом случае ее анализ предполагает попытку понять проблемы современных тенденций и возможные свойства той модели мира, к которой они ведут.

Степень достоверности и апробация работы

Степень достоверности результатов исследования определяется опорой на широкий и разнообразный круг источников, включающий научные работы ведущих специалистов в области естественных наук, литературоведов, философов и разнообразную литературу, связанную с темой диссертации. Указанная выше методология исследования также предполагает всесторонний и подробный анализ предмета исследования. Диссертационная работа прошла обсуждение на заседании кафедры истории и теории мировой культуры философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, где была рекомендована к защите; положения, обоснованные в данной работе, были приняты к публикации в ряде авторитетных современных философских изданий.

Результаты исследования прошли апробацию на следующих конференциях: XXV Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2018» (МГУ имени М.В.

Ломоносова, Москва, Россия, 9-13 апреля 2018 г.), VI Международная конференция «Мир комиксов» (НИУ ВШЭ, Институт классического Востока и античности, Москва, Россия, 19–20 марта 2021 г.), а также в рамках выступления соискателя в Центре содействия образованию и развитию гуманитарных и социальных наук «Сигнум» 11 мая 2021 г.

Публикации в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова:

1. Кучерова А.В. Литературно-философские интерпретации деструктивности: от феномена маркиза де Сада к «Американскому психопату» Б.И. Эллиса // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2021. № 1. С. 76–91 (RSCI).

2. Кучерова А.В. Психопатия в контексте современности: от биосоциальной проблематики к психопатической модели общества // Философия науки и техники. 2021. Т. 26. № 1. С. 144–157 (Scopus, RSCI).

3. Кучерова А.В. Психопат как новый герой литературы постмодернизма (на примере трансформации образа гения в романе Патрика Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы») // Человек. 2019. Т. 30. № 5. С. 174–189. (Scopus, RSCI).

4. Кучерова А.В. Психопатия как модус человеческой деструктивности в литературной и философской рефлексии постмодерна (на примере романов «Заводной апельсин» Э. Берджесса и «Осиная фабрика» И. Бэнкса) // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 4. С. 442–457.

Другие публикации соискателя по теме диссертации:

5. Кучерова А.В., Седых О.М. Психопатия в зеркале литературы: историко-культурные контексты и литературные вариации становления образа героя-психопата // История и теория культуры. Альманах. Т. 3. Москва: Издательство Московского университета, 2021. С. 377–430.

Глава 1. Феномен психопатии в системе естественных наук

1.1. Изменения в понимании человека под влиянием естественнонаучной парадигмы

За столетия исторического развития западного мира в его мировоззрении прочно обосновалась установка, которую французский философ Ж.-М. Шеффер назвал тезисом о человеческой исключительности²⁰¹. В рамках данного тезиса утверждается принципиальная отличность человеческого существа от иных природных форм, более того – его сущностная несводимость к животной жизни в принципе. Суть тезиса емко выразил британский антрополог Т. Ингольд, писавший, что «<...> человека представляют себе не как специфическое проявление животности, а как проявление специфической человеческой сущности, налагаемой на общеживотный субстрат»²⁰². Зародившись в христианскую эпоху, данное представление радикализировалось по мере развития философской мысли (особенно показательна в этой связи роль картезианства), явив собой специфическое прочтение онтологического дуализма. Последний, оперируя сущностными противопоставлениями, не просто констатировал отличность человека от животных, но указывал на фундаментальный разрыв внутри самого индивида, разделяя его на «протяженную» и «мыслящую» субстанции. Человек оказался точкой разрыва двух порядков бытия, дробящих все связанное с ним на бесконечное число оппозиций (тело и душа, природа и культура, аффективность и рациональность, необходимость и свобода и т.д.). Обобщая классические философские взгляды на природу человека, американский философ С. Пинкер, посвятивший этой теме большое исследование, выделил в качестве основных следующие концепции: теорию чистого листа, благородного дикаря и духа в машине²⁰³. Идея «чистого листа» настаивает на отсутствии у

---

²⁰¹ Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

²⁰² Там же. С. 356.

²⁰³ Пинкер С. Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.

человека врожденного содержания, подчеркивая его всецелое формирование в процессе жизни. Восходящая к Дж. Локку, она проявилась и в более поздних философских течениях, таких, как экзистенциализм, феноменология и др. Представление о человеке как «благородном дикаре» отражает веру, что в естественных условиях люди не склонны к порочному и злему поведению, а, напротив, представляют собой добрых и неэгоистичных существ (Ж.-Ж. Руссо, М. Мид, Б. Рассел, Э. Монтегю). Наконец, образ «духа в машине» Декарта подразумевает, что существующее в пространстве тело подчиняется законам механики, в то время как неподвластный законам физики разум – нематериальная субстанция – управляет телом-механизмом²⁰⁴.

Представление о некой специфичности человеческой природы предопределило в дальнейшем и возникновение особых методов познания, отличных от тех, посредством которых подвергалась изучению неодушевленная природа (так называемые науки о культуре), тем самым весь комплекс классического знания опирался на признание уникальности человеческого существа. Однако логика культурных процессов (как в рамках самой философии, так и естественно – научной сфере) привела к попыткам переопределения человека. Если в классической философии человек-субъект рассматривался как обладающий волей и свободно действующее существо, отличное от мира и занимающее по отношению к нему привилегированное положение, то с утверждением неклассической парадигмы субъект как таковой начал исчезать. В частности, подвергнувшись натурализации, он сам трансформировался в объект изучения естественнонаучных дисциплин.

Развенчание идеи о человеческой исключительности происходит в разных областях научного знания. Открытия этологии констатируют наличие у животных аналогичного человеческому набору способностей и типов поведения, отчего различие между присущими нам когнитивными функциями рассматривается лишь как перепад в степени. Так, было доказано присутствие у животных ряда ментальных качеств, позволяющих осознавать

---

²⁰⁴ Декарт Р. Рассуждения о методе, Начала философии, Страсти души. М. Бомбора, 2019.

и планировать свои действия в силу внутреннего представления о преследуемых целях, что предполагает признание присутствия у них сознательной субъективной мысли²⁰⁵; у животных также были выявлены способности к моральному и политическому поведению, основанные на сложной оценке ситуации и эмпатии²⁰⁶; и даже способность к созданию особого пространства существования – культуры, традиционно являющейся последним аргументом в пользу уникальности человеческого вида, выявляется, к примеру, у шимпанзе²⁰⁷.

Попытки обратить взгляд философии в сторону более чуткого и лишённого дихотомий осмысления человеческой и нечеловеческой природ предпринимались издавна. Уже М. Монтень настаивал на отсутствии отличий между людьми и животными, так как «<...> и одни, и другие подчинены идентичным естественным ограничениям; вторые даже лучше к ним приспособляются, потому что они разумнее и с меньшими предубеждениями организуют свои маленькие мирки, чем первые»²⁰⁸. Утверждение декартовского дуализма в западноевропейской культуре Нового времени не способствовало развитию данной проблематики, и только в XX веке животность людей начала приниматься, болезненно прорываясь сквозь преграды культуры в форме разрушительных деструктивных импульсов (теории З. Фрейда, Ж. Батая, Э. Фромма и др.). При этом философы указывают на трагичность человеческого существования именно в связи с нерешённым вопросом о его природности, из которой человек был исключён культурой, но остался связан физиологией и глубинными психическими структурами, о чем Э. Фромм писал: «человеческое существование настолько противоречиво, что его можно описывать только с помощью противоположных категорий, которые, в конечном счёте, сводятся

---

²⁰⁵ Griffin D.P. Progress towards a cognitive ethology // Cognitive Ethology. The Minds of Other Animals / Ed. by Ristau C.A. ed. N. Jersey: Lawrence Erlbaum, 1991. P. 3—17.

²⁰⁶ Напр., работы Франса де Ваала.

²⁰⁷ Whiten A., Goodall J., et al. Cultures in chimpanzees // Nature. 1999. Vol. 399. No. 6737. P. 682–685.

²⁰⁸ Монтень М. Опыты. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 151.

к основной биологической дихотомии между инстинктами, которых человеку недостает, и самосознанием, которого бывает в избытке»²⁰⁹.

Такие дисциплины, как когнитивистика и нейронаука, эволюционная психология и социальная биология, в свою очередь обосновали связь психического и физического миров, в т.ч. локализовали эмоции в конкретных разделах мозга и поставили человеческое поведение в зависимость от комбинаторных программ разума, генов и эволюционных адаптивных стратегий. Критике подверглись такие «фундаментальные» человеческие атрибуты, как целостное Я, наличие воли, свобода принятия решений и т.п. Открытия в этих областях удивительны и провокационны. Так, работа Р.У. Сперри и М.С. Газзаниги, исследовавших пациентов с разделенным мозгом (split brain) – рассечёнными комиссурами, связывающими правое и левое полушария – продемонстрировала склонность разных полушарий человеческого мозга при нормальном психическом состоянии давать различные ответы на одни и те же вопросы²¹⁰. Утрачивается представление о существовании устойчивого набора личностных качеств: эксперименты социальных психологов выявили, что поведение индивида определяется не тем, какой он «сам по себе», но спецификой условий, в которых он оказался²¹¹. Подробные исследования мозговых нарушений установили зависимость свойств личности (интересов, склонностей и манеры поведения) от аномалий строения и повреждений мозга (пример Ф. Гейджа, случай «Брэда»)²¹². В конце концов, сегодня считается, что именно мозг создает всю картину реальности согласно своим биологическим настройкам, и этот процесс находится за пределами сознательной жизни человека²¹³.

---

²⁰⁹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. С. 196.

²¹⁰ Sperry R., Gazzaniga M., Bogen J. Interhemispheric relationships: the neocortical commissures; syndromes of hemisphere disconnection // Handbook of Clinical Neurology / Ed. by P. Vinken. Vol. 4. Amsterdam: North-Holland Publishing Co, 1969. P. 273–290

²¹¹ Ross L. The intuitive psychologist and his shortcomings: Distortions in the attribution process // Advances in experimental social psychology. 1977. Vol. 10. P. 173–220.

²¹² Кил К.А. Психопаты. Достоверный рассказ о людях без жалости, без совести, без раскаяния. М.: Центрполиграф, 2019. С. 280–281.

²¹³ Фритт К. Мозг и душа. Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. М.: Corpus, 2014.

Влияние таких направлений, как эволюционная психология и социальная биология в современном мире настолько велико, что, в целом, они не подвержены серьезной критике, и последняя развивается лишь в поле социальных и политических дискуссий. Сама поставка вопроса о возможности научного постижения человека предполагает его сведение к детерминированному объекту, который возможно изучить, фиксируя ряд объективно действующих законов. Среди множества объяснительных концепций распространены и модели нейронаук, поиски в области философии сознания, человеческий разум часто рассматривается аналогично компьютерным механизмам, что обуславливает не только особое прочтение человеческой природы (множественные наброски Д. Деннета), но и выдвижение тезисов о будущей трансформации людей по аналогии с электронными системами (датаизм). Параллельно с перечисленными теориям, философские концепции также развивают идею о детерминированности человека разнообразным факторам: говорят о его культурной (Ф. Боас, Э. Фэрис) и социальной (фрейдизм, марксизм) обусловленности, определяющей роли языка, дискурса, идеологии.

Возможно, в сфере мировоззрения мы еще не утратили чувство специфичности человека, «поскольку субъект все равно выделяется, он полагается не то, чтобы свободным, а, так сказать, центром преобразования прошлых детерминаций в нынешние и будущие»²¹⁴. Вопреки научным фактам, показавшим, что поведение людей, их желания и настроение целиком определяется протекающими в мозге биохимическими процессами, мы еще верим в собственную свободу и исключительность, наше общество и личное мировоззрение сконцентрировано вокруг таких «фундаментальных» человеческих атрибутов, как целостное Я, наличие воли, свободы принятия решений и т.п. Постулаты либерализма провозглашают «Я» человека наивысшей ценностью, наделяющей его правом абсолютной свободы – в заявлении позиции, выработке жизненных стратегий, проявлении вкусов. Эта

---

²¹⁴ Косилова Е. В. Указ. соч. С. 7.

концепция, основанная на гуманизме и трансформировавшаяся в особую идеологию в XIX веке – период, когда европейским странам для индустриального развития и военных успехов потребовалось апеллировать к благополучию частных лиц, создавая социально позитивные условия жизни, – и сегодня доминирует в сфере социальных представлений.

В силу указанных обстоятельств возникает вопрос экзистенциального характера: что дальше делать с «расколотыми изнутри существами, сходными по своему телу и по своим аппетитам с животными и с богом или с трансцендентными принципами по своему нравственному поведению?»²¹⁵. Результаты многочисленных экспериментов в области когнитивистики, психологии выдвинули убедительные аргументы против абсолютной сингулярности *Homo sapiens* как вида, поставив его в один ряд с другими существами, что сделало соотношение биологического и социального настоящим вызовом, брошенным философской мысли. Конечно, противоречие между утверждением о нашей биологической обусловленности и гуманистическими постулатами об абсолютной свободе можно рассматривать через призму двух категорий: эмпирической науки и мировоззрения как необходимых полюсов бытия, выполняющих разные и несводимые друг к другу функции. Мировоззрение дает теоретическую опору, объясняя мироустройство в целом, способствует самоидентификации человека и примиряет его с «эмпирическим цунами» научных фактов, существенное накопление которых создает кризисные предпосылки, влияющие на систему устоявшихся взглядов, в связи с чем мировоззрение и должно их реинтерпретировать. Однако эмпирические знания постоянно фрустрируют нашу потребность в мировоззренческом объяснении, и не представляется очевидным, что призванные поддержать общественное функционирование традиционные ценности успешно адаптируют достижения наук. В современности очевиден кризис фундаментальной объяснительной модели мира, на месте прежних норм, наделяющих жизнь

---

²¹⁵ Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 233–234.

смыслом, возникает пустота, человеческая свобода и особость элиминируются. Все отчетливее заявляет себя необходимость пересмотреть границы природного и социального, выработав принципиально новый подход к восприятию «человеческого».

1.2. Психопатия: основные подходы к изучению

В ряду открытий, затрагивающих взаимосвязь свойств личности с физическим субстратом, а также дискуссии по поводу определения человека и перспектив его развития, представляется особенно интересным явление психопатии, своеобразно соединяющее полюса вышеизложенной проблематики.

Сложность воспроизведения целостной концепции психопатии связана с существенными отличиями между отечественным и западноевропейским подходами к ее пониманию (что значительно проблематизирует и установление исторических этапов формирования концепта), а также – с неоднозначностью результатов ее исследований. В систематизированном виде история развития взглядов на психопатию не встречается ни в одной серьезной монографии, упоминания и исторические отсылки имеют в лучшем случае фрагментарный вид. И хотя развитие концепта психопатии на русской и западной почве взаимосвязаны (отечественные психиатры в основном были знакомы с иностранными трудами, однако их взгляды, зачастую опережавшие развитие европейской науки, редко были известны западным коллегам), в дальнейшем они оформились в две различные трактовки данного типа личности.

1.2.1. Отечественный подход к пониманию психопатии

В отечественной традиции под психопатией принято понимать сумму патологий, некие пограничные состояния, которые идентифицируются как занимающие промежуточное положение между психозами и нормальным функционированием психики и при которых у человека наблюдается наличие отдельных аномальных черт, серьезно влияющих на все его социальное

функционирование²¹⁶. Необходимо отметить, что речь идет именно о болезненных состояниях, о тотальном отклонении стабильного и длительного характера от приписываемого культурой диапазона нормы. Такие отклонения возможны в когнитивной сфере (т.е. связанные с тем, как человек воспринимает и интерпретирует окружающий мир), эмоциональной (здесь оценивается диапазон и адекватность эмоциональных реакций), а также в сферах, связанных со способностью контроля над влечениями, их реализацией и с характером межличностных отношений²¹⁷. При этом в отечественной науке сформирован четкий перечень видов психопатий, каждая из которых имеет свою специфику (возбудимые, истеричные, паранойяльные, мозаичные психопатии и шизоиды, фанатики и синдром сверхценных идей)²¹⁸, хотя в чистом виде они практически не встречаются, уступая место смешанным типам. Дифференциация на перечисленные подтипы представляется довольно сложной в силу общей фокусировки на эмоционально-волевой сфере и антисоциальной направленности поведения индивидов с одновременным выделением группы различных патологических состояний. В силу этих особенностей использование термина «психопатия» постепенно становится менее распространенным и заменяется на более широкую категорию «расстройства личности»²¹⁹.

При таком понимании психопатии необходимо отличать ее от ряда смежных понятий и состояний. Во-первых, от акцентуаций личности (К. Леонгард, А.Е. Личко), которые предполагают дискретное усиление какой-

---

²¹⁶ Гиндикин В.Я., Гурьева В.А. Психопатология и власть. М.: Институт консультирования и системных решений, 2020. С. 7.

²¹⁷ Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем. Десятый пересмотр. Т.1. М.: Медицина, 1995.

²¹⁸ Так, возбудимые психопаты отличаются вспышками гнева, эгоистичностью, властностью и мстительностью; они подозрительны, нетерпимы к мнению окружающих. Для истеричных психопатов характерно стремление обратить на себя внимание, эгоцентризм, бурные аффективные реакции. Паранойяльное расстройство отличается постоянным недовольством окружающими, подозрительностью, завышенной самооценкой, склонностью неадекватно отстаивать вопросы, связанные с собственной личностью. Шизоиды патологически замкнуты и интровертированы. Большинство встречающихся в клинической практике психопатий – мозаичные, т.е. связанные с многообразными психопатическими проявлениями и отсутствием доминирующего синдрома; фанатики посвящают свою жизнь служению одному делу, что касается и синдрома сверхценных идей, целиком занимающих сознание личности и направленных на ее самоутверждение.

²¹⁹ Атаджыкова Ю.А., Ениколопо С.Н., Развитие концепта психопатии в отечественной и зарубежной психологии (обзор литературы) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2015. Т. 8, № 3. С. 77–86.

либо черты, являя крайний, пограничный вариант нормы, в то время как психопатия сопряжена с тотальным изменением свойств личности. Во-вторых, от психопатоподобных расстройств – широкой группы органических нарушений, связанных с различными повреждениями головного мозга и соматическими заболеваниями. Не являясь психопатическими, эти состояния могут сопровождаться усилением ряда черт, присущих людям психопатического склада: эгоизмом, жестокостью, гипертрофией сексуального влечения, ростом угрюмости и подозрительности, стремлением обращать на себя внимание и т.п. В-третьих, от состояния невроза: на ранних стадиях изучения психопатии исследователи пользовались схожим с психоаналитиками терминологическим аппаратом и зачастую анализировали одни и те же клинические факторы (например, в связи с понятием «неврозы характера»)²²⁰.

У истоков отечественного учения о психопатиях стояли С.С. Корсаков, В.Х. Кандинский, И.М. Балинский и О.А. Чечотт. Подъем интереса науки к психопатическим проявлениям был связан с судебной реформой 1864 года, утвердившей суд присяжных заседателей, в связи с чем стало необходимо привлечение психиатров к судебно-психиатрической экспертизе для выявления патологических состояний, а также разработка ими интервенционных программ. Поэтому первые исследования русскими учеными психопатических личностей содержатся в заключениях по уголовным делам (дело Семеновой, дело Губаревой (Остролевой) и др.). В указанный период ученые исходили из определения психопатии как врожденной аномалии психики. Так, один из основоположников исследований психопатии В.Х. Кандинский (1849–1889) указывал на своеобразно неверную организацию нервной системы психопатов «вследствие чего мозговые функции <...> частью приобретают болезненную силу, частью не развиваются достаточно или же принимают в своем развитии

---

²²⁰ Кербинов О.В. Проблемы судебной психиатрии. Сб. Х. Пограничные состояния. М., 1961. С. 5–32.

ненормальное поведение»²²¹, а «...весь строй душевной жизни <...> характеризуется изменчивостью, неустойчивостью, отсутствием внутреннего равновесия, дисгармонией отдельных сторон»²²².

Считается, что ввел и обосновал термин «психопатия» И.М. Балинский (1824–1902) (дело Семеновой). При этом уже первые исследователи настаивали на отличности психопатий от других психических заболеваний, выделяя психопатических личностей в особый класс людей (В.Х. Кандинский, И.М. Балинский, П.А. Бутковский, С.С. Корсаков и др.). По этому поводу В.М. Бехтерев писал: «лица, страдающие психопатией, не могут считаться душевнобольными в собственном смысле этого слова, но они являются теми странными, загадочными существами, которые чувствуют, мыслят и поступают иначе, нежели здоровые лица, которые уже с детства являются глубоко порочными существами и которые вместе с тем представляют собой верных кандидатов на душевную болезнь»²²³.

Попытки сформировать четкое видение психопатии предпринимались и в дальнейшем, чему посвящены исследования таких видных отечественных ученых, как С.А. Суханов, О.В. Кербиков, П.Б. Ганнушкин, В.А. Гиляровский и др. Уже в начале XX века отечественные мыслители выделили группы психопатических состояний. С.А. Суханов в 1912 году предложил выделение эпилептического, паранойяльного, истерического и психастенического характеров²²⁴; О.В. Кербиков создал классификацию, основанную на физиологических механизмах (тормозные и возбудимые), в связи с которыми описал психастенические, астенические, возбудимые и истеричные типы²²⁵ и др. В середине XX века стало понятно, что подобные описательные

---

²²¹ Нечипоренко В.В., Лыткин В.М. и др. Об отечественных приоритетах в истории учения о психопатиях // Психология и Психотехника, № 2, 2018. С. 37–46.

²²² Рохлин Л.Л. Жизнь и творчество В. Х. Кандинского. М.: Медицина, 1975.

²²³ Бехтерев В.М. Психопатия и ее отношение к вопросу о вменении. Казань, 1886. С. 2.

²²⁴ Суханов С.А. Патологические характеры. Тип. трудовой артели, 1912.

²²⁵ Кербиков О.В. Проблема психопатий в историческом освещении. Очерк развития учения о психопатиях в XIX столетии // Журнал невропатологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. № 9–10, 1958. С. 1130–1137; Кербиков О.В. Судебные процессы 80-х годов и учение о психопатиях в отечественной медицине // Журнал невропатологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. Т. 58, №8, 1958. С. 995–1006.

классификации – лишь первый шаг к построению общей теории рассматриваемой личностной патологии. Именно русские исследователи впервые осуществили попытки физиологически обосновать явление психопатии. Так, П.А. Бутковский писал о роли головного мозга в формировании психопатии и отмечал, что «натура <...> сообщила нам многие зародыши к сумасшествию»²²⁶; И.В. Павлов связывал формирование психопатий с физиологической основой – нарушениями в соотношении основных свойств высшей нервной деятельности и взаимодействием второй и первой сигнальных систем. Особая роль в формировании отечественного учения о психопатиях принадлежит П.Б. Ганнушкину²²⁷, который предложил клиническую модель психопатий и разработал закономерности развития аномалий личности, рассматривая психопатии как формы, находящиеся между нервными болезнями и душевным здоровьем. Он описал общепринятые в современной науке характеристики психопатии (тотальность проявлений, стабильность их присутствия на протяжении жизни, сопутствующую им общественную дезадаптацию) и особо подчеркивал адаптационный характер психопатий.

Наряду с работой по определению психопатии чрезвычайно активно разрабатывался вопрос об ее этиологии. Если изначально наиболее распространенным был взгляд на психопатию как заболевание с наследственными конституционально-биологическими причинами, прежде всего – нарушениями организации нервной системы (В.Х. Кандинский, С.С. Корсаков), то со временем все громче стали звучать мысли о преопределяющих психопатические отклонения социальных факторах (приобретенные псевдопсихопатии В.П. Осипова, приобретенные психопатии как реакция на внешние воздействия Е.К. Краснушкина и др.). Высказывались гипотезы и о полиэтиологичности данного отклонения,

---

²²⁶ Бутковский П.А. Душевные болезни, изложенные сообразно началам нынешнего учения психиатрии в общем и частном, теоретическом и практическом ее содержании. Санкт-Петербург: тип. И. Глазунова, 1834.

²²⁷ Ганнушкин П.А. Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика. Нижний Новгород: НГМА, 1998; Ганнушкин П.А. Клиника малой психиатрии. URL: <http://ncpz.ru/lib/1/book/6?ysclid=1662xb4qx8414302303> (дата обращения: 29.07.2022)

согласно которым психопатия может быть как врожденной, так и приобретенной (В.М. Бехтерев, О.В. Кербиков). При этом уже в исследованиях В.Х. Кандинского, И.М. Балинского, О.А. Чечотта, В.М. Бехтерева и далее – П.Б. Ганнушкина и др. – психопатии понимались не как статические, но как динамические образования (чего не смогли установить в своих исследованиях западные психиатры), что предопределяло возможные типологии психопатий.

Таким образом, отечественные ученые довольно быстро пришли к тезису о неоднородности психопатических проявлений и поставили вопрос об их типологии, а само понятие психопатии стали использовать как обобщающее для гетерогенной группы аномалий личности. Примечательно, что при этом исследователи не наделяли психопатию этическим содержанием, а рассматривали ее как расстройство, требующее медицинского вмешательства: такой подход порождал напряженную работу не только с целью научного описания, но и создания четких руководств, типологий и т.п. для их применения в клинической практике. Однако если зарубежные авторы через некоторое время пришли к сужению термина «психопатия» до конкретного личностного типа, в отечественной мысли до сих пор превалирует более широкая трактовка. С одной стороны, это соответствует сложности проблемы: многообразие психопатических проявлений, их изменчивость, и сегодня ставит в тупик мировое научное сообщество, требуя разработки более детализированного подхода к психопатии с признания ее полюсной природы. В то же время данный подход подразумевает чрезвычайно широкий терминологический охват, затрудняющий развитие концепта. Как представляется, это способствует отрыву отечественной науки от мировых тенденций в изучении психопатии – явления, привлекающего к себе сегодня все большее внимание в контексте социокультурных изменений. Впрочем, сложность данной темы не позволяет выявить единственно верное решение вопроса.

1.2.2. Психопатия как предмет изучения западноевропейской науки

Постановка и проработка западноевропейской философской мыслью традиционно важного для нее вопроса о свободе воли, и о том, насколько индивид ответственен за свои действия (особенно в эпоху Просвещения в работах П.А. Гольбаха, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта и др.) со временем привели к тому, что занимавшиеся им врачи и философы конца XVIII века обратили внимание на клинические особенности антисоциальной личности, которая тем самым впервые была вовлечена в поле научного дискурса.

Первым ученым, уделившим полноценное внимание психопатии, стал врач, основоположник французской психиатрии Филипп Пинель (1745–1826). В его концепции «мании без бреда» (*manie sans delire*) впервые была выделена группа людей, считающаяся прототипами психопатов – индивиды с полноценными мыслительными способностями, но явно деформированной моральной сферой, по поводу которых сам Пинель писал: «... я был немало удивлен, обнаружив много маньяков, которые вообще не проявляли признаков какого-либо нарушения понимания, но находились под властью инстинктивной и абстрактной ярости, как будто одна только склонность к аффективности нанесла им ущерб»²²⁸. До Пинеля все психические расстройства считались расстройствами «ума», который, в свою очередь, отождествлялся с «разумом», и только их разделение смогло привести к признанию возможности некоего «безумного» состояния без сопутствующего умопомешательства, и соответственно, обособлению психопатов от людей, страдающих психозом. Для последнего характерна фрагментация мышления с последующими галлюцинациями, бредом и спутанностью сознания; психоз проявляется и в таких ненаблюдаемых у психопатов состояниях, как шизофрения, биполярное расстройство личности и клиническая депрессия: «По существу вопроса именно отсутствие психотических симптомов с самого начала позволило отличить психопатов

---

²²⁸ Millon T., Simonsen E., Birket-Smith M., Roger D. Davis, *Psychopathy: Antisocial, Criminal, and Violent Behavior*. NY: The Guilford Press, 2004.

от других пациентов психиатрических больниц», – замечает американский профессор, исследователь психопатии Кент Килл²²⁹.

Пинель, рассматривая нравственные аномалии при сохранности умственной сферы как характерное свойство психопатии, задал основную линию ее изучения, которой в дальнейшем придерживалось большинство ученых, следуя напрямую или углубляя отдельные аспекты заложенной Пинелем проблематики. Так, знаменитый американский психиатр Бенджамин Раш (1745–1813), со своей стороны описывал категорию людей с «врожденной сверхчеловеческой безнравственностью», однако, в отличие от Пинеля, подчеркивал этическую сторону (безответственную и антисоциальную природу) психопатов и предложил для их обозначения новый термин – «моральное расстройство» или «аномия» (т. е. этическое расстройство). Идею этической нагруженности психопатии развивал и английский психиатр и этнолог Дж.К. Причард (1786–1848), придавший концепции «морального безумия» широкую известность и настаивавший на выделении антисоциальной природы психопатов как их основной характеристики. При этом Причард расширил понятие «морального безумия», включив в него широкий спектр разнообразных психических и эмоциональных состояний, носители которых, по его мнению, имели схожее расстройство – извращение морального чувства, отсутствующую или недостаточную способность вести себя в соответствии с «естественными чувствами» – спонтанным и присущим всем людям чувством справедливости, доброты и ответственности. Все это не только превратило морально нейтральное наблюдение Пинеля в ценностно нагруженное явление, но и поместило его в широкий социальный контекст: традиционное для английской философской доктрины «естественных прав» внимание к ответственности государства и индивида за социальное действие сделало психопатию оценочной конструкцией, указывающей на «социальную порочность» человека и предполагающую его моральное осуждение. В

---

²²⁹ Килл К.А. Психопаты. М.: Центрполиграф, 2019. С. 49.

несравнимо меньшей степени в то время звучали мысли об ответственности общества за различные проявления безумия и идее создания психиатрических учреждений, способных предоставить необходимые больным лечение и уход (Х. Зельмер). Введение этической проблематики в компетенцию медицинской науки вызвало многочисленные дискуссии об основаниях разграничения психически больных и безнравственных людей, о способе их выявления и др.

При наличии исследователей, настаивавших на необходимости возвращения к нейтралитету Пинеля при изучении «мании без бреда» (Д.Х. Тьюк), концепция «морального безумия» становилась все более популярной в кругу ученых и вскоре стала претендовать на нейрофизиологическую верификацию (Г. Модсли писал о существовании особого церебрального центра, отвечающего за наличие «естественных нравственных чувств»; А. Рей настаивал на равноценности в определении безумия эмоциональных и интеллектуальных способностей, за деформацию которых всецело отвечает мозг²³⁰). Наряду с возникшим вниманием к гипотетическим изъянам в строении психопатического мозга, предпринимались попытки найти более зримые маркеры антисоциальных личностей: в рамках физиогномики исследователи стремились выявить психопатические стигмы, указывающие на антисоциальную предрасположенность (С. Шак, Ч. Ломброзо, Гаустер). В связи с этим важно подчеркнуть, что сама идея – связать определенный тип людей и криминальное поведение – способствовала сближению последнего с различными видами антисоциальных действий, что привело к возникновению проблемы, решение которой заняло не одно столетие. Речь идет о допущении, согласно которому существование криминального типа предполагает психопатичность всех преступников, что является ошибкой, так как хотя психопаты всегда демонстрируют антисоциальное поведение, не все

---

²³⁰ Ray I. A Treatise on the Medical Jurisprudence of Insanity. Boston: Freeman and Bolles, 1838.

люди, демонстрирующие антисоциальное поведение, – психопаты²³¹ (так, в среде заключенных психопатами являются по разным оценкам от 20 до 77%)²³².

К концу XIX века в среде немецких ученых произошла тотальная переориентация в изучении рассматриваемого явления: в противовес ценностно нагруженным теориям английских психиатров, немецкие исследователи сосредоточились лишь на наблюдении больного без какой бы то ни было этической оценки его состояния. Как и в России, это было связано с развитием судебной-правовой системы, в центре внимания которой оказался вопрос о личной ответственности подозреваемого и свободе его воли, что сделало необходимым детальное изучение психических болезней. При этом наука все чаще фиксировала патологии, наличие которых могло свидетельствовать о невинности подсудимого, в связи с чем вопрос о «нравственном помешательстве» оказался особо напряженным: часть психиатров признавала его тождественность отклонениям типа шизофрении, другие же опасались, что это подразумевает сведение криминального поведения к болезни, и концепция нравственного помешательства все более требовала узконаучного содержательного определения.

В 1890-х гг. появляется сам термин «психопатия» (традиционно считается, что в работах Л. Коха, предложившего термин «психопатическая неполноценность», однако ряд исследователей указывают на первичную роль отечественного ученого П. Бутковского). Исследования Коха, настаивавшего на важности рассмотрения всех аспектов жизни психопата для получения полноценной симптоматической картины, а так же осуществляемые им поиски физиологической основы данного явления (заключенного во «врожденной или приобретенной неполноценности в конституции мозга»²³³),

---

²³¹ Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика. Нижний Новгород: НГМА, 1998.

²³² Кил К.А. Указ. соч. С. 310.

²³³ Koch J.L.A., Psychopathischen Minderwertigkeiten. Verlag von Otto Maier, 1891. P. 54. Цит. По: Millon T. Указ. соч. С. 9.

способствовали логическому завершению развития концепции психопатии в западноевропейской науке.

После Первой мировой войны немецкие психиатры пришли к повсеместному использованию термина «психопатический», который в то время был достаточно нейтральным и все еще охватывал широкий спектр состояний (Э. Крепелин, К. Шнайдер, К. Бирнбаум), а с 1920-х годов – начал применяться и к людям, которые проявляли себя как слабовольные, подавленные, робкие и неуверенные индивиды, и, таким образом, распространился почти на всех, кто в какой-то мере отклонялся от нормы. Стремясь отличить рассматриваемый тип личности от множества иных расстройств, американский психолог Дж. Партридж (1870–1953) предложил термин «социопатия» (1930), сочтя важным подчеркнуть, что последняя может быть так же легко продуктом окружающей среды, как и биологической конституции. Новый термин был призван указать на антисоциальный или социально бесполезный тип поведения с характерной неразвитой системой ценностей и интересов, эмоциональной нестабильностью, безответственностью, импульсивностью и эгоцентризмом. Однако концентрируясь на указанных социальных аспектах, он так же предполагал охват слишком многих форм антисоциальных поступков. Хотя сегодня научное сообщество отказалось от термина «социопат», он все еще часто встречается в психологической и медицинской литературе, а в массовом сознании прочно утвердилась идея тождественности социопатии и психопатии, что абсолютно неправомерно: если первый термин указывает на социальный контекст явления и обозначает широкую категорию людей, совершающих антиобщественные деяния, то понятие психопатии отсылает к факторам генетики, структуры мозга и конкретных биологических нарушений.

1.2.3. Современный взгляд на психопатию и ее биологическое обоснование

В начале XX века усилиями ряда исследователей (Дж. Партридж, Д.К. Хендерсон, Б. Карпман, С. Ариети, Дж. и В. Маккорды и др.) был разработан четкий портрет психопата, а чрезвычайно широкое применение термина значительно сузилось. Были предприняты попытки составить классификации психопатических личностей (Э. Крепелин, К. Шнайдер и др.), причем некоторые из них оставались подвержены этической оценке (так, классификация Э. Крепелина включает такие типы, как «плуты и мошенники» (психопаты), «враги общества», «неустойчивые» и т. д.).

Радикальные перемены в исследовании психопатии, определившие ее современное понимание, связаны с работами американского психиатра Харви Клекли (1903–1984), сформулировавшего четкие критерии диагностики психопатии на основании множества примеров из практики (труд «Маска нормальности», 1941)²³⁴. Важной оказалась не только предложенная им эффективная методология выявления психопатов, но и выведение этого типа личности за рамки негативно трактуемой асоциальности. Клекли отметил, что наряду с тягой к преступной деятельности, психопаты часто становятся весьма уважаемыми членами общества – бизнесменами, учеными, врачами и психиатрами: «<...> истинная разница между ними и психопатами, которые постоянно сидят в тюрьмах или психиатрических больницах, заключается в том, что они лучше и последовательнее поддерживают образ нормального человека»²³⁵. На основании критериев Клекли доктор Роберт Д. Хаэр (род. 1934) разработал главный диагностический инструмент психопатии (ППЧ – перечень

---

²³⁴ Куда входят: поверхностное обаяние и хороший «ум», отсутствие признаков иррациональности, нервозности и психоневротических проявлений; лживость, ненадежность, отсутствие стыда и раскаяния; неспособность учиться на опыте и выстраивать план жизни, сильная антиобщественная направленность поведения, недостаток интуиции; скудость эмоциональных состояний, неспособность к любви, равнодушие к окружающим, фрагментированная половая жизнь; немотивированное поведение и ложные попытки самоубийства.

²³⁵ *Cleckley H.* The Mask of Sanity: An attempt to clarify some issues about the so-called psychopathic personality 5th edition, 1988. URL: http://www.cix.co.uk/~klockstone/sanity_1.pdf (дата обращения - 18.05.21).

психопатических черт Хаэра) и сформировал общепринятую в современной западной научной среде концепцию психопатии. Дальнейшее раскрытие вопроса будет опираться на заложенную Хаэром и его коллегами традицию, предполагающую биологическое и феноменологическое обоснование психопатического типа личности.

Психопатом признается «индивидуум с антисоциальным поведением, который не испытывает никакого чувства вины по поводу такого своего поведения и практически не способен к установлению нормальных взаимоотношений с другими людьми»²³⁶. Именно антиобщественная направленность поведения психопатов часто выделяется как основная, подчеркивается, что этот тип личности характеризуется «пренебрежением к социальным обязанностям и черствым равнодушием к окружающим. Наблюдается значительное несоответствие между поведением больного²³⁷ и основными социальными нормами. Поведение с трудом поддается изменению на основе опыта, включая наказание. Больные плохо переносят неудачи и легко поддаются агрессии, включая насилие. Они склонны обвинять других или давать правдоподобные объяснения своему поведению, приводящему их к конфликту с обществом»²³⁸. При этом выделение ряда психопатических качеств и их носителей в отдельную группу человеческих индивидов не является широкой конструкцией в рамках психологического описания, но основано на аномалиях физиологического строения и функционирования психопатического мозга – устойчиво повторяющихся и не характерных для всех остальных представителей человеческого рода. Обобщая данные научных исследований, в связи с этим можно выделить:

1. Молекулярные изменения. Хотя основные молекулярные механизмы не подтверждены, в сериях экспериментов воспроизводятся значимые

---

²³⁶ Медицинский словарь: Психопат (psychopath) // В словаре. URL: <https://vslovar.info/slovo/meditsinskii-slovar/psihopat-psychopath/217746> (дата обращения: 15.04.2021).

²³⁷ Примечательно, что подход к психопатии как к болезни сохраняется в отечественной традиции, но практически исчез в западной: для психопатии не характерны патологические состояния разного рода, она представляет собой не болезнь, а отдельный тип личности.

²³⁸ Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем. Десятый пересмотр. Т.1. М.: Медицина, 1995. С.363.

изменения в экспрессии нескольких генов и связанных с иммунным ответом молекулярных каскадов: считается, что белки, сверхэкспрессирующиеся в нервных клетках (получены в результате индукции ИПСК), могут напрямую отвечать за отсутствие эмпатии и развитие психопатии²³⁹. Четко определяемые группы сверхэкспрессированных белков потенциально влияют на некоторые отделы мозга (например, на мозжечок, регулирующий социальное взаимодействие), а механизмы наследования генов, кодирующих данные белки – могут объяснять специфику передачи психопатии по мужской линии²⁴⁰. Принципиальное следствие таких открытий – потенциальная возможность медикаментозной коррекции психопатии при условии дальнейшего развития указанного направления исследований.

2. Морфологические изменения и ассоциированные с ними состояния – структурные особенности и их влияние на развитие психопатического типа личности. В рамках настоящей работы нет необходимости воспроизводить полноценные биологические обзоры²⁴¹, обосновывающие тезис о физиологической уникальности психопатических личностей, однако необходимо выделить ряд черт, имеющих особое значение в связи с рассматриваемой проблематикой.

Патология нейрокогнитивных функций при психопатии связана с нарушениями работоспособности в нескольких аффективных и когнитивных областях: язык, внимание и процессы ориентации, импульсивность и эмоциональность²⁴². Нельзя недооценивать вклад в развитие некоторых отделов головного мозга паракринных факторов, секретомов клеток глии и белков, образующихся в нейросекреторных клетках центральной нервной системы. В то время как некоторые структурные особенности могут лежать в

---

²³⁹ *Tiihonen J., Koskivi, M., et al. Neurobiological roots of psychopathy // Molecular Psychiatry. 2019. URL: <https://www.nature.com/articles/s41380-019-0488-z> (дата обращения: 26.04.2021).*

²⁴⁰ Зафиксировано, что психопатов-мужчин гораздо больше, чем психопаток-женщин // Кил К. А. Указ. соч. С. 306–307.

²⁴¹ Напр., *Frazier A., Ferreira P.A., et al. Born this way? A review of neurobiological and environmental evidence for the etiology of psychopathy // Personality Neuroscience. 2019. Vol. 2. No. 8. P. 1–16.*

²⁴² *Kiehl K. A. A cognitive neuroscience perspective on psychopathy: Evidence for paralimbic system dysfunction // Psychiatry Research. 2006. Vol. 142. No. 2–3. P. 107–128.*

основе изменений функционирования мозга у психопатов в областях, отвечающих за обработку эмоций и поведенческий контроль: орбитальной лобной и передней, медиальной областях, где отмечается изменения толщины и объема коры²⁴³. Обуславливают значительное число связанных с психопатией качеств изменения в паралимбической системе мозга: пониженная плотность серого вещества в передней префронтальной коре, неврологическая дисфункция миндалина и ряда связанных с ней структур – гиппокампа, верхней височной борозды, передней поясной и глазничной коры и др.²⁴⁴, влияющих на управление эмоциями, импульсивность и моральное принятие решений что, по мнению исследователей, составляет биологический фундамент психопатического поведения.

При исследовании языковых и понятийных нарушений была выявлена необычность латерализации у психопатов для некоторых языковых стимулов, особенно – языковых функций левого полушария, неспособность обрабатывать абстрактную информацию и категоризировать эмоциональные метафоры²⁴⁵. В связи с тем, что ответственные за обработку эмоциональных стимулов области мозга у психопатов дисфункциональны, им сложнее оценить эмоциональное интонирование собеседника. В поведенческом аспекте это может провоцировать характерные для психопатов черствость и жестокость, манипулятивность, затрудненность действовать в соответствии с отвлеченными от практики моральными понятиями и социальными ожиданиями.

При наличии описанной патологии психопаты успешно расшифровывают микровыражения лиц, определяют характер людей по манере двигаться²⁴⁶, то есть проявляют необычную внимательность, имеющую отчасти функционально-хищнический характер. Часто

---

²⁴³ Там же.

²⁴⁴ Кил К. А. Указ. соч. С. 147.

²⁴⁵ Kiehl K., Liddle P. Neural pathways involved in the processing of concrete and abstract words // *Human Brain Mapping*/ 1999. Vol. 7. No. 4. P. 225–233.

²⁴⁶ Wheeler S., Book A., Costello K. Psychopathic Traits and the Perception of Victim Vulnerability // *Criminal Justice and Behavior*. 2009. Vol. 36. No. 6. P. 635–648/

указывается, что хотя психопаты неспособны испытывать ряд эмоциональных состояний и не обладают «горячей» эмпатией, они в совершенстве владеют эмпатией «холодной», позволяющей сканировать и точно определять состояние и намерения другого человека²⁴⁷. При этом психопатов часто называют социальными хищниками, и эту точную характеристику нельзя свести к метафоре общественно опасных деяний: специфика протекания реальных физических процессов сближает психопатов с хищными животными. Нейрофизиологи выделяют два вида агрессии: хищническую (инструментальную) и аффективную²⁴⁸. Если последняя связана с действием мгновенных импульсов, то для агрессии первого типа характерен особый набор черт – низкий уровень автономного возбуждения и отсутствие эмоций, таких как страх и гнев, что и демонстрируют психопаты. Результаты исследований постоянно воспроизводятся, подтверждая, что указанные виды агрессии связаны с активацией разных участков мозга и, демонстрируя низкий уровень вегетативного возбуждения, психопаты способны действовать подобно диким хищникам²⁴⁹. При этом отмечается, что такая инструментально ориентированная (хищническая) агрессия не связана ни с одним иным, кроме психопатии, биологически обоснованным личностным типом или расстройством²⁵⁰, и именно психопаты гораздо в большей степени, чем непсихопаты, склонны к агрессивному поведению и эксплуатации окружающих²⁵¹.

---

²⁴⁷ Siegel A., Victoroff J. Understanding human aggression: New insights from neuroscience // International journal of law and psychiatry. 2009. Vol. 32. No 4. P. 209–215.

²⁴⁸ Meloy J. R. Predatory violence and psychopathy / Psychopathy and Law, ed. by HakkanenNyholm, eds. London: Wiley, 2012. P. 159–175.

²⁴⁹ Siegel A., Bhatt S., Bhatt R., Zalzman S. The neurobiological bases for development of pharmacological treatments of aggressive disorders // Current Neuropharmacology. 2007. Vol. 5. No. 2. P. 135–147; Levi M., Nussbaum D., Rich J. Neuropsychological and personality characteristics of predatory, irritable, and nonviolent offenders: Support for a typology of criminal human aggression // Criminal Justice Behavior. 2010. Vol. 37. No. 6. P. 633–655.

²⁵⁰ Blair J., Mitchell D., Blair K. The Psychopath: Emotion and the Brain. Malden: Blackwell Publishing, 2005.

²⁵¹ См.: Book A, Methot-Jones T, Blais J, et al. Psychopathic traits and the cheater-hawk hypothesis // Interpersonal Violence. 2016. Vol. 34. No. 15. P. 3229–3251. Может показаться, что приведенные характеристики психопатов являются слишком общими и включают широкую группу лиц с диссоциальным расстройством, однако на практике – при профессиональной диагностике – психопатические критерии Хаэра, изложенные выше, сильно сужают выборку и позволяют выявить именно категорию психопатов.

Неподверженность психопатов эмоциональным волнениям включает и равнодушие к разным «вредным» раздражителям (громким звукам, изображениям жестокости и физического уродства²⁵²). Характерное для психопатов бесстрашие проявляется в низкой частоте сердечных сокращений как в состоянии покоя, так и в опасности и при предъявлении им неприятных и отталкивающих стимулов, при наличии которых они так же демонстрируют гораздо более слабые, зачастую подавленные физиологические ответы, в отличие от непсихопатов²⁵³. Таким образом, такие поведенческие черты психопатов, как отсутствие страха, склонность к риску и равнодушие к наказанию, приемлемость самых отталкивающих, вызывающих отвращение для обычного человека, сцен и действий, имеют четко зафиксированную физиологическую природу. Учитывая отсутствие конкретных физиологических ответов на указанные стимулы, исследователи высказывают гипотезы, что, возможно, психопаты просто не успевают концентрироваться на страхе, потенциальных неудачах и эмоциях окружающих, так как чрезвычайно сосредоточены на цели, сулящей быструю «награду», и таким образом видят лишь узкий сегмент окружающего²⁵⁴, что так же деформирует их поведенческую стратегию в глазах других людей.

Вообще же целеустремленность психопатических личностей обращает на себя большое внимание. Часть психопатов склонна к паразитическому образу жизни, другие же – невероятно амбициозны и работоспособны. При том, что психопаты зачастую обладают преувеличенным чувством собственной значимости, карьерная мотивация (интерес к личной власти и обогащению) и потребность в постоянном эмоциональном стимулировании толкают их на фанатичное преследование целей, что так же связано с рядом особенностей в протекании физиологических процессов. Зафиксировано, что

---

²⁵² *Raine A.* The Anatomy of Violence. NY: Random House, 2013; *Lykken D.* The Antisocial Personalities. N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 2013.

²⁵³ *Levenston G.K., Patrick C.J., et al.* The psychopath as observer: Emotion and attention in picture processing // *Journal of Abnormal Psychology*. 2000. Vol. 109. No 3. P. 373–385.

²⁵⁴ *Hiatt K.D., Schmitt W.A., et al.* Stroop Tasks Reveal Abnormal Selective Attention Among Psychopathic Offenders // *Neuropsychology*. 2004. Vol. 18. No. 1. P. 50–59.

организм преследующего цель психопата начинает вести себя особым образом – частота сердечных сокращений уменьшается, как, впрочем, и все остальные физиологические проявления преобладания парасимпатического вегетативного контроля; человек как бы входит в состояние расчетливости, холодной и медитативной сосредоточенности²⁵⁵, он всецело сконцентрирует внимание на том, к чему стремится²⁵⁶. Указанная способность и не вытесненная на периферийную область энергия, с одной стороны, помогают психопатам успешно осуществлять задуманное, но в то же время могут делать их невосприимчивым к угрозам вне поля внимания²⁵⁷.

Внешне психопаты могут быть чрезвычайно обаятельны: разговорчивы, веселы, они без труда входят в доверие к окружающим и заручаются их поддержкой, что зачастую ведет к трагическим последствиям – психопаты склонны пользоваться людьми ради собственной выгоды и легко предавать их при необходимости. Без сомнения, для обычного человека это может стать серьезной психологической травмой, и характерная для психопатов смесь безэмоциональности, целеустремленности, отсутствия страха и совести становится опасной для социума и, соответственно, порицаемой им.

Исследователь психопатии К. Кил, впервые продемонстрировавший нейрофизиологическое отличие паралимбической системы мозга у психопатов, так описал ощущения от сделанного им открытия: «было такое чувство, будто моя лаборатория открыла новую болезнь, от которой не было лекарств <...> мне стало ясным одно: эти результаты вызовут огромные споры и обсуждения. Споры между учеными, юристами и судьями и между

---

²⁵⁵ *Meloy J. R., Book BA., Hosker-Field A., Methot-Jones T., Roters J.* Social, Sexual, and Violent Predation: Are Psychopathic Traits Evolutionarily Adaptive? // *Violence and Gender*. 2018. Vol. 5. No. 3. P. 154–165.

²⁵⁶ Чем более «успешен» психопат, тем ниже его частота сердечных сокращений в состоянии покоя, т.е. он не нуждается в постоянном самоконтроле и более сосредоточен на действии (*Ishakawa S., Raine A, Lencz T, Bihrlle S, Lacasse L.* Autonomic reactivity and executive functions in successful and unsuccessful criminal psychopaths from the community // *Journal of Abnormal Psychology*, 2011. Vol. 110. No. 3. P. 423–432.

²⁵⁷ *Baskin-Sommers A, Curtin J.J, Li W, Newman J.P.* Psychopathy-related differences in selective attention are captured by an early event-related potential // *Journal of Personality Disorders*. 2012. Vol. 3. No. 4. P. 370–378; *Kosson D.S.* Psychopathy and dual-task performance under focusing conditions // *Journal of Abnormal Psychology*. 1996. Vol. 105. No. 3. P. 391–400.

государственными чиновниками и СМИ»²⁵⁸. При внимательном ознакомлении с вопросом несложно заметить, что описанные свойства психопатической личности часто имеют следствием, но не детерминируют напрямую антисоциальное поведение. Как было указано выше, традиционно наибольшее внимание исследователей привлекает жестокость психопатов, выделяемая в качестве их основной характеристики в связи с чем, по словам авторитетных психологов В. и Дж. МакКордов, психопаты являются «<...> самыми опасными людьми, как в местах лишения свободы, так и вне их»²⁵⁹. Эта идея прочно утвердилась и в общественном сознании, которое представляет при упоминании слова «психопат» неуравновешенную, озлобленную личность, лишенную самоконтроля и склонную к внезапному садизму.

Суммируя вышеизложенное, будет верным указать, что разрабатываемый учеными на протяжении столетий антисоциальный полюс – лишь одна сторона явления психопатии²⁶⁰. При том, что традиционно психопаты предстают как индивиды, неспособные испытывать страх, эмпатию и другие эмоции, что часто трактуется в негативном ключе, существуют поразительные исследования, демонстрирующие способность психопатов к альтруистическому поведению, принятию эмоциональных решений, поддерживаемых социумом, а так же к бескорыстной эмпатии²⁶¹. Все это качественно усложняет оценку психопатии.

Выше было приведено важное замечание Х. Клекли об успешной социальной адаптации психопатов. Эта неоднородность психопатических реализаций сегодня обращает на себя особое внимание: вопреки массовым представлениям о криминальном характере психопатии, психопатом может

---

²⁵⁸ Килл К. А. Указ. соч. С. 245–246.

²⁵⁹ Millon T., Simonsen E., Birket-Smith M., Roger D. Davis, *Psychopathy: Antisocial, Criminal, and Violent Behavior*. NY: The Guilford Press, 2004.

²⁶⁰ Открытой проблемой в изучении психопатии остается и превалирование исследований, проводимых на базе исправительных учреждений, где основная часть испытуемых – белые мужчины европейского происхождения, что может значительно исказить научные результаты. Однако статистика подтверждает, что именно в тюремных условиях психопатия встречается наиболее часто, а основными ее носителями выступают лица мужского пола.

²⁶¹ Даттон К. Указ. соч.

оказаться успешный бизнесмен, наш коллега или сосед по дому. Рассмотренные выше качества психопатов эффективны во многих сферах: психопатами часто являются люди определенных профессий – солдаты, саперы, юристы, хирурги, менеджеры, банкиры, финансисты. Доказано, что психопатов чрезвычайно много среди управленцев высокого класса²⁶² и мировых лидеров (помимо авторитарных правителей, психопатические черты демонстрируют, например, большинство американских президентов²⁶³). Чувство собственного достоинства, очарование и отсутствие совести, безжалостность и убедительность – без сомнения, то, что сближает последних с психопатическими преступниками. «Сочетание низкой степени избегания риска, отсутствия чувства вины и угрызений совести, этих двух столпов психопатии <...> может привести в зависимости от обстоятельств к успешной карьере либо в криминальном мире, либо в бизнесе. А иногда и там, и там»²⁶⁴.

Итак, многие психопаты подстраиваются под требования общественной морали и, хотя и не имеют естественной склонности их соблюдать, успешно функционируют в обществе, приносят ему пользу. Учитывая это, исследователи условно выделяют «успешных» и «неуспешных» психопатов, предпринимая попытки подкрепить это разделение нейрофизиологическими данными (пока безуспешно). При наличии сходных паттернов поведения психопатов-преступников и психопатов-правителей актуальной остается проблема этиологии психопатии²⁶⁵. При многообразии возможных психопатических проявлений, скорее всего, судьба такой личности зависит от суммы признаков – генов, семейной атмосферы, интеллекта, образования и жизненных

---

²⁶² Babiak P., Hare R.D. *Snakes in Suits. When psychopaths go to work.* Harper Busines, 2006.

²⁶³ Rubenzer S. J., Faschingbauer T. J., Ones D. S. Assessing the U.S. presidents using the Revised NEO Personality Inventory // *Assessment*. 2000. Vol. 7. No. 4. P. 403–419.

²⁶⁴ Дамтон К. *Мудрость психопатов.* СПб.: Питер, 2014. С. 90.

²⁶⁵ Несмотря на то, что ряд исследований указывает на возможное патологическое развитие в раннем возрасте (до трех лет) или патологическое влияние факторов окружающей среды, исследования выявили физиологические различия в этих «видах» приобретенной психопатии с «биологической» психопатией в паттернах активации мозга, связанных со страхом, в функционировании миндалевидного тела и др.

возможностей²⁶⁶. Так или иначе, клиническая практика пестрит примерами рождаемости психопатов в благополучных семьях с «обычными» братьями и сестрами, с детства страдавших и находившихся в опасности от манеры поведения своих психопатических родственников.

Таким образом, сформировавшаяся несколько столетий назад и существующая поныне этическая нагруженность оценки психопатии представляется проблемной и до сих пор не нашедшей определенного решения. При всех успехах науки в определении и лечении различных личностных патологий психопатия и сегодня остается относительно «чистым листом» в поле научного знания. Несмотря на интерес к этому типу личности и рост экспериментальных данных, в силу полисоставной природы психопатии, а так же разнообразия ее проявлений, все еще сложно сформировать ее полноценное и точное восприятие, которое часто сводится к наклеиванию ярлыков, оказывающихся несостоятельными при тщательном рассмотрении. При увеличении количества исследований психопатия продолжает ставить новые вопросы как узко медицинского характера, так и затрагивающие широкий социальный контекст, тем самым бросая вызов разным областям знания. Изучение личности не может быть всеобъемлющим, если во внимание принимаются лишь биологические, вызванные внутренними нарушениями, предпосылки аномального поведения. При обсуждении проблем подобного уровня сложности нельзя не учитывать социальные влияния – не просто «микросреду» формирования личности, но широкий спектр общественных условий, способствующих становлению или выявлению психопатических черт.

Ряд гипотез возводит возникновение психопатии к первобытности, когда из-за жестокой конкуренции между группами древних людей обществу были необходимы особи, способные на крайнюю степень хищнического насилия (для охоты, успеха в межгрупповой борьбе и т.п.), которые

---

²⁶⁶ *Frazier A., Ferreira P.A., et al. Born this way? A review of neurobiological and environmental evidence for the etiology of psychopathy // Personality Neuroscience. 2019. Vol. 2. No. 8. P. 1–16.*

постепенно сформировали особую «ячейку» – необходимую, но опасную для рядовых членов коллектива в мирное время²⁶⁷. При этом воинственные отряды, готовые пойти на риск, оставались востребованными на протяжении всей истории человечества («хорошие люди мирно спят в своих кроватях по ночам, потому что неприятные, грубые люди стоят, готовые совершить жестокость ради спокойствия первых»²⁶⁸, – писал по этому поводу Дж. Оруэлл). Например, прославленные берсерки – воины-викинги IX–XI вв., сражавшиеся, по свидетельству саг и исторических хроник, в состоянии транса и с неистовой яростью – всецело соответствуют психопатическому описанию, как и явление позднейшего времени – ландскнехты, действовавшие в Германии XVI века. Последние описаны современниками как «<...> вид бездушных людей, которые не питают уважения к чести и справедливости, но практикуют разврат, прелюбодеяние, изнасилования, обжорство, пьянство <...> воровство, грабеж и убийства»²⁶⁹. Безусловно, по мере развития культуры неконтролируемые, своенравные и яростные индивиды могли стать угрозой для нормального существования социума, и антисоциальные импульсы психопатов должны были приспособливаться к легитимирующим их социокультурным обстоятельствам, среди которых – военное дело, наемничество и др., нереализовавшиеся же подобным образом личности в быту могли представлять опасность и находить социально неприемлемые выходы своей жестокости (например, преступность).

Однако «необходимо учесть, что психопатии относятся к числу тех болезненных состояний, клиническая характеристика которых находится в несомненной зависимости от изменения социокультурных влияний, меняются их <...> причины и частота заболеваемости, последствия»²⁷⁰.

---

²⁶⁷ В связи с этим последние были вынуждены сформировать механизмы интуитивного распознавания психопатов, которые работают и в настоящее время: даже в среде ученых, профессионально работающих с психопатами, часто звучат высказывания о специфических ощущениях при встрече с ними – чувстве страха, непонятного беспокойства (Хаэр Р.Д. Лишенные совести: пугающий мир психопатов. М.: Вильямс, 2007).

²⁶⁸ Цит. по: Даттон. К. Указ. соч. С. 212.

²⁶⁹ Харрингтон Дж., Праведный палач: жизнь, честь, смерть и позор в XVI веке // М.: Альпина нон-фикшн, 2020. С. 40–41.

²⁷⁰ Гиндикин В.Я., Гурьева В.А. Психопатология и власть. М.: Институт консультирования и системных решений, 2020. С. 8.

Несмотря на то, что человеческое общество всегда сотрясали войны, проявления насилия и сложные кризисы, особо масштабными социокультурными потрясениями отмечен XX век, ознаменованный двумя мировыми войнами, огромными человеческими потерями и репрессивными политическими режимами. Исследователи указывают, что именно он создал условия для необычайного расцвета психопатических проявлений. Например, рост числа психопатов был зафиксирован во время Первой мировой войны, К.Л. Бонхеффер указывал на удвоение их числа между 1913 и 1917 годами, Е.К. Краснушкин так же писал, что атмосфера войны породила и активировала значительное число психопатий²⁷¹. Последовавшая вскоре еще более жестокая и масштабная Вторая мировая война, безусловно, только усугубила этот процесс. Соответственно, в периоды социальных катаклизмов выявляется не только увеличение числа психопатов, но и – связанных с этим типом личности поведенческих стратегий, так что, в итоге, можно наблюдать вхождение психопатии в указанный период во все сферы жизни²⁷². Еще К.Г. Юнг отмечал, что во всех социальных движениях велико участие личностей с психопатологическими отклонениями²⁷³. На резких переломах общественного развития индивиды психопатического склада проявляются особенно ярко, более того – становятся лидерами разного масштаба, ведь именно такое время требует демонстрации качеств, неприемлемых для обычного человека и нормальных для индифферентного к морали психопата, «их фанатическая озлобленность тут находят свою почву»²⁷⁴. В связи с этим к мировой власти в указанный период пришли лидеры, психологический анализ которых устойчиво выявляет их психопатичность (что в первую очередь относится к тоталитарному вождизму: фигурам Гитлера, Геринга и Геббельса, Сталина, Берии, Троцкого и др., которые неоднократно и

---

²⁷¹ Там же.

²⁷² Имеется в виду не только преступность, но и такие черты, как неуравновешенность, незрелость, патологическое представление о своем я, дисгармоничность, жажда самоутверждения и власти.

²⁷³ Юнг К.Г. Нераскрытая самость (настоящее и будущее) // Аналитическая психология: Прошлое и настоящее / К.Г. Юнг, Э. Сэмюэлс, В. Одайник, Дж. Хаббэк; Сост. В.В. Зеленский, А.М. Руткевич. М.: Мартис, 1995.

²⁷⁴ Там же. С. 37.

подробно были проанализированы в психопатическом ключе)²⁷⁵. Учитывая, что даже отдельные аномальные черты правителей оказывают значительное влияние на общество, всецелая же психопатичность указанных персонажей могла стать для масс поистине трагичной, предопределяя «психическое заражение остальных – ведь и у них в бессознательном дремлют те же самые силы, безумцы просто несколько ближе стоят к этому пламени»²⁷⁶.

Таким образом, XX век создает особые условия, в которых расцветает и проявляется психопатия. Анализ этого феномена представляется возможным осуществлять не только через рассмотрение исторических катаклизмов, но и путем обращения к духовной сфере общества, которая воссоздает дух времени на различных уровнях, в частности – в литературном творчестве. В настоящей работе предполагается сконцентрироваться на осмыслении психопатии литературой второй половины XX века, в которой соединились события недавнего прошлого и новые тенденции, предопределившие современность. Однако выявление особенностей одного историко-культурного периода невозможно без сопоставления его с другими, поэтому далее изложение будет преследовать несколько целей. Во-первых, установление роли литературного творчества самого по себе в осмыслении современных ему тенденций. Во-вторых, выявление психопатии как устойчивого предмета изображения литературы. В-третьих, непосредственный анализ психопатических образов в литературе второй половины XX века. На основе последнего кажется необходимым, в-четвертых, выявить и корни, специфику происходящих в современном обществе процессов, а так же – осмыслить явление психопатии в целом.

---

²⁷⁵ См. работы Гурьевой В.А., Гиндикина В.Я. Указ. соч.; Фромм Э. Указ. соч., *Личко А.Е.* История глазами психиатра. М.: Знание, 1967 и др.

²⁷⁶ *Юнг К.Г.* Там же.

Глава 2. Психопатия в зеркале литературы: исторический аспект

2.1. Литература как источник психологического знания

Взгляд на художественную литературу как на источник достоверных знаний о психологии человека, хотя и представляется интуитивно верным, но все же нуждается в прояснении подхода к соотношению этих областей. За века своей истории литература скопила многообразное знание о прошлом и настоящем человеческого существа, претендуя на всестороннее отображение его внутреннего мира, в связи с чем возникает закономерный вопрос, насколько достоверны подобные изображения и является ли литературный психологизм надежным источником информации о природе человека. Авторитетные представители психологической науки (такие, как З. Фрейд, К.Г. Юнг, К. Леонгард, Э. Фромм, К. Роджерс, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов, И.В. Страхов, В.П. Зинченко и др.) дают положительный ответ: погружение в литературные миры способствует, с одной стороны, обретению конкретных психологических знаний, а с другой – развитию профессиональных компетенций ученого.

Поскольку литература и психология имеют общий предмет исследования – внутренний мир человека – изображение жизни, представленное в литературном произведении, является неисчерпаемым источником научных изысканий: «Писатели, одаренные Божьей искрой, всегда были историческими диагностами, которые распознают добро и зло, здоровье и болезнь общественной души. Для психиатра художественная литература составляет истинную настольную книгу его профессии»²⁷⁷. Литературные произведения служат непосредственным объектом психологического анализа²⁷⁸, иллюстрацией к установленным научным

---

²⁷⁷ Сикорский И.А. Психологические основы воспитания // Вопросы невропсихической медицины. 1905. № 4. С. 613.

²⁷⁸ В этом случае психология объясняет материал, факты и ситуации, почерпнутые из художественных произведений, стремясь не просто наращивать количественный потенциал, но использовать полученное знание для выявления сущностных характеристик явлений. Классические примеры данного подхода – психология искусства Л.С. Выготского (См.: *Выготский Л.С. Психология искусства*. Ростов н/Д: Феникс, 1998), а также работы русского психиатра В.Ф. Чижова, применявшего психиатрический анализ биографий и литературного наследия А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского и др. для составления

фактам и закономерностям²⁷⁹, используются в качестве метода психологического исследования²⁸⁰. Психология признает и прогностический потенциал художественной литературы, которая не просто запечатлевает совокупность фактов, но проводит серьезную работу по их осмыслению и обобщению.

В то же время очевидно, что методы, с помощью которых писатель исследует человеческую душу, отличаются от тех, что находятся в распоряжении психолога. М. Бахтин говорил в этой связи об особом способе вживания творца во внутренний мир другого человека, позволяющем глубже его понять и воспроизвести более аутентично. Речь идет о двуединстве автора и героя, когда первый не является внешним демиургом по отношению к персонажу, но находится как бы внутри него, осуществляя вживание в предмет, одновременно сохраняя позицию вне персонажа и собственную точку зрения на него²⁸¹. Глядя на другого человека, мы не совпадаем с ним в своих кругозорах и видим то, что недоступно самому объекту наблюдения (его внешность, фон за его спиной, отношение к событиям – герой разбросан в заданном мире познания и открытом событии этического поступка, необходимо собрать воедино указанные моменты, чтобы восполнить героя и его жизнь до целого). Избыток видения другого, обусловленный единственностью и незаменимостью места исследователя в мире, коррелятивен недостатку – недоступности схожих аспектов в познании себя. Добиться единства восприятия, согласно Бахтину, можно через познание, субъект которого не занимает единственно конкретного места в мире – и

психологических картин их личностей (См., например: *Чиж В.Ф.* Болезнь Н.В. Гоголя: Записки психиатра. М.: Республика, 2001 и др.).

²⁷⁹ В этом случае психологи используют художественное творчество для иллюстрации собственных тезисов. Примерами являются обращение А.Н. Леонтьева к русской классической литературе – творчеству Толстого, Достоевского, Гоголя – при изучении вопроса формирования личности (См.: *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975) или использование Э. Фроммом произведений Шекспира, Пираделло, Кафки для психологической интерпретации различных проблем: счастья, совести, свободы воли (См.: *Фромм Э.* Человек для самого себя. М.: АСТ, 2009).

²⁸⁰ См.: *Степанова М.А.* Психологическое лицо литературы // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 109–122. Психолог Б.М. Теплов рассматривал литературу как источник необходимых научной психологии материалов, считая важной задачей установление научных принципов использования данных художественной литературы (См.: *Теплов Б.М.* Заметки психолога при чтении художественной литературы // Б.М. Теплов. Избранные труды в 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1985).

²⁸¹ *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 27.

только пребывая как в другом, так и вне его, возвращаясь на собственное место для осмысления опыта вживания, автор достигает единства и целостности в постижении другого²⁸². Знание, добытое писателем через описанное Бахтиным вживание, касается внутренних состояний персонажа и находит оформление в художественной образности. Именно через художественный образ происходит познание нами движений души героя, целостного мира его чувств и стремлений, воспроизводя который, мы получаем возможность сопереживать действующему лицу, и «получать в этом сопереживании не просто отвлеченные объективные знания о тайнах и возможностях человеческой души, но драгоценный опыт собственной причастности к ним. Художественный образ позволяет отдельному человеку стать “другим”, любим, стать “всеми”, открывая путь к познанию универсальности душевной жизни»²⁸³.

Таким образом, художественное произведение стремится стать гораздо большим, чем просто выражением индивидуальности писателя или воплощением его фантазии. Литературный текст претендует на отражение некоторой истины, добытой автором путем сложной творческой работы, в результате которой он не только конструирует внутренние миры персонажей, но посредством вживания и интуиции добивается глубоких психологических познаний, понимания чужого опыта, воспроизводимого в рационально выстроенной форме конкретного произведения. Не раз отмечалось, что обобщения художников, писателей, поэтов предваряли позднейшее миропонимание: «Искусству надлежит быть прообразом науки, и наука лишь поспешает за тем, что уже оказалось доступным искусству»²⁸⁴, – утверждал Ф. Шеллинг. Это более чем справедливо в отношении психологии, которая сегодня активно исследует темы и явления, получавшие многообразное воплощение в истории мировой литературы задолго до ее возникновения,

---

²⁸² Там же. С. 27–28.

²⁸³ *Новлянская З.Н.* Психология в литературе и литература в психологии // Психология и литература в диалоге о человеке: Материалы Международной научной конференции / Под ред. Н.А. Борисенко, Н.Л. Карповой, А.А. Голзицкой. М., 2015. С. 14.

²⁸⁴ *Шеллинг Ф.* Система трансцендентального идеализма. Л.: ОГИЗ СОЦЭКГИЗ, 1936. С. 387.

психологи и психиатры нуждаются в той художественной образности и исключительной субъективности литературных произведений, которые не воспроизводятся напрямую исключительно научными методами. Именно литература способна указать психологии, «где ее концепциям не хватает той глубины, сложности и богатства, которые характеризуют человека»²⁸⁵.

2.2 Феномен психопатии в истории литературной рефлексии

Действия психопатической личности обычно не проходят бесследно для тех, с кем психопат сталкивается на своем пути. «Он выберет вас, обезоружит словами и подавит своим присутствием. Он будет радовать вас своими мудрыми планами. С ним вы хорошо проведете время, правда, вам за все придется платить. Он будет обманывать с улыбкой на лице и приводить в ужас одним лишь взглядом. И когда вы перестанете его интересоваться, он опустошит вас и надолго лишит равновесия и чувства собственного достоинства. Вы станете намного печальнее, но ненамного умнее, и еще долго будете думать о том, что произошло, и в чем была ваша ошибка»²⁸⁶, – описывает психопата известный криминальный психолог, канадский профессор Р.Д. Хаэр. Если в качестве личностного типа, устойчиво воспроизводимого человеческой популяцией, люди, соответствующие этому описанию, существовали на протяжении всей истории, они неизбежно должны были попасть в фокус искусства в силу яркости своего поведения и серьезности его влияния на жизнь окружающих.

Поскольку образы персонажей мировой литературы являются итогом художественного обобщения многообразных проявлений человеческой индивидуальности, неудивительно, что некоторые из них отсылают к концепту психопатии (учитывая уровень его наполнения, соответствующий современным научным данным). История литературы изобилует фигурами злодеев и манипуляторов, которые могут располагать к себе, быть

---

²⁸⁵ *Байри Дж.* Литература и психология // Психологическая энциклопедия. 2-е изд. Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб.: Питер, 2006 С. 501.

²⁸⁶ *Хаэр Р.Д.* Лишенные совести: пугающий мир психопатов. М.: Вильямс, 2007. С. 21.

привлекательными и при этом чрезвычайно коварными и жестокими – в старинных романах они действуют при королевских дворах и светских салонах, плетут интриги, губительно влияя на неискушенных жертв. Образ антигероя – злодея вполне может быть рассмотрен как литературное осмысления реальных черт, взятых из жизни, важную сюжетобразующую функцию подобных действующих лиц подчеркивает психиатр К. Леонгард: «Изображение гнусного персонажа открывает писателю возможность показать трагическую судьбу положительного героя, столкнув того и другого. Людям добрым, наивным, сердечным злые наносят ущерб, а нередко служат причиной их гибели; тем самым художник достигает эффекта трагической коллизии»²⁸⁷.

Необходимо оговориться, что в данной работе не ставится задача последовательно классифицировать всех возможных героев мировой литературы психопатического склада. В связи с тем, что целью исследования является анализ психопатии в ее культурных изменениях, и более конкретно – выявление специфики трактовки личности психопата во второй половине XX века – далее будет представлена репрезентативная выборка, предполагающая обращения к самым известным и ярким образам персонажей мировой литературы, которые ранее не рассматривались с точки зрения психопатии. Приведенные ниже примеры представляются наиболее показательными, в том числе, для дальнейшего анализа психопатии как предмета литературно-философской рефлексии в условиях культуры XX и начала XXI вв.

---

²⁸⁷ Леонгард К. Акцентуированные личности. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. С. 335.

2.2.1. Сложение образов героев психопатического склада в западноевропейской литературе: от Античности к Новому времени

Первое, что обращает на себя внимание при рассмотрении «психопатической линии» в истории литературы – всецело негативная трактовка психопатического персонажа, который становится символом порока и общественно неприемлемых моделей поведения, а также своеобразным воплощением того, что ожидает нарушителя установленного порядка. Такова роль мифологических образов, раскрытая, например, в истории о Тантале. Древнегреческий царь Тантал – сын Зевса, не знавший нужды в чем-либо и беспредельно богатый, получивший возможность пировать с богами на высоком Олимпе за одним столом и пользовавшийся безграничной любовью своего могущественного отца. Внешнее очарование Тантала не соответствовало его душевным порывам: он обманывал богов, похищал их пищу, хвастался своей дружбой с богами и разглашал людям их тайны. Ненаказуемое бесстыдство Тантала зашло столь далеко, что он начал лгать самому Зевсу и, в конце концов, даже убил собственного сына, приготовив из него угощение для божественного пира, за что и был жестоко наказан. Спустя столетия после создания мифа ученые выделили в качестве характерных черт психопата как раз те, что позволили Танталу завоевать любовь богов и долгое время пользоваться их расположением: огромное обаяние, умение войти в доверие, целеустремленность и хитрость, потребность в признании и восхищении, эмоциональную черствость, отсутствие привязанностей и отрицание семейных ценностей, а также беспредельную жестокость, которые метафорично и были осуждены в мифе. Благодаря этим качествам Танталу долгое время удавалось обманывать самих обитателей Олимпа, что еще более характерно для других многочисленных литературных «злодеев», жертвами которых становятся простые смертные.

Так, в средневековом «Романе о Розе» (XIII в.) Гийома де Лорриса и Жана де Мена аллегорическому персонажу, названному Притворщиком (Лицемером), принадлежат слова:

В какие б я ни шел края,
Одна задача у меня:
Всех ложным видом обмануть
И болтовней своей надуть.
Как кот Тибер мышей всех ловит,
Личина всем обман готовит.
В одеждах разных я хожу,
Компаньи разные вожу,
И по вещам не догадаться,
Где буду ловко я скрываться...
<...>
Но трудно людям угадать,
В чем мне угодно их предать.
Не одного я погубил,
Но никому не виден был;
И погублю не одного,
Кто не заметит ничего²⁸⁸.

Средневековый текст описывает фигуру лицемера с явно назидательной целью – выявить ее для того, чтобы предупредить окружающих о грозящей опасности. Хитрые обманщики и манипуляторы, психопаты во все времена представляли проблему обнаружения, ведь подобный человек «прикрывает свою волчью сущность показной набожностью и фальшивым благочестием, обманывая окружающих и наживаясь за их счет»²⁸⁹.

Известно, что литературный психологизм не возникает единомоментно: точность передачи глубинных переживаний

---

²⁸⁸ Лоррис Гийом де, Мен Жан де. Роман о Розе. М.: ГИС, 2007.

²⁸⁹ Горбунов А.Н. Лицемер и его жертва: трагический поворот сюжета (от «Кентерберийских рассказов» к «Селу Степанчиково») // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № 3. С. 265.

эволюционирует, и если в ранней литературной традиции психологические состояния человека не получают целенаправленного внимания²⁹⁰, то со временем интерес к духовной жизни становится более явным и прицельно фиксируется литературным творчеством. Данный процесс, начавшийся в эпоху поздней античности, все увереннее являет себя в Средние века²⁹¹ и особенно – в эпоху Возрождения, для которой характерно стремление отобразить цельность духовного и телесного в человеке, психологически точно передать его поступки и мотивации. В ренессансной литературе с ее антиклерикальной направленностью предпринимаются поиски лжецов и притворщиков, преимущественно среди лиц духовного сословия. Так, среди чосеровских кентерберийских паломников заслуживают внимания «прыткий» Кармелит – сборщик милостыни, мастер «вкрадчивой лести», и Продавец индульгенций – «обманщик и нахал» и др. Он демонстрирует явно не набожное поведение (пьянство, разврат, нежелание работать и стремление к обогащению), пользуется уязвимыми персонажами (бедными вдовами, юношами – слугами и т.п.), сам же не разделяет проповедуемые нравоучения и признает себя порочным человеком. Однако точная идентификация личности литературного персонажа в столь отдаленной ретроспективе весьма затруднительна.

Гораздо более информативны в этом отношении произведения Нового времени, в которых психологическая проработка образов становится плодом сознательных усилий автора. В этот период происходят радикальные трансформации многих областей жизни, меняется и восприятие человека, который внезапно оказался не центром Вселенной, а песчинкой в

---

²⁹⁰ Например, в эпосе, мифе, драме и др. психологические состояния передаются устойчивыми формулами (наподобие эпической «дрогнули ноги и сердце»). На этом этапе культура не нуждается в психологизме, отдавая предпочтение изображению видимых процессов и явлений, о душевных движениях героя можно судить по его проявлениям во внешнем мире – действиям, поступкам, высказываниям.

²⁹¹ Считается, что в Средневековье появляется двойственность в изображении духовной жизни человека, связанная с наличием разных форм ее репрезентации. Ритуальный канон с характерным для него узким диапазоном эмоциональных переживаний, их деиндивидуализированностью и демонстрацией в максимальном выражении соседствует с исповедальной раннехристианской литературной традицией, внимание которой сосредоточено на внутреннем конфликте, стремлении определить кульминационные точки духовного преображения героя (жития святых, «Исповедь» Августина). См.: *Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы*. М.: Наука, 1979.

бесконечности ее пространства и времени. В литературе утрачивается представление о целостности человеческой натуры, единстве индивидуального и общественного начал. Возникает культ трагической антиномичности бытия, обнажаются противоречия между индивидом и обществом, реальностью и идеалом, что определяет интерес к внутреннему конфликту и поиск управляющих людьми объективных законов. Многообразие душевной жизни, психологически достоверные портреты служат здесь не только для передачи правды о человеке, но указывают на социокультурную специфику его существования, определяемого контекстом эпохи, в рамках чего раскрываются и психопатические образы.

В этой связи невозможно обойти вниманием творчество У. Шекспира. Среди его «злодеев – Ричард III («Ричард III», 1591), Яго («Отелло», 1604), незаконный сын графа Глостера Эдмунд («Король Лир», 1608), старшие дочери короля Лира Регана и Гонерилья. «У всех этих лиц нет сочувствия к окружающим, к близким, они причиняют им жестокие мучения, нисколько не стыдясь своих поступков. К тем, кто стоит им поперек дороги, они относятся враждебно, с ненавистью; ненависть вносит активную ноту в присущую им злобность. Таким образом, в любой их черте мы находим прямую противоположность доброте»²⁹². В частности, показателен образ Яго из трагедии «Отелло» (1604), в которой Шекспир исследует разрушительность зла и его источники как внутри самого человека, так и процесс проникновения зла в людские души извне. Идеология Возрождения с ее прославлением человека имела оборотную сторону в виде роста эгоцентризма, свободы от моральных ограничений и коварства, из-за чего в последующем творчестве распространяется изображение страданий и мученичества человека, причина которых – зло, исходящее от самих людей. Вскрывая подоплеку преступлений против личности (жажду власти, эгоизм, жадность, тщеславие), Шекспир показывает самую «механику» злодейства, воплощенную в образе Яго, чья зависть к успехам Отелло запускает действие

---

²⁹² Леонгард К. Акцентуированные личности. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. С. 330–331.

трагедии. Суть человеческой природы, по его мнению Яго – в себялюбии и стремлении к собственной выгоде, при этом он отрицает как мораль, так и чувства, которые психопат в принципе не испытывает по отношению к другим людям в силу своего безграничного эгоизма: «Быть тем или другим зависит от нас. Каждый из нас – сад, а садовник в нем – воля. Расти ли в нас крапиве, салату, иссопу, тмину, чему-нибудь одному или многому, заглохнуть ли без ухода или пышно разрастись – всему этому мы сами господа. Если бы не было разума, нас заездила бы чувственность. На то и ум, чтобы обуздывать ее нелепости»²⁹³. Яго плетет интриги, играя на слабостях людей – зная чужие уязвимые места, он с завидным удовольствием и нескрываемым азартом помогает им «раскрыться»:

Мне этот дурак служит кошельком
И даровой забавою. Иначе
Я б времени не тратил на него.
Я ненавижу мавра
<...>
Мавр простодушен и открыт душой,
Он примет все за чистую монету.
Водить такого за нос – сущий вздор.
Так по рукам! Кромешный ад и ночь
Должны мне в этом замысле помочь²⁹⁴.

Коварный интриган Яго тщательно планирует свои действия, трезво осознавая цели и средства их достижения (всегда безнравственные). С помощью хитрых манипуляций он подводит Отелло к неустойчивому состоянию, постоянному колебанию между страхом и надеждой, держит героя в перманентной неуверенности, дозируя свою клевету. Это, без сомнения, свидетельствует об изощренности ума злодея, ведь обрушится он на

---

²⁹³ Шекспир У. Отелло (Пер. Б. Пастернака) // Полное собрание сочинений в восьми томах. Т.6. М.: Искусство, 1960. С. 304–305.

²⁹⁴ Шекспир У. Отелло // ПСС в восьми томах. Т. 6, 1959. Пер. Б. Пастернака. URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=6059> (дата обращения 14.05.2021).

Дездемону с грубой клеветой – Отелло с негодованием отверг бы наговоры слуги, и только его постепенные действия шаг за шагом разрушают уверенность героя, приближая трагическую развязку. Прямой и бесхитростный по своей сути, Отелло принимает за такового и Яго, поэтому верит ему, ведь тот всегда подчеркивает, что не может молчать, иначе это будет нечестно. Не обладающий живой эмпатией психопат способен с холодной головой выстраивать свое поведение: не испытывая чувств сам, он «сканирует» окружающих и понимает, какую ответную реакцию уместнее высказать по отношению к конкретному человеку. Такое удивительное «понимание» всегда приятно для людей: демонстрируя свою «похожесть», психопат заставляет жертву поверить в наличие между ними особой связи, родство душ, что не может к нему не расположить (так называемая «психопатическая связь»). Таким образом, поведение Яго – не просто в своих проявлениях типичное для личности психопатического склада. В значительной степени именно через «систему ценностей» и действий этого героя Шекспир исследует проблемы своего времени и особенности порожденного им человека, ту культурную ситуацию, когда зло выходит за пределы конкретного характера, становясь образом кризиса эпохи.

В барочной литературе XVI–XVII вв. складываются жанры, в которых личность психопатического склада выступает протагонистом. Во-первых, это так называемые злодейские драмы, к числу которых относится и шекспировский «Ричард III». Кроме того, в испанской литературе «золотого века» они представлены в творчестве Лопе де Веги, Тирсо де Молины, Педро Кальдерона. Одним из таких персонажей – Людовико Энио в драме «Чистилище Святого Патрика» (1643) – Кальдерон изображает абсолютным злодеем: это безжалостный разбойник, убийца, грабитель, насильник, совершающий ужасающие преступления исключительно в целях самоутверждения, из «любви к искусству», не имея к тому никаких иных побуждений (наживы, ревности, мести). По утвердившемуся в барочной поэтике принципу полярности злодей часто изображался по контрасту с

положительным героем – нравственным добропорядочным человеком и даже святым подвижником (в драме Кальдерона это Святой Патрик). Во-вторых, это испанская пикареска, или плутовской роман, целиком посвященный образу пройдохи, негодяя, обманщика, мошенника, преступника, вора иными словами, плута (*picaro*), демонстрирующего полный набор психопатических черт. Ярким образцом плутовского жанра является роман Ф. де Кеведо «История жизни пройдохи по имени дон Паблос» (1626), герой которого, перемещаясь по дорогам и городам Испании, постоянно осваивает плутовские профессии – искусного вора, светского мошенника, брачного афериста, мнимого нищего и пр. В финале, спасаясь от тюрьмы, дон Паблос направляется в Вест-Индию, и автор заканчивает повествование словами: «Обернулось, однако, все это к худшему, ибо никогда не исправит своей участи тот, кто меняет место и не меняет своего образа жизни и своих привычек»²⁹⁵. Кажется, что в образе пикаро перед читателем – полноценный портрет психопатической личности, однако нам мало известно о его подлинных чувствах, поскольку повествование в плутовском романе сводится к описанию внешней стороны жизни героя, его поступков. Кроме того, жанр преследовал назидательные цели, содержал элементы проповеди, исповеди (историю своих злоключений излагал раскаявшийся герой, переоценивавший свою нравственную позицию) и даже житийной литературы (как своего рода «анти-житие»). Но, несомненно, плутовской роман predetermined вариации литературного отображения личности психопатического склада. Так, в русской литературе преемником дон Паблоса является Чичиков – пройдоха, мошенник и плут. Помимо имени главного героя «Мертвые души» Гоголя и роман Кеведо сближает хронотоп дороги: встречи на пути героев позволяют создать картину различных уровней социокультурной действительности. Как указывает Е.М. Мелетинский, новизна плутовского романа заключалась не столько в образе

---

²⁹⁵ Кеведо Ф. История жизни пройдохи по имени дон Паблос // Испанский плутовской роман. М.: Эксмо, 2008. С. 238.

героя-плута, сколько в сатире на современное ему общество²⁹⁶. Литература барокко – переходной эпохи – выводит образ метущегося индивида, игрушки в руках внешних сил, которому пикаро идеально соответствовал. Очевидно, что обращение к психопатическому типу является удобным средством раскрытия волнующих писателя тем и проблем. Плутуевой роман вскрывает «противоречие между личностью вне общества и в то же время типичным представителем общества»²⁹⁷ и представляет человека в условиях новой социокультурной реальности, становясь производной начала Нового времени (скачка от традиционного уклада к колониальной капиталистической экономике), когда плутовские качества становятся необходимы для выживания.

Альтернативная барокко поэтика классицизма была нацелена на воспроизведение типичных характеров, «вечных» человеческих типов, намеченных еще античной литературой (классицистская драма выводит типы скупца, лицемера, ревнивца, развратника и пр.). Соответственно, от авторов требовалась не просто наблюдательность, но последовательные усилия, нацеленные на психологическое обобщение, абстрагирование от индивидуальных особенностей личности и ее связей с социокультурным окружением. Так, у Корнеля и Расина человек психопатического склада предстает в образах исторических злодеев. В драме Корнеля «Родогуна» (1644) тщеславие сирийской царицы Клеопатры ведет к уничтожению всех, кто стоит у нее на пути. Поскольку ее власти угрожает брак одного из ее сыновей с принцессой Родогуной, Клеопатра уничтожает ее ценой жизни собственных детей: одного из них убивают по приказу Клеопатры, Родогуне и другому сыну царица собственноручно подносит бокал с ядом. В драме Расина «Британик» (1669) эквивалентом Клеопатры является Агриппина, мать римского императора Нерона. Добиваясь власти не ради сына, но ради себя самой, не гнушаясь убийством, она с ненавистью устраняет соперников.

---

²⁹⁶ См.: Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. М.: РГГУ, 2001. С.113.

²⁹⁷ Там же. С. 115.

Когда Нерон начинает оттеснять Агриппину от престола, вся ее ненависть обращается на родного сына, что вынуждает Нерона убить собственную мать.

В наследии Ж.-Б. Мольера наибольший интерес представляет пьеса «Тартюф, или Обманщик» (1664), где автор создает всецело порочный психопатический образ. По сюжету разорившийся дворянин Тартюф с помощью хитрости проникает в дом состоятельного буржуа графа Оргона, подчиняя себе ум и волю графа и его матери, которые почитают Тартюфа за святого. Его авторитет настолько силен и непререкаем, что, околдованные коварным обманщиком, они готовы во всем следовать его воле, принимая каждое изречение Тартюфа за безусловную истину, обусловленную благородством его натуры и абсолютной честностью.

Но только он совсем как будто одурел
С тех пор, как в голову ему Тартюф засел;
Тот для него - что брат, милее всех на свете,
Стократ любезнее, чем мать, жена и дети.
Он учинил его наперсником своим,
Во всех делах он им руководим;
Его лелеет он, целует, и едва ли
Такими ласками красавиц увивали...
Он, словом, бредит им; Тартюф – герой, кумир²⁹⁸.

Психопат при желании с легкостью производит впечатление теплого и искреннего человека, а своеобразие фанатичности в преследовании им личных целей сходно с фанатичностью религиозной²⁹⁹. Чтобы разглядеть манипулятивность и внутреннюю холодность такого персонажа потребуется время и безусловные доказательства «вины»: с упоением раскалывая какое-

---

²⁹⁸ Мольер Ж.-Б. Тартюф, или обманщик.

URL: http://www.molier.ru/pesyi_v_russkih_perevodah/tartyuf_ili_obmanschik-i207.html (дата обращения: 14.05.2021)

²⁹⁹ Даттон К. Указ. соч.

либо общество (в данном случае семью своего покровителя), психопат действует осторожно, и разоблачение его может произойти, только если «сразу несколько использованных и брошенных им людей заявят об этом»³⁰⁰, что и происходит в произведении Мольера. Чуть не разрушивший жизнь графа Оргона, который в результате интриг изгнал из дома и проклял собственного сына, переписал на Тартюфа имущество и готовился выдать за него дочь, Тартюф разоблачает себя излишним интересом к жене графа Эльмире (половая невоздержанность отмечается как характерная для психопатии). Появление героя-психопата в комедии классицизма особенно интересно в связи с тем, что Мольер славится глубиной драматургической разработки характеров и точностью в изображении человеческих типов. Тартюф в данном случае – тип не столько индивидуальный, сколько социально-обобщенный: в образе «святоши» Тартюфа со всем его ханжеством, притворством, склонности к разврату и лицемерием, многие разглядели критику современного автору духовенства и дворянства. В предисловии к пьесе Мольер писал: «Вот комедия, о которой много шумели, которую долгое время преследовали; и люди, которые в ней выведены, ясно показали, что во Франции они попомощественнее всех тех, кого я до сих пор выводил. Маркизы, Модницы, Рогоносцы и Врачи кротко сносили, что их представляют, и делали вид, будто написанные с них портреты забавляют их не меньше, чем остальных; но Лицемеры насмешек не потерпели; они сразу же всполошились и нашли невероятным, что я осмелился изобразить их ужимки и пожелал опорочить ремесло, которым промышляет столько почтенных людей. Такого преступления они не могли мне простить; и все они с ужасающей яростью ополчились на мою комедию»³⁰¹.

Портрет набожного лицемера получает свое развитие в дальнейшей литературной традиции. Одно из наиболее последовательных его воплощений имеется в русской литературе XIX века в персонаже Иудушки

---

³⁰⁰ Литвинова Т. Миледи идет на работу. Психопаты среди литературных героев и среди нас // Теория и практика психотерапии, № 1. 2014. С. 46.

³⁰¹ Мольер Ж.-Б. Собр. соч.: В 4 т. / Под ред. А.А. Смирнова и С.С. Мокульского. Т. 2. М; Л, 1932. С. 359.

Головлева М.Е. Салтыкова-Щедрина («Господа Головлевы», 1875), который, как и мольеровский Тартюф, оправдывает свое безнравственное поведение божьей волей. Это человек, «лишенный всякого нравственного мерил», «пако́стник, лгун и пустослов»³⁰². Создавая его портрет, автор пишет, что лицо Иудушки – «словно маслом подернутое <...> проникнутое плотоядным внутренним сиянием»³⁰³, в его обычной благосклонности «никак нельзя было различить – хочет ли он приласкать человека или намерен высосать из него кровь»³⁰⁴. Иудушку побаивается даже его мать, властная и жестокая женщина, которой все время кажется, что Иудушка «закидывает петлю». Он беспрестанно плетет интриги, по его вине заканчивают жизнь самоубийством его же сыновья, он сводит в могилу мать, и слугам порой представляется, что перед ними в лице Иудушки «сам сатана разглагольствует»³⁰⁵. Образ, созданный Салтыковым-Щедриным, интересен его авторской интерпретацией. В лице Иудушки автор критикует не саму идею лицемерия и соответствующий ей тип, но, отталкиваясь от специфики русской почвы и реалий времени, рассматривает моральный упадок мелкого дворянства, праздность, самоуверенность и пьянство которого приводит к вырождению целых родов. Образ Иудушки – попытка нарисовать не портрет хищника, но обозначить механический, изначально отравленный внешними условиями жизненный путь, в конце которого герой прозревает, неожиданно чувствуя уколы проснувшейся совести, и мучительное непонимание прожитой жизни приводит его к смерти. Таким образом, русский автор еще не признает самостоятельную реальность феномена психопатии, хотя и наделяет героя всем набором соответствующих черт. В итоге персонаж подчиняется авторской воле и нравственному топосу, что, как представляется, снижает реалистичность произведения.

---

³⁰² Салтыков-Щедрин М.Е. Господа Головлевы. М.: Дет. лит., 2002. С. 140.

³⁰³ Там же. С. 79.

³⁰⁴ Там же. С. 198.

³⁰⁵ Там же. С. 236.

2.2.2. Литература XVIII века и феномен либертинажа. Творчество маркиза де Сада

Литература XVIII века создает многообразную серию портретов интриганов и авантюристов (Моль Флендерс, Джонатан Уайльд, Лейло, Жиль Блаз, Манон Леско, граф де Версак, Вальмон, маркиза де Мертей, Франц Моор и др.), действующих в обновившихся социальных условиях – на фоне светских салонов, загородных поместий, пансионатов, гостиниц, меблированных комнат. Искусство этого периода, с одной стороны, оттачивало навыки нравоописания, с другой – авторы искали пути социально-нравственного преображения подобных героев. В литературе XVII–XVIII вв. кристаллизуется социальный тип, сопряженный с картиной предельной распущенности нравов – расчетливым равнодушием, цинизмом, нарциссизмом, бессовестным распутством, в лице которого писатели получают прекрасную возможность упражняться в искусстве создания портрета психопатической личности. Речь идет о фигуре либертена – дворянина-вольнодумца, противопоставившего эмансипированный образ жизни традиционным порядкам, маскирующим невежество, лицемерие и ханжество. Таков, например, персонаж Франсиона у Шарля Сореля – мастер плутовских выходов, совершаемых ради удовольствия и наказания закоренелых нравов. Особого внимания в этой связи заслуживают виконт де Вальмон и маркиза де Мертей – персонажи романа Шодерло де Лакло «Опасные связи» (1782). Известно, что роман создавался как памфлет, обличающий нравы аристократического общества: автор собирал материал, наблюдая за его конкретными представителями, поэтому характеры романа – обобщение реальных жизненных типов. Главное занятие Вальмона – соблазнение женщин, вовлекающее стратегии, в которых люди используются как марионетки. Вальмон наследует донжуанской линии европейской литературы, но фигура, изображаемая Лакло, мелкомасштабна: «Образ мыслей Дон-Жуана сохранял в себе оттенок бунтарского вызова по отношению к тем мрачным общественным силам, которые проповедовали

аскетизм и слепое подчинение авторитетам. Вольнодумство Вальмона, этого потомка Дон-Жуана, лишено какого-либо ореола бунтарства. Оно уже ни в какой мере не способствует борьбе с предрассудками и, наоборот, может только калечить людей»³⁰⁶. Пару Вальмону составляет маркиза де Мертей, его бывшая любовница, чей образ максимально приближен к психопатическому типу. Маркиза – почти «демонический» и при этом весьма цельный персонаж. Она заметно превосходит Вальмона в навыках причинения зла, ей «незнакомы порывы чувств и душевные страдания; она руководствуется лишь холодным и злобным расчетом. <...> Маркиза и Вальмон стремятся сломить волю своих жертв, втоптать их в грязь, садистски продлить их моральные страдания. Каждая попытка сопротивления вызывает у них возмущение и удесятерляет энергию. Цель, согласно их убеждению, оправдывает любые средства. Навязчивый, заполнивший все их сознание эротизм сочетается у них с моральной извращенностью, и они не случайно являются современниками маркиза де Сада, писателя, запечатлевшего следы распада в нравственном облике французского дворянства конца XVIII столетия»³⁰⁷. Персонажам «Опасных связей» свойственны многие качества, характерные для психопатов: хищническое отношение к людям, холодная бездушная расчетливость, отсутствие сострадания, манипулятивность, лицемерие, способность подстраиваться и носить маску порядочного человека. В эпилоге, когда их интриги вскрылись, и зло вышло наружу, автор, не прибегая к сентенциям, акцентирует противоречие внешнего и внутреннего: в обсуждении известия о том, что маркиза переболела оспой и теперь ее лицо обезображено, кто-то из бывших знакомых маркизы замечает: «Болезнь вывернула её наизнанку, и теперь её душа у неё на лице»³⁰⁸.

---

³⁰⁶ *Виппер Ю.Б.* Творческие судьбы и история. М.: Худож. лит., 1990. С. 252–253.

³⁰⁷ Там же. С. 253–254.

³⁰⁸ *Шодерло де Лакло П.А.Ф.* Опасные связи. М.: Наука, 1965. С. 313.

Однако наиболее примечательным автором, обратившимся к фигуре либертена, является маркиз де Сад (1740–1814), который радикально трансформировал господствующий постулат своего времени – рациональность – в деструктивном ключе, введя в литературу героя психопатического типа. Деструктивная личность у Сада раскрывается в контексте либертинажа – «подпольного» явления его эпохи, которое своеобразно сочетало в себе дискурс свободы, нравственной испорченности и безумия³⁰⁹, т.е. традиционные психопатические коннотации³¹⁰. Аналитика либертинажа, предпринятая М. Фуко в рамках исследования истории безумия, демонстрирует его выделение, во-первых, как самостоятельного феномена, возможного объекта внешней оценки, а во-вторых, фиксирует включение либертинажа в новую концепцию природы человека, когда деструктивность становится неприятной, но необходимой составляющей личности.

Если в период возникновения либертинажа (нач. XVII в.) сферы разума и безумия существовали в нераздельном взаимополагающем единстве, и либертинаж нес в себе ощущение лишь ограниченности разума с имплицитно присущим последнему «неразумием», то с распадом указанных сфер в XVII столетии его восприятие изменилось, сместившись в область табуированного. Либертинаж стал моральным проступком, был помещен в пространство изоляторов³¹¹, а раскол XVII–XVIII вв. сфер разума и неразумия свел его к состоянию «зависимости, при котором разум превращается в раба желаний и в прислужника души»³¹², безумцы же выступают рабами страстей³¹³. Так, в европейской философии безумие сблизилось с человеком (ранее оно связывалось с началом нечеловеческим) и вошло в его природу, а «безумец» либертен в своем девиантном поведении

---

³⁰⁹ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ, 2010.

³¹⁰ Первоначально при характеристике психопатии специалисты использовали термины «моральное безумие», «подавленное безумие» и т.п.

³¹¹ Фуко М. Там же. С. 73–74.

³¹² Фуко М. Там же. С. 123.

³¹³ Фуко М. Там же. С. 124

приобрел новый статус: он стал являть собой одну из сторон настоящей природы человека – темный мир его желаний, «необузданных и самых подневольных форм его естества»³¹⁴.

Герои садовских произведений – либертены – обнаруживают всецело психопатическую модель поведения. По сравнению с другими сочинениями эпохи (напр., «Опасными связями» Шодерло де Лакло), садовские либертены являют новые смыслы. Признание страстей и отказ всецело полагаться на разум не предполагает открытого провозглашения, и либертинаж трансформируется в волевой бунт, утверждающий аффективную сторону человеческой природы.

Садовский либертен проводит жизнь в плотских удовольствиях, переходящих в самые извращенные формы насильственно сексуального поведения, стремится посеять вокруг себя как можно большее количество смертей. Смысл либертинажа заключен в преодолении любых форм зависимости – от авторитета ближнего, природы и Бога, которых либертен отрицает, присваивая себе власть над жизнью и смертью. Это являет особую философию садовских героев – проповедуемые ими истины всеобщего уничтожения (в том числе собственного как логичного завершения данного процесса) и оправдание насилия выступают способом личностного утверждения. Возвышаясь над эмоциями и склонностями, превращая свой образ жизни в неподчиненную страстям рациональную систему действий, утверждаемых в языковой практике и рассудочном управлении каждой сценой происходящего³¹⁵, либертинаж, согласно Фуко, устанавливает особую связь «между свободомыслием и системой страстей»³¹⁶. «Уничтожение существ, подобных нам, есть воображаемое преступление, так как человеку не дана власть разрушать, в крайнем случае он может изменять существующие формы, но не в силах их уничтожить»³¹⁷, – говорит один из

---

³¹⁴ Там же.

³¹⁵ Барт Р. Сад-I // Маркиз де Сад и XX век. М.: РИК «Культура», 1992.

³¹⁶ Фуко М. Там же. С. 103–104.

³¹⁷ Сад маркиз де. Жюстина. СПб.: Азбука классика, 2003. С. 106.

персонажей Сада. Отказываясь от всех связей с миром и всяческой зависимости от него, полагая свое одиночество как высший этап своеобразного личностного развития, садовый человек достигает предельной суверенности.

Подобная «антисоциальность» характерна для психопатического стиля поведения, а одиночество, полагаемое садовским человеком в качестве цели, для психопата представляет уже первичную данность. Психопатия либертенов всецело устанавливается через их реплики: «Равнодушие, беззаботность, стоицизм, одиночество – вот что служит возвышению души, если человек хочет обрести счастье на земле»³¹⁸; «моя единственная мораль состоит в том, чтобы делать абсолютно все, что мне по нраву, и не противиться своим желаниям»³¹⁹; «Люди <...> могут безнаказанно творить все, и если они по-настоящему умны, будут ограничивать свои поступки только своими желаниями и страстями <...> то, что называется добродетелью, – чистейшая химера, преходящее явление, которое меняется в зависимости от климата»³²⁰. Сопряжение садизма и психопатии не является теоретической натяжкой: помимо того, что, как известно, самые жестокие садистские преступления совершаются преимущественно психопатами, клинические исследования психопатии так же выявляют ее тесную связь с садизмом³²¹.

Своеобразная философия Сада, таким образом, использует инструментарий Просвещения, рационализм, для обоснования психопатической стратегии, которая способствует освобождению человека от сдерживающих элементов культуры, высвобождению его чувственности,

---

³¹⁸ Там же. С. 577.

³¹⁹ Там же. С. 100

³²⁰ Там же

³²¹ *Lobbestael J., Teffelen M., Baumeister R. F.* Psychopathy subfactors distinctively predispose to dispositional and state-level of sadistic pleasure // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 2020. Vol. 67. No 1. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30797521/> (дата обращения: 28.07.2022); *Darjee R.* Sexual Sadism and Psychopathy in Sexual Homicide Offenders: An Exploration of Their Associates in a Clinical Sample // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2019. Vol. 63. No. 2. P. 1–28.

дает возможность свободно следовать каким-то глубинным, заложенным в основе его существа, склонностям.

2.2.3. Тема двойничества в романтизме и литературе XIX века.

Проблема «чистого зла»

Окончательное рождение литературного психологизма происходит в литературе романтизма. Истоки творческой свободы, вдохновения, гениальности, романтики видели в иррациональном начале человека. Признавая наличие темной, «ночной» стороны души, авторы этого направления постулировали возможность в определенных обстоятельствах обретения ею самостоятельного воплощения, с чем связан мотив романтического двойничества. Не будет лишено оснований предположение, что этот образ, подобно образам антигероев «недвойнической» литературы, является итогом художественного обобщения, а также некоторого художественного «сгущения» качеств, присущих психопатам.

Двойник – самостоятельно действующая личность, противостоящая «светлой» (сознательной) части человеческого существа по принципу герой/антигерой. Предвосхитив фрейдовскую концепцию бессознательного, в фигуре двойника романтизм зафиксировал признаваемые негативными и потому вытесненные проявления «Я», а также те свойства и потенции личности, которые она могла бы реализовать, но не реализовала, «как и все подавленные волеизъявления, доказывающие иллюзорность свободы воли»³²². На двойника герой проецирует собственные, в том числе негативные, качества, поэтому двойник кажется ему «жутким» – персонажу сложно принять шокирующую реальность того, что перед ним такой же человек, как он сам, только без совести, способный на любые нечеловеческие поступки. С точки зрения психодинамической концепции личности, восходящей к классическому психоанализу, психопат может быть истолкован как личность с испорченным механизмом вытеснения, поскольку инстанция

---

³²² Фрейд З. Жуткое // Фрейд З. Художник и фантазирование (сборник работ). М.: Республика, 1995. С. 265–281.

«Сверх Я» (совесть) в данном случае, по-видимому, функционально не представлена в психике³²³. Для обычного индивида антропологическая реальность такого рода – нечто немислимое и недопустимое, проявление присущих психопатам качеств у него вызывает чувства вины и стыда, соответственно, «нормальный» человек склонен к их сокрытию и вытеснению, поэтому приход его «темного» психопатического отражения в романтизме зачастую связан с действием потусторонних сил. Обращаясь к классическому сюжету о сделке с дьяволом, литература этого периода выводит на свет потаенную, «преступную» часть человеческого существа (здесь можно вспомнить «Фауста» Гете, сделка с которым губит героя, отношения с темными силами описывают многочисленные произведения, например, «Монах» Льюиса, «Влюбленный дьявол» Казота, «Эликсиры Сатаны» Гофмана, «Шагреновая кожа» Бальзака, рассказы По, «Сатанинская бутылка» Стивенсона и пр.).

При том, что психопатическая часть человека проявляется как следствие действий темных сил, писатели романтизма порой открыто фиксируют двойственность личности, в самой природе которой содержится источник зла: люди осознают, что нечто является злом, и все равно это совершают. Присущая человеку противоречивость была зафиксирована, например, Э. По, писавшим в новелле «Черный кот» (1843) о «непостижимой жажде души мучить себя – именно производить насилие над собственной природой – делать зло ради самого зла»³²⁴. Эта же мысль развивается им в «Бесе противоречия» (1845), где По описывает абсурдные действия, которые люди совершают именно из-за того, что знают об их недопустимости.

Тема двойничества возникает и в таких произведениях русской литературы, как «Нос» Н.В. Гоголя, «Двойник», «Бесы», «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского и др. Бахтин, анализирувавший в этой связи

---

³²³ См., например: *Gabbard G.O., Hobday G.H.*. A psychoanalytic perspective on ethics, self-deception, and the corrupt physician // *British Journal of Psychotherapy*. 2012. Vol. 28. No. 2. P. 221–234.

³²⁴ По Э. А. Черный кот (пер. К. Д. Бальмонта). URL: <http://poesias.ru/in-proza/edgar-poe/edgar-poe10046.shtml> (дата обращения: 14.05.2021)

творчество Достоевского, указывал, что «внутренние противоречия и внутренние этапы развития одного человека он драматизирует в пространстве, заставляя героев беседовать со своим двойником, с чертом, со своим alter ego, со своей карикатурой <...> Можно прямо сказать, что из каждого противоречия внутри одного человека Достоевский стремится сделать двух людей, чтобы драматизовать это противоречие и развернуть его экстенсивно»³²⁵. «Теневые» двойники аморальны, разнузданы, успешны в своей преступной, провокационной деятельности, не вызывающей у них, в отличие от главных героев, ни личностного раскола, ни угрызений совести. У Н.В. Гоголя можно прочесть, что Нос «только прикинулся статским советником, что он плут и подлец», «для этого человека ничего не было священного», это «плут и мошенник», поступающий «бессовестным образом»³²⁶.

Таким образом, психопатия может быть рассмотрена и в образе психопатического двойника, выявляющего темное начало человека, сокрытую двойственность его души. Однако явное изображение психопатической деструктивности как человеческого свойства еще невозможно – видимо, как из-за неформальности концепта в психологической науке, так и из-за привычного литературе этого периода нравоописания, трактовавшего психопатические черты как пороки, а также в силу шокирующей реальности самого феномена.

Произведением, где двойник главного героя с большой долей достоверности может быть идентифицирован в качестве психопата, является повесть Р.Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (1886), в основу которой легла история реального преступника Уильяма Броди: уважаемый зажиточный торговец, глава ремесленной гильдии и член городского совета Эдинбурга, в ночное время он промышлял грабежом и разбоем (сегодня литературой и кинематографом рассказаны

---

³²⁵ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Ausburg, 2002. С. 37.

³²⁶ Гоголь Н.В. Нос // Собрание соч., т.3. М.: Худож. литература, 1959. С. 52–53.

многочисленные, основанные на реальных событиях истории социально адаптированных психопатов, в том числе жестоких серийных убийц, носящих маску добропорядочных граждан и примерных семьянинов). Контраст между социальной маской и реальной сущностью личности Броди побудил Стивенсона к созданию повести о добропорядочном джентльмене докторе Генри Джекиле, временами превращающегося в психопата Эдварда Хайда, гнусного преступника: «обычные люди представляют собой смесь добра и зла, а Эдвард Хайд был единственным среди всего человечества чистым воплощением зла»³²⁷, – говорит доктор Джекил о своем двойнике. В. Набоков подчеркивал, что Хайд «наслаждается, причиняя боль другим. В Хайде Стивенсон хотел изобразить зло, наглухо отгороженное от добра <...> негодяй показан не в приступе животной похоти, в чем бы она ни заключалась, а в момент звериного бесчувствия к страданиям людей, которых он калечит и убивает»³²⁸. Показательно, что Стивенсон выдерживает повесть в духе романтической литературы о двойниках – придать такому человеку статус самостоятельного литературного героя означало бы признание факта социального бытия хищника-психопата, к чему Стивенсон, как писатель XIX века, не был готов. Вполне возможно, что повествование о двойнике в этот период было единственным приемлемым способом осмысления жуткой реальности феномена психопатии. Повесть Стивенсона послужила источником другого значимого произведения о двойнике – романа Оскара Уайлда «Портрет Дориана Грея» (1891), где моральная часть героя фиксируется на картине и как бы парализуется. Выхолощенная оболочка Дориана, человека без совести, наделяется психопатическими свойствами и действует соответственно – Дориан ведет беспутную жизнь, совершает убийство. Роман Оскара Уайлда, созданный в преддверье XX века, открывает новый этап бытия литературного героя как формы художественной рефлексии о человеке.

---

³²⁷ Стивенсон Р.Л. Странная история доктора Джекила и мистера Хайда // Стивенсон Р.Л. Собрание сочинений в 5 т. М.: Правда, 1967. Т.2

³²⁸ Набоков В.В. Лекции по зарубежной литературе. М.: Издательство Независимая газета, 1998. С. 260–261.

2.2.4. Психопатия в фокусе критического реализма

С распространением реалистического метода в XIX веке литературный психологизм достиг грандиозных масштабов. Сдвиги в системе общества с одной стороны и возросшая роль личности в системе ценностей сентименталистской и романической культур с другой, усилили связь литературы и психологии. Однако сентиментализм и романтизм не стремились постичь человека как производное от его многообразных отношений с окружающей действительностью – той средой, которая в видении реалистов и порождает спектр человеческих типов. Произведения писателей-реалистов превратились в своего рода пособия по характерологии. Их внимание переносится на процесс становления личности, вступающей во взаимодействие со своим окружением, сложность человеческого характера раскрывается с различных сторон, ширится идейно–нравственная проблематика. Человек оказывается в центре схождения разнородных проблем (идеологических, правовых, моральных, семейных), литературное бытие его внутреннего мира усложняется и интенсифицируется. Литература и психология, и шире – литература и позитивистская наука – ставят общие задачи, будучи уверенными в постижимости всеобщей причинно-следственной связи явлений, писатели XIX века начинают обращаться за идеями к современной им психологической науке (Г. Флобера, например, интересовала физиология, дававшая обоснование ориентированной на нее психологии). В итоге «литература и наука сливаются воедино настолько, что литература фактически и есть наука, а наука черпает идеи для своих открытий из литературы»³²⁹. Психологизм оказывается ведущим свойством реалистического стиля, позволяя не просто отображать, но и познавать внутренний мир человека во всей его полноте.

Образы психопатических личностей в литературе XIX века запечатлены детально, скрупулезно, в соответствии с реальностью, их

---

³²⁹ *Thiher A. Fiction Refracts Science: Modernist Writers from Proust to Borges. Columbia: University of Missouri Press, 2005. P. 3.*

портреты точны и являются прекрасной характерологической моделью (Вотрен в «Отце Горио» Бальзака, Ребекка Шарп в «Ярмарке тщеславия» Теккерея, Миледи в «Трех мушкетерах» Дюма, Жорж Дюруа в романе «Милый друг» Мопассана, Катерина Ивановна в повести Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» и пр.). Сообразно требованиям реализма характер такой личности раскрывается во взаимодействии с ее окружением: авторы описывают впечатление и воздействие, оказываемые психопатом на других людей. Это позволяет не только выстроить интригу, создать конфликт, но и глубже раскрыть характеры персонажей иного психологического склада, вступающих в активное взаимодействие с подобной личностью.

Психопат в литературе XIX века – не обязательно злодей-антигерой. Его отношения с окружающими могут быть сложны и противоречивы (персонаж Ребекки Шарп из «Ярмарки тщеславия» (1848) У. Теккерея), при этом его личность характеризуется и постигается с позитивистской тщательностью. Например, Вотрен – герой романа «Отец Горио» (1835) О. де Бальзака, изображен следующим образом: «На лице, изборожденном ранними морщинами, проступали черты жестокосердия, чему противоречило его приветливое и обходительное обращение. <...> должники его скорей бы умерли, чем не вернули ему долг, – столько страха вселял он, несмотря на добродушный вид, полным решимости, каким-то особенным, глубоким взглядом. Одна уж его манера сплевывать слюну говорила о таком невозмутимом хладнокровии, что, вероятно, он в критическом случае не остановился бы и перед преступлением. Взор его, как строгий судия, казалось, проникал в самую глубь всякого вопроса, всякого чувства, всякой совести. <...> Он знал или догадывался о делах всех окружающих, а между тем никто не мог постигнуть ни род его занятий, ни образ мыслей. Поставив, как преграду, между другими и собой показное добродушие, всегдашнюю любезность и веселый нрав, он временами давал почувствовать страшную

силу своего характера»³³⁰. Описывая внешность персонажа, Бальзак открывает перед читателем его внутренний мир. Вотрен ведет активную социальную жизнь, без труда устанавливая доверительные отношения со всеми без исключения, и даже проницательные слуги считают его хорошим человеком. Своей насмешливостью, грубоватым юмором, шутовским поведением он вызывает симпатию на фоне людей иного, более стандартного и «скучного» склада, производит впечатление полнейшей нормальности. Но постепенно становится очевидным, что его поведение в отношении других в высшей степени манипулятивно: Вотрен строит многоходовые комбинации по обогащению, его планы включают убийство человека, и при этом их осуществление возможно лишь путем воздействия на других людей, которых он последовательно убеждает поступить так, как ему необходимо. Как демону – искусителю, Вотрену почти удается убедить главного героя, молодого Эжена де Растиньяка, пойти на страшную сделку с совестью. Впечатление Растиньяка от этого человека автором передано так: «Временами ему казалось, что эта странная личность читает у него в душе и прозревает его страсти, а между тем у самого Вотрена все замкнуто так крепко, точно он обладает невозмутимой глубиной сфинкса, который знает, видит все, но ничего не говорит»³³¹. В итоге выясняется, что Вотрен – беглый каторжник, закоренелый преступник по прозвищу Обмани-смерть. Кульминационным моментом романа становится его разоблачение, позволяющее автору обыграть контраст социально приемлемой маски и подлинной сущности.

Если в данном герое еще заметны амбивалентные и неоднозначные черты, то на более зрелом этапе реализма воплощение психопатических образов становится более точным. В романе Ги де Мопассана «Милый друг» (1885) рассказывается история жизни Жоржа Дюруа, который благодаря психопатическим наклонностям из незнатного и несостоятельного молодого

---

³³⁰ Бальзак *Оноре де*. Отец Горю URL: <http://lib.ru/INOOLD/BALZAK/gorio.txt> (дата обращения: 14.05.2021)

³³¹ Там же.

человека превращается в миллионера, барона Дю Руа де Кантель. Дюруа «обязан своими успехами холодному расчету и что добился он их, потеряв не только элементарное сочувствие к людям, но и всякий стыд и совесть. < ...>. По мере развития действия мы все чаще убеждаемся в том, что герой полностью лишен сочувствия к тем людям, которым он наносит моральный или материальный ущерб. <...> три слагаемых психики определяют Дюруа как носителя злого начала: недостаток сочувствия, в первую очередь жалости к людям, отсутствие стыда и тенденция устранять препятствия, встающие на его пути, прибегая к человеконенавистническим выпадам»³³². Другой пример – рассказ Мопассана «Дьявол» (1886), героиня которого тетка Рапе зарабатывает на жизнь сиделкой при умирающих. Договорившись с сыном умирающей старухи об оплате за весь период до самой кончины и желая сократить срок работы, она, переодевшись дьяволом, до смерти пугает больную, после чего спокойно приступает к чтению молитвы над умершей женщиной.

2.2.4. Психопатия в образной системе литературы модернизма

На протяжении XIX века психология все больше отделяется от философии, в русле которой изначально возникла, и становится самостоятельной дисциплиной. Ее окончательное рождение приурочено к 1889 г., когда В. Вундтом в Лейпциге была открыта первая в мире экспериментальная психологическая лаборатория. В литературе XX века психологизм, с одной стороны, продолжает развитие в русле унаследованной от XIX века техники реалистического повествования, в то же время более заметным явлением культуры XX века становится художественный реализм в его «превращенных» формах (сюрреализм, магический реализм, неореализм и пр.). В это время происходит переформатирование достижений реалистического метода: возникает идея, что последний ограничивает нарративные возможности литературы, против чего и восстало искусство

---

³³² Леонгард К. Акцентуированные личности. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. С. 335.

времени, трансформировав реалистические принципы в системах модернизма.

В XX веке развивается интерес литературы к девиациям, который в значительной степени был порожден еще работами французского врача-психиатра Ж.М. Шарко, исследовавшего истерию и сделавшего эту болезнь предметом большого интереса культуры и общества. Андре Бретон, основоположник одно из ключевых направлений времени – сюрреализма, являлся безусловным сторонником интереса культуры к психическим патологиям: по его мнению, эстетизация подобных проявлений и психических нарушений, использование их в искусстве, призвана изменить отношение к понятию нормальности. «<...> сюрреалистическая эстетика “ненормальности”, уродства становится предпосылкой для появления новой нормы, нашедшей отклик в современных тенденциях, стирая тем самым грани между “нормой” и “антинормой”, высоким искусством и повседневной жизнью»³³³. Сюрреализм отказывается стеснять человека нравственными и эстетическими категориями («Мораль противоположна счастью с тех пор, как я существую» (Ф. Пикабиа)), желает очистить личность от социальных, нравственных и индивидуальных детерминант, срывает с нее индивидуальное и стремится «предоставить элементарному <...> полную свободу» (Ж. Арп)³³⁴.

Находясь под влиянием открытий Фрейда, литература модерна стремится проникнуть в сферу иррационального и подсознания, происходит своеобразный поворот от социума к личности, к индивидуальности, критикуется установка на подражание исключительно прекрасному. Для оказавшего значительное влияние на произведения модернизма Шарля

---

³³³ Харсеева Н.В., Годаль А.Н. Эстетизация психических патологий как художественный феномен (на примере творчества Эгона Шиле и Ханса Беллмера) // Общество: философия, история, культура, 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/estetizatsiya-psiicheskikh-patologiy-kak-hudozhestvennyy-fenomen-na-primere-tvorchestva-egona-shile-i-hansa-bellmera> (дата обращения 14.05.2021)

³³⁴ Боров Ю. Эстетика. Учебник для студентов высших учебных заведений. М.: «Высшая школа», 2002. URL: <http://new.pdfm.ru/35filologiya/88619-5-federacii-kachestve-uchebnika-kursu-estetika-dlya-studentov-visshih-uchebnih-zavedeniy-mosk.php> (дата обращения: 14.05.2021).

Бодлера зло стало категорией эстетики³³⁵, в черновом варианте предисловия к «Цветам зла» (1857–1868) он заявлял о своем намерении «выявить прекрасное во зле», и что «в самом скверном мы способны найти очарование»³³⁶. Бодлер считает, например, убийство – излюбленным украшением красоты³³⁷, для него оно выступает своеобразным лекарством от тоски. Дальнейшее искусство во многом наследует Бодлеру, своеобразно эстетизируют традиционное зло и произведения символистов. Представители этого направления обращаются к тематике разрушительных «темных сил» как естественной составляющей мироустройства. В поэтике символизма, в том числе русского, утверждается образ демона, темного мирового начала, присутствие которого в мире и в душе индивида способно преодолеть трагический раскол человеческого существа, обеспечив его единство:

Суровый призрак, демон, дух всеильный,
Владыка всех пространств и всех времен...
Ты всем несешь свой дар успокоенья,
И даже тем, кто суетной душой
Исполнен дерзновенного сомненья.
К тебе, о царь, владыка, дух забвенья,
Из бездны зол несется возглас мой:
Приди. Я жду. Я жажду примиренья!³³⁸

Это темное начало и мистическое провидение, направляющее человеческий путь – опасная страсть, дающая силы на свершения. Касаясь этой тематики, В.Я. Брюсов пишет о двойственности демона, который «в руку всовывает нож», «кладет гильзы в барабан», но в то же время является притягательным и таинственным:

---

³³⁵ При этом надо отметить, что зло он воспевал исключительно в эстетическом модусе, негативно относясь к нему как к моральному феномену.

³³⁶ *Сведенсен Л.* Указ. соч.

³³⁷ Там же.

³³⁸ *Бальмонт К.Д.* Смерть URL: <https://ilibrary.ru/text/2452/p.1/index.html> (дата обращения 14.05.2021)

В его улыбке, страннодлительной,
В глубокой тени черных глаз
Есть омут тайны соблазнительной,
Властительно влекущей нас <...>³³⁹

Находящие под влияние идеи Ницше о «сверхчеловеке», представители еще одного нового движения – футуризма – мечтают о человеке будущего как о механическом существе с заменяемыми частями, всемогущем и бездушным, циничном и жестоком³⁴⁰. Таким образом, поэтика модернизма показывает увлеченность транслирующими зло персонажами, приобретающими символическое содержание, происходит отказ от однозначной трактовки их в негативном ключе; в исключительной добродетели авторы начинают видеть скуку, «пороком увлекаются, а со смертью – кокетничают»³⁴¹.

Писатели модерна, получив возможность заимствовать научные идеи и концепты из области психологии, активно используют их, экспериментируя с литературной формой. Введенное У. Джеймсом понятие потока сознания, став литературным приемом модернизма, формирует особую технику, ориентированную на фиксацию перцептивных процессов, ассоциацию фрагментарности памяти с романной формой, воссоздание «внутреннего сюжета» личности. В рамках литературы «потока сознания», где техника запечатления внутренней речи персонажа достигает вершин, создан знаковый текст периода – «Звук и ярость» У. Фолкнера (1929), в котором психопатический герой впервые оказывается пугающе близко к читателю.

Произведение состоит из четырех монологов, персонаж третьего из них – Джейсон – производит впечатление внешней нормальности, и только погружение в его внутренний мир, а также знания о самом феномене

---

³³⁹ Брюсов В.Я. Демон самоубийства. URL: <https://rustih.ru/valerij-bryusov-demon-samoubijstva/> (дата обращения: 14.05.2021).

³⁴⁰ Футуризм // Краткая литературная энциклопедия. – Т.8, 1975. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/KLE-abc/ke8/ke8-1662.htm> (дата обращения: 17.05.2021).

³⁴¹ Шаповал Г.Н. Образы зла в художественной культуре / Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.филос.н. / Рост. гос. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2002. С. 19.

психопатии, позволяют идентифицировать Джейсона как психопата. Это – патологический лгун, которому удалось опутать окружающих сложной паутиной обмана. Он крадет деньги у матери и чеки, присылаемые сестрой на содержание несовершеннолетней, живущей с Джейсоном, дочери. При этом Джейсон считает, что имеет право издеваться и над самой девушкой, которая из-за ненависти к нему погружается в неприемлемое для семьи поведение, и над ее матерью – из-за того, что та родила дочь вне брака. Для установления психопатичности персонажа характера и сцена издевательства над чернокожим мальчиком, которого Джейсон долго дразнит билетами в цирк, предлагая выкупить их, и, несмотря на все просьбы, сжигает их на глазах у ребенка, заранее зная, что у того нет ни цента. Сам Джейсон перекладывает вину за свои поступки на окружающих, изображая из себя жертву. Характеристику Джейсона Фолкнер задает и на уровне текста: если «поток сознания» других персонажей может быть сложен для читателя, то речь Джейсона отличается простотой, отступления в ней немногочисленны, мысль фиксирует происходящее, – как психопата Джейсона не волнуют события прошлого, он не чувствует угрызений совести и живет в настоящем. Отсутствие человечности раскрывают и его рассуждения – злобные, примитивные и мизогиничные. Примечательно, что Джейсон производит впечатление не только нормального, но и довольно «мужественного» героя, действующего в привычных парадигмах маскулинности, которая в данном случае воплощается через психопатию. Эксперименты Фолкнера с литературной формой делают возможным соприкосновение с психопатом, который в своей обыденности не производит впечатление «чистого зла», что уже вводит психопатию в пространство нормы, столь популярное в последующей литературе XX–XXI вв.

2.2.5. Психопатия и антиномичность души: образ Раскольникова и его переосмысление в русской литературе XX века

Четко фиксируемые психопатические проявления продолжают воплощаться в реалистических произведениях времени. Например, в романе Г. Мелвилла «Билли Бад» (1924) психопатический персонаж Джон Клеггерт – это настоящий садист, сознательно причиняющий боль и страдание молодому невинному герою. Клеггерт «драпируется в мантию благопристойности»³⁴², и многие принимают его за честного человека, однако на деле он лжив, безнравственен, завистлив, склонен к «вкрадчивой лести». Как типичного психопата особым образом его выдают глаза: «глаза обвинителя вдруг непонятным образом преобразились: их обычный глубокий фиалковый тон вдруг помутился, стал грязновато-лиловым. Эти светильники человеческого разума вдруг утратили все человеческое»³⁴³. Психопатический образ в романе, маниакальная злоба которого разрушительна и не имеет истоков, воплощает дьявольское абсолютное зло, при этом являясь и важным мотивом в исследовании человеческой души, знание лишь светлых сторон которой, по мнению Мелвилла, является слишком поверхностным³⁴⁴.

Необходимо вспомнить, что и в традиции русской литературы человеческая душа антонимична: зло – ее неотъемлемая часть, именно оно обуславливает свободу и является путем становления человека, болезненным опытом, способным обогатить личность. Этот подход, опирающийся на христианскую философию, наиболее полно воплотился в произведениях Ф.М. Достоевского, у которого зло карается не внешне, но «имеет неотвратимые внутренние последствия»³⁴⁵. Чистый психопатический персонаж у Достоевского еще невозможен – даже те герои, которые, на первый взгляд, отсылают к психопатической модели и являют в некотором роде «дьявольские» черты (Петр Верховенский, Николай Ставрогин и под.), совершая преступления, оказываются неспособны активно преобразовывать мир, выработать цельную философию и найти опору в эгоистической

---

³⁴² Мелвилл Г. Билли Бадд. Л.: Лениздат, 1986. С. 281.

³⁴³ Там же. С. 309.

³⁴⁴ Там же. С. 287.

³⁴⁵ Бердяев Н. А. Мирозерцание Достоевского. Прага: The YMCA PRESS Ltd, 1923. С. 92.

индивидуальности, самореализоваться. Через образы деструктивного поведения Достоевский ставит вопрос о том, все ли дозволено («Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы»), и дает на него отрицательный ответ, по поводу чего Н.А. Бердяев писал: «Достоевский изобличает лживость претензий на сверхчеловечество <...> тема Раскольникова означает уже кризис гуманизма, конец гуманистической морали, гибель человека от самоутверждения человека»³⁴⁶.

Последующее – в XX веке – рождение новой личности, выходящей из слома старого мира, точно описано, например, у И.А. Бунин. Герой, способный к разрушительности, наслаждению от убийства и находящий в них цельное мировоззрение, возникает у Бунина постепенно. В повести «Веселый двор» (1911) картина упадка раскрывается через взаимодействие двух персонажей – старухи Аксиньи и ее сына Егора. Первая является типичной представительницей старой Руси – это тихая богобоязненная женщина, прожившая трудную крестьянскую жизнь, но до конца ведомая традиционалистскими ценностями, ее же сын Егор – пустоболт, трус, нахал, не признающий «ни семьи, ни собственности, ни родины»³⁴⁷ (бунинское описание Егора явно отсылает к психопатическому типу). Несмотря на эгоизм и бродяжничество, определяющие жизнь Егора, после смерти матери он оказывается абсолютно потерянным и совершает самоубийство – подобный персонаж еще не в состоянии найти опору в самом себе и выжить в окружающем пространстве. Герои последующих рассказов – «Игнат», «Ермил» (1912) уже не столь растеряны перед новой реальностью, они решаются на преступления, притягательные для них столь сильно, что персонажи становятся воплощением жажды разрушения. Их убийства хоть и являются следствием лелеемых мечтаний, но, будучи помещены еще в крестьянскую среду, пока предполагают осознание преступления как отступничества: «И монахам понравился он [Ермил]. С ними и остался,

---

³⁴⁶ Там же. С. 98.

³⁴⁷ Бунин И.А. Веселый двор // Полное собрание рассказов в одном томе. М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2020. С. 256.

отбыв покаяние <...> Но в монахи постричься не пожелал. – Нет, я даже преступный, – говорил он с удовольствием»³⁴⁸.

Однако изменившимися обстоятельствами человек у Бунина оказывается фрустрирован недолго – Адам Соколович из рассказа «Петлистые уши» (1916) уже вырабатывает и проповедует философию, которая фиксирует новое понимание человека и его новую связь с прошлым. На обширном историческом материале герой развивает мысль о врожденной порочности всех когда-либо существовавших людей, зверином начале как свойстве человека, призывает спокойно принять свою «природу». «Пора бросить эту сказку о муках совести, об ужасах, будто бы преследующих убийц. Довольно людям лгать, будто они так уж содрогаются от крови. Довольно сочинять романы о преступлениях с наказаниями, пора написать о преступлении без всякого наказания»³⁴⁹, – говорит он. Позволяющий себе особую мораль, спокойно рассуждающий о жестокости и именующий себя «сыном человеческим», Адам Соколович, как свойственно психопатам, привлекает внимание и внешним видом – «всякий, кому он попадался на глаза, испытывал чувство смутной неприятности, какого-то беспокойства»³⁵⁰.

Соколович совершает преступление и уходит от ответственности, растворяясь в огромном городе. Современники писали Бунину: «все очевидцы “мировых” событий уже пришли к одной точке – к тому ощущению жизни и человека, которым проникнут ваш страшный рассказ. Вольно или невольно, вы зачерпнули от самой гущи переживаемых теперь ужасов, и это придало его непреходящему содержанию особую остроту»³⁵¹. Сам автор так же указывал на главенство в своем произведении «адского фона», и выделяющейся на нем «ужасной фигуры»³⁵². По мнению критиков,

---

³⁴⁸ Бунин И.А. Ермил // Там же. С. 305.

³⁴⁹ Бунин И.А. Петлистые уши // Там же. С. 492.

³⁵⁰ Там же. С. 490.

³⁵¹ Досумчи С. Самооправдание как феномен нравственной жизни в рассказе И. А. Бунина «Петлистые уши» // Развитие личности, №4, 2017. С. 59.

³⁵² Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. М.: ИМЛИ, 2003. С. 389. // Цит. по: Попова Ю. С. Герой и город в рассказе И. А. Бунина «Петлистые уши» // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. №2, 2010. С. 91.

возникновение подобного персонажа – повод для разговора о состоянии общества: в Соколовиче они видят аллюзию на Раскольникова, порывающего с традиционными ценностями и покаянием, выводящего свою теорию уже не на фантастический, но реальный уровень, повсеместно отмечается и мотив вырождения – как времени, так и человека. Таким образом, если Раскольников не смог убить совесть, и весь христианский подход Достоевского не позволял ему увидеть чистую психопатию, то для Бунина она уже становится заметна.

Персонаж Соколовича, безусловно, рождается не произвольно. Как уже неоднократно отмечалось, герой – всегда воплощение конкретной эпохи. При этом знакомство с концептом психопатии и ролью соответствующих личностей побуждает не трактовать рассказ Бунина слишком патетично: Соколович – не выродок или символ упадка, он фиксация извечного человеческого типа, с которым окружающим в грядущем веке предстоит научиться сосуществовать. В новом мире злодеи растворяются в социуме, мимикрируют под обычных и чрезвычайно приятных людей, и только реальные действия выдают их бездушную натуру, контрастирующую с «показной» человечностью. Таков, например, один из злодеев В. Набокова – палач месье Пьер в «Приглашении на казнь» (1935), на которого очень похожи другие набоковские злодеи – Падук из «Под знаком незаконорожденных» (1947), Градус из «Бледного огня» (1962) и др.

2.2.6. Психопатия в притчевом жанре литературы XX века

В масштабе событий первой половины века писатели рассматривают проблему зла как одну из основных, в их изображении оно эволюционирует, становится масштабнее, приобретает новые формы (в произведениях Л. Андреева «Иуда Искарот», «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, «И дольше века длится день» Ч. Айтматова и др.). В это время поднимаются темы библейских пороков человека как невидимых, но разрушающих явлений. Особое внимание в этой связи привлекает жанр притчи, который

продуктивно развивается в первой половине XX века и фиксирует зачастую бессознательные свойства и мотивы поведения людей. Психопатические черты, реализуясь в жанре притчи, обретают новое прочтение – это и своеобразное наследие образных исканий литературы предшествующего времени, и в то же время – следствие предельно реалистичного повествования, с большой точностью фиксирующего психопатические образы и наделяющее их вневременным содержанием.

Роман «К востоку от Эдема» (1952) американского прозаика Дж. Стейнбека представляется особенно интересным, во-первых, поскольку содержит сразу нескольких поразительно точных образов психопатических личностей, во-вторых, тем, что последние являются опорными для рассуждений Стейнбека о специфике существования человека, темная сторона которого воплощена в форме психопатии.

Первый психопат, которого Стейнбек создает в необычайном количестве точных деталей – Чарльз, один из братьев-героев повествования: с детства Чарльз рос «самоуверенным и напористым»³⁵³, бесстрашно ввязывался в драки и «обладал неумным желанием одерживать победу, которое и способствует успеху в жизни»³⁵⁴. Несмотря на притягательную силу и яркость характера, окружающие побаивались Чарльза, смутно ощущая исходящую от него угрозу. После приступов беспричинной жестокости, во время одного из которых он чуть не убил собственного брата, Чарльз ведет себя как ни в чем ни бывало, обладая «замечательной способностью никогда не чувствовать за собой вины, что бы ни случилось»³⁵⁵. Не кажется необходимым приводить исчерпывающий перечень эпизодов, чтобы доказать психопатичность этого героя, хочется лишь подчеркнуть необычайную точность, с которой Стейнбек к 1952 году создал образ, всецело соответствующий современным научным описаниям психопатической личности. Другой психопатичный персонаж – жена брата Чарльза Адама

---

³⁵³ Стейнбек Дж. К востоку от Эдема. М.: АСТ, 2020. С. 31.

³⁵⁴ Там же.

³⁵⁵ Там же. С. 35.

Кейт – являет собой активное зло, калечащее судьбы людей. Стейнбек делает особый акцент на ее «моральном уродстве»: с юного возраста, пользуясь своим умом и ангельской внешностью, она проявляла себя как манипулятор, сознательно «старалась стереть границу между ложью и правдой, чтобы подозрения окружающих <...> не переросли в уверенность»³⁵⁶. Кейт убивает родителей, бросает собственных детей, использует людей, открывает «самый грязный и ужасный» публичный дом в округе, до конца жизни плетет интриги, руководствуясь сильной внутренней ненавистью к окружающим.

Внешний нарратив романа смоделирован по аналогии с ветхозаветным сюжетом о Каине и Авеле. Само по себе обращение к притче в искусстве несет обширный смысловой заряд: этот жанр выступает как принцип интерпретации мира, являя, среди прочего, и конкретный частный случай, ставший обобщением для других случаев, пример метафоры и аллегии³⁵⁷. Само «слово “притча” имеет два дополняющих друг друга значения: случай <...> и указатель пути <...> притча – это что-то необходимое “при пути”, а путь, как известно, непреходящий символ человеческой жизни»³⁵⁸. Притчевая история представляет собой развернутую метафору, в данном случае повествование о Каине и Авеле полагает истории их потомков, образующие сюжетные линии романа и воплощающиеся в различных смысловых пластах – проблеме природы человека, добра и зла, свободы и необходимости и др. При этом интерпретация ветхозаветного сюжета – это не только отражение созданной автором аналогии, но и самостоятельная работа читателей, которых притча побуждает раскрыть свое «собственное содержание <...> свое тайное желание перед окружающими, а может, и перед самими собой»³⁵⁹. Анализ притчи в конкретном произведении подразумевает не только постижение ее нравственно-дидактического смысла, но и установление связи с настоящим в силу аккумуляции притчей разнообразных

---

³⁵⁶ Там же. С. 101.

³⁵⁷ Саврей В.Я. Притча в герменевтике сакрального текста (на примере изучения евангельских притч) // *Философия и культура*, № 11, 2014. С. 1620.

³⁵⁸ Тумина Л.Е. Притча как школа красноречия. М.: ЛКИ, 2007. С. 7.

³⁵⁹ Саврей В.Я. Там же. С. 1625–1626.

мировоззренческих и этических аспектов жизни современного человека, который посредством обращения к ней стремится найти новые ценностные ориентиры и стратегии действий. Таким образом, при сопоставлении ветхозаветной и современной историй необходимо учитывать, что притча предполагает вневременный характер и некую условность, а человек вовлекается в нее как действующее лицо, активно усматривающее в ней себя, именно поэтому анализ современности посредством обращения к притче и становится возможным.

Воспроизведение Стейнбеком библейской истории носит порой избыточный характер, все линии развиваются по сходной сюжетной модели и воспроизводят трагедию отношений библейских братьев, отсылающую к вопросам о сущности человеческой природы в ее этическом модусе. В рамках настоящей работы особо интересным представляется факт, что злое начало, с древнейших времен представленное в человеке, воплощено Стейнбеком в психопатических образах. Тем самым фигура психопата экстраполируется на всю историю, приобретая фундаментальный смысловой стержень, связанный с Библией, психопат являет чистое зло, обеспечивающее противоборство начал, на котором зиждется история мира.

При этом Стейнбек делает собственные выводы, утверждая мотив свободного выбора как конечной и наиболее значимой реальности: совершивший братоубийство Каин становится не только проводником зла, но ему Богом «дозволено господствовать» над ним. Тем самым добро и зло становятся личным решением каждого человека, и в этом автор довольно точно воспроизводит философские дискуссии времени: «С одной стороны, влечение это врожденное (априорная «зараженность грехом»), как говорил Фрейд, с другой – оно коренится не в природе человека, а в свободе над природой, как, в сущности, и считал Фромм»³⁶⁰. Мотивы деструктивности психопатии, ее роли в мировой истории, тема личной свободы,

---

³⁶⁰ *Алтафова А.Р.* Презумпция мортиса // Психолог, № 3, 2015. С. 126–163. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=15099 (дата обращения 14.05.2021).

ответственности за антисоциальное поведение станут ведущими в рамках психопатического дискурса второй половины XX века.

Раскрытие притчей важнейших личностных проявлений, заключение в ней сценария развития человечества в его культурно-исторической парадигме прослеживается и в «Повелителе мух» У. Голдинга (1954). Психопатичность здесь не концентрируется в конкретном персонаже, ей пропитано все действие романа, обусловленное высвободившимся антисоциальным началом героев.

По сюжету самолет, на борту которого находились дети, терпит крушение на необитаемом острове, и в ситуации, когда нет рядом ни одного взрослого, они оказываются предоставлены сами себе. Это становится испытанием не просто для самих персонажей, но для человеческой природы, темные стороны которой выявляются в ходе детской игры. Изначальное стремление мальчиков поддерживать порядок на острове (совместно принимать решения, слушаться руководителя, заниматься своим спасением) быстро меняется – место британских детей занимают маленькие дикари, поддающиеся древним инстинктам. Общество мальчиков раскалывается: самая многочисленная часть – племя Джека: общество охотников, спрятавшись за масками, они начинают убивать не только животных, но и людей, получая от убийств ритуальное экстатическое удовольствие. Влиянию зла сопротивляются лишь несколько героев – Саймон, Ральф и Хрюша, призывающие сверстников к продуманным действиям, для этих героев жестокость охотников невыносима. Однако Голдинг подчеркивает, что Саймон с Ральфом, хотя и не позволяют разрушительным импульсам захватить себя, тоже чувствуют склонность к ним. Исключение составляет рационалист Хрюша, у которого на каждый вопрос имеется продуманный ответ, однако, когда темная сторона окружающих выходит на свободу, он страдает от непонимания происходящего. Таким образом, конфликт рационального и иррационального начал не разрешается в пользу первого: Хрюша не в состоянии постичь зло и его закономерности, из-за чего не

может и бороться с ним; в своем отношении к человеческой природе он близорук: «Хрюша не мудрый. Он не дальнорский, он рационалист, ограниченный и наивный, рационалист, как все ученые»³⁶¹, – говорил сам Голдинг. Руссоистская иллюзия о естественном состоянии человека, от природы склонного к добру, разрушается, фиксируется эрозия человечности: «на поверку человек в экстремальной ситуации капитулирует перед бесконтрольной иррациональностью, жестокостью и злом»³⁶².

Как и «К востоку от Эдема», «Повелитель мух» – притчевая попытка определить внутреннюю сущность человеческой души через ее разорванность и внутреннюю противоречивость. Эти произведения, фиксируя психопатические проявления как в значительной степени метафорические свойства, еще не исследуют феномен психопатии как социальных факт. Однако необычно точная проработка психопатических характеров в приближении ко второй половине XX века как бы открывает дорогу реалистичности конструирования этих образов в дальнейшем. В литературе следующего периода, включая лучшие образцы постмодернизма, психопатические персонажи встречаются даже слишком часто, и во многих произведениях сюжет о психопате является центральным (Э. Берджесс «Заводной апельсин» (1962), Дж. К. Тул «Сговор остолопов» (1963), Дж. Фаулз «Коллекционер» (1963), Э. Елинек «Пианистка» (1983), И. Бэнкс «Осиная фабрика» (1984), П. Зюскинд «Парфюмер» (1985), С. Кинг «Мизери» (1987), Т. Харрис «Молчанье ягнят» (1988), Б.И. Эллис «Американский психопат» (1991), Ф. Пуллман «Темные начала» (1995–2000), Л. Шрайвер «Что-то не так с Кевином» (2003), К. Маккарти «Старикам тут не место» (2005), Д. Уэлс «Я – не серийный убийца» (2009), Г. Флин «Исчезнувшая» (2012) и др.).

---

³⁶¹ *Biles, Jack I.* Talk: conversations with W. Golding. N.Y., 1970. Цит. по: *Темирбулатова К.М.* Философская притча Вильяма Джеральда Голдинга «Повелитель мух» // Вестник РУДН. Журналистика, № 1, 2010. С. 8

³⁶² *Темирбулатова К.М.* Указ. соч. С. 6.

Глава 3. Феномен психопатии в литературно-философской рефлексии второй половины XX века

Известно, что литературное творчество стало основным транслятором идей постмодернизма (что отмечали, например, Ж. Деррида, Ю. Хабермас). Во-первых, постмодерн как явление изначально был зафиксирован именно в связи с этой областью творчества: использовавший одним из первых термин «постмодернизм» теоретик литературы И. Хассан обозначил им широкий спектр тенденций в искусстве, радикализировавших или отрицавших основные черты модернизма³⁶³. Во-вторых, как отмечает Ф. Джеймисон, в эпоху постмодерна философия утрачивает свой строгий терминологический дискурс вместе с «отчетливым разделением различных дискурсов других академических дисциплин, таких как политология, социология или литературная критика. Сегодня мы все в большей мере имеем некий род письма, называемого просто "теорией", которая представляет собой все эти дисциплины сразу и ни одну из них в отдельности»³⁶⁴. Литература теряет четкие границы, «жанровое различие между философией и литературой при ближайшем рассмотрении исчезает»³⁶⁵, при этом она как бы продолжает «линию жизни», ничего не выдумывает, рассказывание «историй» циркулирует в повседневной жизни так же, как на страницах сочинений³⁶⁶.

Культуру постмодернизма часто упрекают в чрезмерной увлеченности цитатностью вместо самовыражения, упоенности собственной вторичностью и отказе от поисков истины или в их симуляции, значимость литературных произведений также часто подвергается сомнению (работы А. Зверева, Д. Затонского, Т. Хагурова, И. Ильина). Однако в настоящей работе они рассматриваются как обладающие самостоятельной художественной

---

³⁶³ Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011.

³⁶⁴ Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Логос, №4, 2000. С. 63–77. URL: https://ruthenia.ru/logos/number/2000_4/10.htm (дата обращения 14.05.2021).

³⁶⁵ Хабермас Ю. Эссе об устранении жанрового различия между философией и литературой // Философский дискурс о модерне. URL: <http://konf-csu.narod.ru/ze/lib/habermas.html> (дата обращения: 15.05.21)

³⁶⁶ Там же.

ценностью: даже обращение к неким образцам всегда предполагает переосмысление и конструирование собственной реальности, в связи с чем радикализм в оценке литературных произведений этого периода, нивелирование их смысла, не представляется уместным. Несмотря на активное использование постмодернистами аллюзий на классическую литературу и интертекстуальность сочинений, его авторы успешно выстраивают собственный текст и создают образы, наделенные актуальным для времени содержанием. Ю. Хабермас указывал, что рассмотрение литературы уместно во всей полноте ее смыслов по аналогии с философскими сочинениями: «самые мощные и уместные прочтения литературных произведений – возможно, те, что рассматривают их как философские выступления, – подчеркивают импликации их соприкосновения с философскими оппозициями, которые их обосновывают»³⁶⁷.

Отличительными свойствами литературы постмодерна стали цитатность и интертекстуальность, размытость бинарных оппозиций, переосмысление традиционных ценностей, стирание личности, многоуровневая организация текстов, делающая их доступными как для массовой, так и для элитарной публики³⁶⁸ и др. Особенно важной характеристикой становится гипертекстуальность сочинений, превращающая их «в систему, иерархию текстов, одновременно составляя единство и множество текстов»³⁶⁹.

Таким образом, постмодернизм проявляется в литературе как на формальном, так и на содержательном уровне. Обращение к первому из уровней не является целью настоящей работы, поэтому в дальнейших главах будет предпринята попытка установить связь литературных образов с философскими исканиями времени, обусловившими особое прочтение психопатии с целью выявить новое смысловое содержание психопатических образов.

---

³⁶⁷ Там же.

³⁶⁸ Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999.

³⁶⁹ Руднев В. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1999. С. 69.

3.1. Психопатический склад личности и тема человеческой деструктивности

3.1.1. Агрессия как форма человеческого поведения: классическая VS постмодернистская интерпретации

Уже было отмечено, что масштабные трагичные события XX века заставили интеллектуалов заново поставить вопрос о том, что же представляет собой человек. Вопреки насчитывающему несколько столетий культу разума, европейцы оказались беззащитны перед идеями нацизма, и пафос рациональности с установкой на связность разума и морали потерпел крах. С одной стороны, это привело в философию идею о его несовершенстве, с другой – открыло путь дискуссиям о пересмотре самой идеи традиционной рациональности.

На способность человека значительно меняться в большой группе, толпе, утрачивать собственную разумность и подчиняться «стадному инстинкту», обращали внимание философы XIX века (С. Кьеркегор, Ф. Ницше), однако именно в XX столетии эта тема получила последовательное обоснование в работах ряда авторов (В. Троттер, Т. Веблен, Г. Зиммель, Г. Лебон). Предложивший трехчастную структуру психики Фрейд рассматривал одну из ее составляющих – «сверх Я» – как ответственную за самонаблюдение интериоризированную фигуру родителя, в которой заключено представление об идеальном Я. В толпе человек замещает идеальное Я внешним объектом – фигурой лидера, которая воплощает искомый идеал. Тем самым индивид, делегируя вождю принятие решений, утрачивает «свое» «сверх Я» и личный контроль над ситуацией вплоть до «регресса психической деятельности к более ранней ступени, которую мы привыкли находить у дикарей или у детей»³⁷⁰. Логично заключить, что коллективное отсутствие совести может проявиться в разных вариантах разрушительного массового поведения.

---

³⁷⁰ Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». М.: Издательство «Э», 2016. С. 59.

Идея склонности человека к деструктивным действиям в силу научно обоснованных, а не трансцендентных причин, стимулировала большой интерес к данной теме в научном и философском сообществе. Формирование деструктивности связывалось с несколькими возможными предпосылками: либо с набором врожденных, биологических свойств и интенций, предопределяющих данные стремления личности (З. Фрейд, К. Лоренц, Ж. Батай, Г. Маркузе и др.), либо с определяющей ролью социализации и первичного окружения индивида в реализации таковых (Э. Фромм, Э. Дюркгейм, Р. Мертон и др.).

Разработанная Фрейдом концепция инстинкта смерти (Танатоса) как объяснительной модели разрушительного поведения человека, обосновывала стратегию выживания через сдерживание разумом иррациональной, т.е. деструктивной части психики: аффектов, бессознательных стремлений, инстинктов, табуированных желаний. Стремясь «биологически рационализировать»³⁷¹ неподвластную контролю деструктивную часть и выявить ее лишь для того, чтобы контролировать, но не освободить, Фрейд проявляет себя как типичный представитель эпохи модерна³⁷². В переписке с Эйнштейном он заметил: «все, что способствует культурному развитию, работает также и против войны»³⁷³. Однако и сама культура, призванная сдерживать деструктивное начало, создает предпосылки для освобождения, взрыва подсознания изнутри, вытесняя из зон контроля нежелательные природные импульсы³⁷⁴. «Всё выглядит так, как будто нужно разрушить другое и других, чтобы не разрушить самого себя, чтобы оградить себя от стремления к саморазрушению», – писал отец психоанализа³⁷⁵. Если сам Фрейд рассматривает свое открытие как «печальное известие для

---

³⁷¹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 271.

³⁷² В этом аспекте работы Фрейда исследовал Ф. Рифф: *Rieff Ph. Freud: The Mind of the Moralizer*. University of Chicago Press, 1979.

³⁷³ Фрейд З. Почему война? URL: http://znatech.ru/proekty/fbarrier/zigmund_frejd_-_neizbezna_li_vojna_pis_mo_al_bertu_nshtejnu/?ysclid=1663npvv2e70340197 (дата обращения 28.07.2022).

³⁷⁴ Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения // Я и Оно. Труды разных лет. Кн. 1. Тбилиси, 1991. С. 139–193.

³⁷⁵ Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. М.: Наука, 1991. С. 365.

моралиста»³⁷⁶, то приходящие на смену его эпохе представители неклассической парадигмы (постмодернисты, постструктуралисты) осуществляют примечательную интерпретацию его идей. Рассматривая влечение к смерти как «деконструктивную гипотезу» Ж. Бодрийяр отметил, что она «начисто порывает с традицией западноевропейской мысли»³⁷⁷. Такие значимые фигуры этого периода, как Ж. Лакан, Ж. Батай, Ж. Делез, Ж. Бодрийяр и др. вкладывают в тему человеческой деструктивности особое символическое содержание, трактуя ее как антропологическую, а не биологическую истину.

В связи с этим уместно выявить несколько стратегий рассмотрения темы. Во-первых, линия, напрямую продолжающая идеи Фрейда, – трактовка влечения к смерти (Танатоса) как диалектической пары влечения к жизни (Эроса) при невозможности отказаться от первого, так как с утратой одного из членов единство распадется и трансформируется в тотальность смерти³⁷⁸. С другой стороны, происходит абсолютизация этого влечения, при которой ему отводится новая, позитивная роль.

Стоявший у истоков постмодернизма Ж. Батай различал модусы продолжительности (телесной фактичности) и интенсивности (остроты эмоциональных состояний) жизни, исходя из чего рассматривал в качестве основы разрушительных действий стремление к интенсификации переживаний. Обращаясь к вопросу об истоках последних, Батай выявляет противоречие между дионисийской частью человеческой души и насилием разума, подчиняющего ее требованиям утилитарной рациональности. Таким образом, можно заключить, что порождающее деструктивность беспокойство трактуется Батаем как следствие наличия самосознания³⁷⁹. В практиках символической смерти, освобождающих человека из-под рассудочного гнета (игре, эротике, смехе, жертвоприношении), индивид утрачивает связь с

---

³⁷⁶ Там же.

³⁷⁷ Бодрийяр Ж. Указ. соч.

³⁷⁸ Бодрийяр Ж. Там же.

³⁷⁹ Алтафова А.Р. Влечение к смерти как антропологический миф // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке, № 4, 2019. С. 198.

наличной действительностью и темпоральные представления, происходит усиление связи человека с миром вплоть до их слияния. Именно в этот момент символической смерти и растворения индивидуального Я человек преодолевает внутреннюю разорванность и обретает полноту существования³⁸⁰, включаясь в «настоящую» жизнь – избавленную от тревог, страха реальной гибели, отчужденности желаний как следствий работы разума³⁸¹. Продолжая эту тему, Ж. Делез говорит о смерти как интенсификации и выходе за собственные границы³⁸². Способ такого выхода может быть различным – через трагедию (Ф. Ницше), катастрофу (Ж. Делез), преступление (Ж. Батай, Э. Фромм).

Выделяя злокачественную агрессию как распространенную форму человеческого поведения, другой известный философ второй половины XX века – Э. Фромм (1900–1980) – также подчеркивает специфическую страсть человека к господству над живым и желание разрушать³⁸³. Трагичность человеческого существования он связывает с утратой природной гармонии: недостатком инстинктов и избытком самосознания, ощущением себя и отдельным индивидом, и частью рода, отчего человек одновременно тянется к свободе и страшится ее³⁸⁴. Способом снятия данного противоречия в трактовке Фромма также может выступить деструктивность. Однако последнюю Фромм, в отличие от Батая, понимает традиционно негативно, как желание уничтожить других людей во избежание собственного уничтожения, проявляющееся в форме нарциссизма, жадности, зависти, тщеславия, а также садизма³⁸⁵. В контексте настоящего изложения важно, что у Фромма деструктивное начало человека также оказывается прямым следствием наличия разума.

---

³⁸⁰ Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006.

³⁸¹ Там же

³⁸² Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. М.: Астрель, 2010.

³⁸³ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994.

³⁸⁴ Фромм Э. Там же.

³⁸⁵ Фромм Э. Там же. С. 252.

3.1.2. Садизм и трансгрессия: переосмысление феномена

В связи с обозначенной ролью разума как проводника разрушительных действий, показательно вспомнить, как уже прежде в истории он являл себя в аналогичной роли. Периодом примечательной обращенности европейской культуры к разуму является эпоха Просвещения, которая попыталась обосновать человека, пользующего своим умом и вынужденного действовать самостоятельно и ответственно³⁸⁶. Это время породило весьма любопытного глашатая «разумности» – знаменитого маркиза де Сада (1740–1814). Как было показано выше, Сад довел идею рациональности до ее полной трансформации в деструктивном ключе, приведя в литературу героя психопатического типа, полагающего тотальное разрушение в качестве способа личностного утверждения.

Логика садизма, не принятая традиционной нравственностью, оказалась востребована несколько столетий спустя, когда идеалы разума и морали, как и другие метанарративы (Ж.-Ф. Лиотар), подверглись пересмотру. Наряду с линией неприятия садизма в научной области (Р. Крафт-Эбинг, З. Фрейд), сформировался альтернативный взгляд на Сада как борца за свободу, клеймящего диктат ханжеской морали и подавление чувственности (напр., среди французский сюрреалистов). В трактовке постмодерна, в частности, Ж. Батая, садизм оказался лишен подобной оценочной нагруженности и выступил как важное амбивалентное явление: садистская деструктивность стала символическим прорывом к подлинно человеческой сути.

В теории Батая истина о человеке находится за границами его разумности. Люди не осознают свою настоящую природу, основанную на противоположных началах – на стремлении к жизни и страхе смерти, накоплении и трате, животности и «культурности». Упраздняя страшущую его, несущую смерть природную данность, человек отрицает собственное

---

³⁸⁶ Пахсарьян Н.Т. Ирония судьбы века Просвещения: обновленная литература или литература, демонстрирующая исчерпанность старого // Зарубежная литература второго тысячелетия. М. Издательство «Высшая школа», 2001. С. 82.

животное начало, налагая на него запрет и создавая искусственный человеческий мир. Однако со временем он начинает тосковать по природе и рассматривать как данность уже запрет, которому подчинился в ее отрицании. Чтобы избавиться от него и вырваться из-под гнета разума, сковывающего человека, индивиду нужно сбросить сдерживающие его оковы, пойти навстречу внутренним запретам и страхам. В актах преодоления табу, в эротике, жертвоприношении, смехе человек пытается вернуться к природной действительности (которая уже перестает быть таковой в силу наложенного на нее запретом «проклятия»). Диалектической парой тривиального существования в рамках нормы выступает акт трансгрессии – выхода к пределам бытия, слияния противоположных начал, чистого существования³⁸⁷. Через трансгрессию достигается полнота бытия, возникает область сакрального – опосредованное запретом и страхом возвращение к первоосновам³⁸⁸. В обозначенном контексте садизм выступает как форма трансгрессивного опыта. Сам садизм Батай сравнивает с солнцем³⁸⁹: его ценность заключена не в патологическом удовольствии от чужих страданий, но в преступлении – перешагивании, преодолении своего внутреннего, навязанного культурой запрета на убийство и истязание, освобождение от давления социальности³⁹⁰. Именно в социальности Сад видит извращение первоначальной человеческой природы, и главной задачей либертена становится утверждение разрушительной силы природы истинной: «она живет, она существует, она продолжается лишь благодаря уничтожению. Тот будет ей полезнее всего, кто совершит больше злодеяний»³⁹¹. Через трансгрессию садовый человек пытается установить новую реальность: «непристойность возводилась в принцип, жестокость – в добродетель, аморальность – в максимум, безбожие – в единственный образ

---

³⁸⁷ Фуко М. О трансгрессии // Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб.: Мифрил, 1994. С. 111–133

³⁸⁸ Батай Ж. История эротизма. М.: Логос, 2007.

³⁸⁹ Алтафова А. Р. Герменевтика садизма в философии Жоржа Батая // Вестник ЧелГУ, №11, 2018. С. 84.

³⁹⁰ Алтафова А. Р. Там же. С. 86.

³⁹¹ Сад маркиз де. Жюстина. СПб.: Азбука классика, 2003. С. 110.

мыслей, ведущий людей к счастью, все преступления – в систему»³⁹². Сама агрессивность, посредством которой либертен конструирует свою власть, оказывается связана с почти звериным жестоким началом как действующей «природной» основой человека, что получает поддержку в натуралистическом векторе рассмотрения, психопатия же выступает как социальное явление, аналогичное хищничеству.

Апелляция к садизму как к подобного рода трансгрессивному опыту встречается в работах и других мыслителей эпохи. Например, Ж. Делез рассматривает его как практику (наряду с мазохизмом, алкоголизмом и наркоманией) символического умирания³⁹³. Садист, отдавшийся тьме и переживающий аффективную, хаотичную сторону мира, ставший «чистой точкой проходимости, чистым центром сообщения всех вещей со всеми вещами»³⁹⁴, открывается для полноты настоящей жизни³⁹⁵.

Так психопатический садизм обретает символическую значимость: он не просто транслирует разрушительные импульсы, но они оказываются инструментом самостановления личности, выводят человека на новый уровень. Философская мысль преуспела в демонстрации глубинного смысла указанных процессов, литература же доводит их до логического максимума, не в абстракции, а в пространстве жизни показывая специфику функционирования подобных идей и их возможное практическое развитие, тем самым вскрывая внутреннюю противоречивость теоретических построений.

3.1.3. Садовый человек в «Американском психопате» Б.И. Эллиса

Литература постмодернизма с ее интересом к человеческой разрушительности создала, как было указано, множество деструктивных психопатических образов. Так, в романе Б.И. Эллиса (род. 1964)

---

³⁹² *Сад маркиз де*. Там же, С. 504

³⁹³ Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.

³⁹⁴ Мейясу К. Вычитание и сокращение: Делез, Имманенция, Материя и Память., 2012. URL: https://vk.com/doc124029244_215596882?hash=7ECIy2hEKVZG8J9CcF5vE2M9bWBCjKBhCDuW5oUSIFT&dl=SUnLfngI6GZMPZgIM69LIONH0sizewR12Iumpcc230g (дата обращения: 28.07.2022).

³⁹⁵ Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011.

«Американский психопат» (1991) главный герой – Патрик Бейтмен – является собой личность психопатического склада, действующую в русле садовской традиции.

Патрик Бейтмен – преуспевающий яппи с Уолл-стрит, в котором сосредоточен идеальный набор психопатических черт: склонность к крайним степеням агрессии, доходящим до очевидного садизма – импульсивного и неподготовленного, в ходе которого он упивается страданиями своих жертв. Патрик обладает необходимыми для успеха качествами: он умен, работоспособен, привлекателен внешне и обаятелен, при этом внутри него – эмоциональная пустота, прерываемая внезапными вспышками гнева, холодная бесчувственность ко всему окружающему. В общем, Патрик – типичный психопат. В контексте романа его психопатия выступает не как стиль поведения сам по себе, но как внутренний ответ личности на стимулы окружающего мира – следствие бесцельности и потерянности героя, заключенного в искусственный мир навязанных социумом шаблонов. Курсируя от работы до ночных клубов и обратно, перенасыщенный атрибутами богатой и праздной нью-йоркской жизни – яркой, но однообразной, герой не чувствует себя живым, отличным от других, значимым: «существует представление о Патрике Бейтмене, некая абстракция, но нет меня настоящего, только какая-то иллюзорная сущность, и хотя я могу скрыть мой холодный взор, и мою руку можно пожать и даже ощутить хватку моей плоти, можно даже почувствовать, что ваш образ жизни, возможно, сопоставим с моим, – меня просто нет. Я – фальшивка, абберрация. Я – невозможный человек»³⁹⁶. Почувствовать жизнь, заявить о себе он пытается, используя садистско-психопатическую модель поведения.

Роман наполнен сценами жесточайшего насилия (нередко эротического) Патрика над живыми существами. Для философа Ф. Джеймисона это пример того, что общество второй половины века не только не может дистанцироваться от подобных явлений, но, напротив, обращает на

---

³⁹⁶ Эллис Б.И. Американский психопат. М.: Иностранка, 2016. С. 441.

них особое внимание: «конец «приватности» во всех смыслах, связывающих воедино секс и насилие, удивительное расширение того, что мы все еще называем публичной сферой <...> приводит также и к огромному расширению идеи самой рациональности, к тому, что мы желаем «понимать» (но не одобрять) то, что более не можем изъять из имеющихся записей, посчитав «иррациональным» или непонятным, немотивированным, безумным или больным»³⁹⁷.

Обращаясь к садизму, Э. Фромм так же рассматривает его как один «из возможных ответов на вопрос, как стать человеком»³⁹⁸. При этом он отмечает, что садизм не имеет практической цели, «ощущение абсолютной власти над другим существом <...> создает иллюзию преодоления любых экзистенциальных преград (пограничных ситуаций), особенно если в реальной жизни у человека нет радости и творчества»³⁹⁹. Подчеркивая, что в современном технотронном обществе человек утрачивает способность продуктивно реагировать на «активизирующие стимулы» (результатом чего становятся развитие хронической депрессии и скуки), Фромм выделяет и особое состояние, отличающееся крайней формой деструктивности. Называя его «замаскированной депрессией», «депрессией с улыбкой», Фромм отмечает значительные проблемы в его диагностике и возводит его возникновение к «некомпенсированной скуке», реакцией на которую становится криминальное, антисоциальное поведение⁴⁰⁰. В многочисленных примерах, раскрывающих данную форму деструктивности, Фромм описывает типичных психопатов (с выделением данного типа личности немецкий философ, видимо, не был достаточно знаком).

Несмотря на признание личности «высшей ценностью», общество XX века в трактовке постмодерна придает человеку статус вещи, состоящей из набора брендов и полностью фрагментированной, он уже не имеет

---

³⁹⁷ Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. С. 682.

³⁹⁸ Фромм Э. Указ. соч. С. 252.

³⁹⁹ Там же.

⁴⁰⁰ Там же. С. 160

цельности, становится незаметным и взаимозаменяемым (приятели постоянно путают Патрика с кем-то другим, и он, в свою очередь, для идентификации окружающих прибегает к оценке по внешним атрибутам – одежде, предпочтениям и др.). «Все формы равны в глазах природы» – писал де Сад⁴⁰¹. Собственная беспредметность и бессмысленность порождает у героя Эллиса потребность качественно отделить себя от явлений окружающего мира и бросить ему вызов, для чего и необходимы в корне отличный от привычных практик способ самостановления. Вводя мотив двух смертей, Делез различает смерть-замыкание и смерть-размыкание⁴⁰². Первая из них наследует фрейдовской идее о смерти как возвращении в состояние покоя, когда внешние раздражители минимизируются, и исчезают травмирующие личность события. В связи с этим Делез характеризует названный вид смерти как «доведенный до абсолюта механизм фильтрации мира, позволяющий не переживать его как катастрофу постоянно»⁴⁰³. По сути, эта латентная смерть – характеристика самого описанного Эллисом общества, выстроившего защитный барьер от аффективности, интенсивности жизни, к чему критически относились постмодернисты: несмотря на то, что подобное окостенение служит поддержанию социального порядка и личной безопасности, оно лишено творческих, креативных интенций. В связи с этим появляется концепт «смерти-размыкания» как способа открыться миру и превратиться в «тело без органов» – децентрированное и пластичное. Уже упоминалось, что деструктивное поведение в трактовке Делеза в своих максимизированных, бросающих вызов нормальному формам, может помочь человеку «разомкнуться», к чему и прибегает Патрик Бейтмен, стремясь ускользнуть от predeterminedности и навязчивости окружающего пространства. Психопатия становится формой адаптации человека к действительности, утратившей смысл и не удовлетворяющей индивида:

---

⁴⁰¹ *Сад маркиз де.*, Указ. соч. С. 7.

⁴⁰² *Алтафова А.Р.* Влечение к смерти как антропологический миф // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке, №4, 2019. С. 198.

⁴⁰³ Там же.

«плачу, оплакиваю себя, не в состоянии найти утешение ни в чем <...> проклиная мир и все, что мне втолковывали: принципы, различия, выбор, мораль, компромиссы, знание, сообщество, молитвы, – все это было неправильно, не имело никакой цели»⁴⁰⁴. Батай, вслед за Ницше обесценивая требования уважения, сострадания, помощи ближнему как апеллирующие к слабости и страху перед другими людьми концепты, указывает на важность отвержения этих понятий ради постижения смысла всеобъемлющей траты⁴⁰⁵, открывающей путь к сакральному и полноте существования. Патрик прибегает к форме радикального бунта, пытается утвердить себя и в акте трансгрессии достигнуть «тотальной целостности» и суверенности, освободившись от подавляющего влияния окружающего. «Садовский человек извлекает свое существование из причиняемой им смерти, и иногда, желая вечной жизни, он грезит о смерти, которую мог бы причинять вечно»⁴⁰⁶. С развитием действия преступления Патрика все множатся, достигая невероятных масштабов – в отдельных главах он убивает всех людей, которым случилось с ним повстречаться: он становится «перевернутым» Богом, присвоившим власть над жизнью и смертью.

Известно, что важный аспект творчества Сада – его фантазийность и утвержденность в языковой практике. В символическом анализе садизма важна не возможность реального осуществления описываемых действий, но их присутствие лишь в слове, в тексте, в фантазии. Непроизводительная трата, о которой писал Батай, достигается благодаря невозможно длинным, тавтологичным монологам садовских героев, утрачивающим смысл в многообразии непристойности. Аналогично преступления Бейтмена со временем становятся хаотичными, повсеместными и неконтролируемыми, что наводит на мысль о потере героем связи с реальностью. Таким образом, полнота суверенности реализуется лишь текстуально, в жизни же для

---

⁴⁰⁴ Эллис Б. И. Указ. соч. С. 407.

⁴⁰⁵ Батай Ж. Суверенный человек Сада / Батай Ж. «Проклятая часть»: сакральная социология. М. : Ладомир, 2006. С. 619.

⁴⁰⁶ Бланишо М. Сад // Маркиз де Сад и XX век. М: РИК «Культура»., 1992. С. 67.

указанных персонажей она оказывается невозможной, и в качестве единственно реального утверждается фантазм.

Обращение к фантазму как к точке воплощения деструктивности, куда стягиваются ее желанные, но нереализуемые импульсы, оказывается показательным. Если еще во время Сада индивидуальная фантазия противостояла реальности, и была для нее своего рода параллельной вселенной, то для мысли XX века это отнюдь не область «бегства от мира». Грань реального и ирреального начинает стираться: в теориях сознания XX века постулат о доступности индивиду непосредственного содержания мира сменяется установкой рассматривать психику через само же психическое – образы того, что нас окружает, создают символический мир⁴⁰⁷, пространство фантазмов, пронизывающих жизнь человека и единственно ему доступных. Так, психоанализ и последующая мысль постмодернизма выделяет совокупность объектов бессознательного как реальность подлинную, доступ в которую для субъекта затруднен, если не невозможен⁴⁰⁸, при этом уже у Фрейда «человеческий опыт, долгое время свойством сознания зачарованный, <...> наконец, пробудился и рассматривает человеческое существование в соответствии с именно ему свойственной структурой – структурой желания»⁴⁰⁹. Человек вечно стремится к невозможному как к точке концентрации его желания («Вещь» Фрейда и Лакана), при этом выходом за установленные пределы может стать наслаждение, которое в результате трансгрессии, как бы касаясь реального, уже не является чистым собой, оказавшись сопричастным страданию и боли⁴¹⁰. В этой связи акцентируется субъективное восприятие наслаждения как абсолюта, на который человек реагирует формой неудовлетворенного желания и лишь в стремлении к этой точке «вне досягаемости» и может существовать⁴¹¹. Однако очевидно, что подобное акцентирование принципа удовольствия в

---

⁴⁰⁷ Кассирер Э. *Философия символических форм*. М., СПб.: Университетская книга, 2001.

⁴⁰⁸ Лакан Ж. *Работы Фрейда по технике психоанализа (Семинары, Книга 1)*. М.: Логос, 1998.

⁴⁰⁹ Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и технике психоанализа (Семинары, Книга 2). М.: Логос, 2009. С. 317.

⁴¹⁰ Жижек С. *Возвышенный объект идеологии*. М.: Художественный журнал, 1999.

⁴¹¹ Жижек С. *Чума фантазий*. Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2012. С. 23.

перспективе ведет к скуке, возникающей при постоянном повторении одних и тех же действий, даже наиболее захватывающих и возбуждающих. Возможный выход – пытаться «оживить» удовольствие с помощью каких-либо извращений, что провоцирует нарастание садомазохистских импульсов в наиболее затронутых влиянием постмодернизма областях культуры, другой вариант – вписание их в четко продуманную мировоззренческую систему.

Цель садовского человека – наполнить свою жизнь бесчисленным количеством удовольствий, которые уже приносят не наслаждение, но подчинены холодной причинности преодоления всех рубежей, что толкает его героев, как и персонажа Эллиса, все дальше за пределы допустимого: туда, где нивелируются чувства и законы, и где человек надеется найти выход для неудовлетворенного себя и путь к себе: «Границы переходить больше не надо. Я превзошел все неконтролируемое и безумное, порочное и злое, все увечья, которые я нанес, и собственное полное безразличие»⁴¹². Устремленность желания в предельную, пустую, невозможную точку делает структурирование ее достижения самой сложной задачей личности, порождает невротическую неудовлетворенность, но все же находит единственный путь – фантазию: «Фантазия <...> выступает “промежуточным звеном” между формальной символической структурой и реально существующими объектами, которые мы встречаем в жизни. Она словно бы предоставляет “схему”, по которой определенные реальные объекты могут становиться объектами желания»⁴¹³. О Саде Симона де Бовуар пишет: «Его не интересовал этот скучный и одновременно угрожающий мир, который не мог предложить ему ничего ценного. Он подчиняет все свое существование эротике <...> посвящает себя ей с такой энергией, настойчивостью, с таким бесстыдством, то потому только, что это дает ему возможность сплести вокруг акта удовольствия сеть бесконечных фантазий, которые на самом деле имеют для него большую ценность, чем этот акт как таковой. Сад предпочел

---

⁴¹² Эллис Б.И. Указ. соч. С. 441

⁴¹³ Жижек С. Чума фантазий. Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2012. С. 40.

реальному миру мир воображаемый»⁴¹⁴. Этому вторит Патрик Бейтмен, иллюзорную сущность преступлений которого Эллис раскрывает по мере движения к финалу романа: «Я дошел до того, что стал спрашивать людей, <...> не слышал ли кто-нибудь о двух изуродованных проститутках, найденных в квартире Пола Оуэна»⁴¹⁵.

Возвращаясь к феномену психопатии как проводнику деструктивных импульсов, уместно вспомнить, что сам психопат вообще имеет дело лишь со своим внутренним миром, полагая его в качестве единственно ценного. Так, в контексте психоаналитической теории свойства людей психопатического склада, в частности, отсутствие у них чувственных состояний, требующих представления целого объекта, рассматриваются как отражение характерного для психопатов существования в пресоциализированном эмоциональном мире, где другие мысленно представлены лишь как части объектов и не оцениваются как целые, реальные и самостоятельные человеческие существа⁴¹⁶. При том, что фантазирование как особая деятельность не принадлежит исключительно философскому рассмотрению, и ученые указывают на роль фантазии как «ритуальной» практики приготовления к различным действиям, требующим собранности и стимуляции агрессивности (от совершения убийств до спортивных состязаний), что уже само по себе – психопатические черты, исследования выявили большую склонность людей, демонстрирующих высокие психопатические показатели, к сексуальным фантазиям в аспекте доминирования, агрессивности и отклоняющихся действий⁴¹⁷. В связи с этим небесполезно обозначить вопрос о связи таких фантазий с реализацией конкретного общественно опасного поведения. Если расположенные к антисоциальным действиям психопаты склонны к соответствующим ярким разрушительным фантазиям, то и сама по себе роль

---

⁴¹⁴ Бовуар, С. де. Нужно ли аутодафе? // Маркиз де Сад и XX век. М., 1992. С. 138.

⁴¹⁵ Эллис Б.И. Указ. соч. С. 430.

⁴¹⁶ Meloy J.R. The Mark of Cain. Hillsdale, NJ: The Analytic Press, 2001.

⁴¹⁷ Visser B.A., DeBow V., Pozzebon J.A., Bogaert A.F., Book A. Psychopathic sexuality: The thin line between fantasy and reality // Journal of Personality, 2014. Vol. 84. No. 4. P. 376–388.

подобных явлений в литературе и повседневной жизни оказывается примечательной.

В трактовке садизма постмодернистской философией отмечается, что не всякая разрушительность являет собой ценный и необходимый опыт трансгрессии. Ж. Батай, косвенно различия «сакральное» и «профанное»⁴¹⁸ насилие, постулировал необходимость исключительно первого (выявленного Садам символического выхода за пределы к реализации невозможного), для ограничения второго – немотивированного и разрушающего человеческие жизни на бытовом уровне⁴¹⁹. Сакральный садист, который интересен для постмодерна, не использует жертву, а сам становится ею, тем самым устраняя субъект-объектную оппозицию, отказывается от навязанной извне самости ради сверхличного начала, теряет и расточает себя в попытке вернуть утраченную целостность. Профанный же садист действует на обыденном уровне, наслаждается своей властью над другим существом, низводит его до предмета, восполняя через его мучения личную неуверенность и разнообразные страхи⁴²⁰. Упиваясь своим господством и ставя себя на место Бога, он пытается компенсировать лишь собственную неполноценность, что создает иллюзию выхода, преодоления «экзистенциальных преград», однако в своей сути это, в формулировке Фромма, «превращение немощи в иллюзию всемогущества»⁴²¹.

Примечательно, что избранный Патриком Бейтменом способ самополагания в садистском ключе литературными критиками зачастую оценивается как логичная, даже необходимая реакция на сложность его положения и узурпацию социумом личной свободы, в связи с чем данный персонаж выступает как герой, дерзнувший бросить вызов гнетущему его западному обществу⁴²². Однако очевидно, что, стремясь восполнить

---

⁴¹⁸ Алтафова А. Р. Герменевтика садизма в философии Жоржа Батая // Вестник ЧелГУ, №11, 2018.

⁴¹⁹ Батай Ж. Психологическая структура фашизма // Новое литературное обозрение. 1995. № 13. С. 80–102.

⁴²⁰ Фромм Э. Указ. соч. С. 251

⁴²¹ Там же. С. 252.

⁴²² Просандеева Е.С. «Садовый человек на рубеже XX–XXI вв. в романе Б.И. Элліса «Американский психопат» // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей по материалам III

неполноценность, ставя себя на место Бога и пытаясь посредством насилия сконструировать собственную независимость и значимость, Патрик являет себя как садист второго типа, не способный возвыситься до идеалистических смыслов садизма, вложенных в это явление философами постмодерна. Представляется возможным заключить, что таковым будет всякое поведение садистской направленности, воплощенное в наличной действительности, в которой литературно-философские построения лишаются сакрального смысла, трансформируясь в земной, а значит и профанный опыт.

Таким образом, развивая идею рациональности, Сад зафиксировал определенный образ мысли и заострил его до разрушительных следствий, что стало предметом особого внимания философов постмодерна. Сходным образом писатель Б.И. Эллис показал реальное функционирование садовского человека в современном мире, разрушив его привлекательный теоретический образ. Введение фантазии как способа реализации рассмотренного поведения не должно создать иллюзию безопасности, так как, во-первых, область воображаемого в современных реалиях все больше сближается с реальным. Впрочем, даже Сад указывал на потенциальную возможность подобной связи: «позволяя блуждать воображению, предоставляя ему свободу переступать последние границы, установленные религией, приличием, человечностью, добродетелью, одним словом, всеми лицемерными обязанностями – не окажется ли, что выверты воображения станут чудовищными? <...> безмерность этих причуд возбудит воображение ещё больше <...> мы должны довести его до невысказанных пределов и благодаря этому наше наслаждение усилится, расширяя путь, по которому движется разум, и <...> можно дойти <...> До преступления <...> до самых чёрных и ужасных преступлений <...> ведь так сладко исполнять свои фантазии»⁴²³. Во-вторых, уже сами рассмотренные авторы обнаружили возможный проводник фантазийной деструктивности, которым в обоих

Всероссийской научной конференции молодых ученых с международным участием (8 февраля 2013 г.). Ч. 2. Е., 2013. С. 207–213.

⁴²³ *Сад маркиз де*. Философия в будуаре или безнравственные наставники. М.: М.И.Р., 1992. С. 105.

случаях выступила психопатия. Помимо того, что психопаты — это реально действующие в социуме агенты, являющие сходный паттерн поведения, они, как было указано, в значительной степени не склонны отделять фантазии от действительности, что делает вопрос о психопатической деструктивности более острым при условии ее все большего принятия современным миром. При этом образ мысли садовских либертенов, полагающих себя главной ценностью, аргументированно проповедующих отказ от традиционных правил, их стремление удовлетворять лишь собственные желания — оказывается удивительно созвучен современному индивидуализму.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить следующее. Мыслители XX века в попытке обосновать «объективный» и всесторонний взгляд на человека, обнаружить истоки присущей людям склонности к разрушению, выявили деструктивные влечения как «новую истину», соответствующую природе человека. Становится фактом, что иррациональные, темные, аффективные стороны людей отныне необходимо учитывать в различных формах философского, научного и литературного анализа. Несмотря на разную оценку этого открытия — как печальной и фрустрирующей правды, или же как обретение истинного знания, способствующего самопознанию и развитию, деструктивность признается необходимой составляющей личности и входит в дискурс европейской культуры. В качестве возможного способа реализации деструктивности вводится психопатия, выступающая, в наиболее остром виде в форме садизма. Несмотря на то, что садист — психопат в рамках философии постмодерна воспринимается в особом символическом ключе, литературная интуиция предложила свой вариант развития зафиксированных импульсов, введя деструктивность в пространство художественного осмысления и показав другой лик психопатического садизма. При этом рационализм, связанный с оправданием садистского насилия, не только не стал защитой от стратегий такого рода, но оказался дискредитированным сопричастностью к их обоснованию. Признание темной стороны нашего естества, таким

образом, не могло не повлиять на осмысление социального зла, источник которого расположился внутри самого человека.

3.2. Психопатия и давление на личность извне

3.2.1. Политическая власть как детерминанта субъективного насилия

Обозначив вопрос о том, что тяга к деструктивности рассматривается философами как естественно присущая человеческим существам, имеет смысл более подробно рассмотреть и внешние причины, способные обусловить психопатическое поведение.

«Рассказ о начале – это всегда рассказ о начале политического порядка. Тесную взаимосвязь между началом такого рода и насилием вскрывают, как кажется, уже легенды об основании в библейской и классической традициях: Каин убил Авеля, Ромул убил Рема. В начале было насилие, из чего должно следовать, что без насильственных действий невозможно ни одно начало. Этим перводеяниям нашей истории, начинавшейся с легенд, суждена была долгая, измеряющаяся многими столетиями жизнь в памяти людей — и выживают они благодаря той силе, которую человеческая мысль демонстрирует лишь в те редкие мгновения, когда ей удастся высказать непреложно убедительные метафоры либо создать универсально применимые истории. Язык легенды предельно ясен: в начале любого братства лежит братоубийство, в начале всякого политического порядка лежит преступление»⁴²⁴.

Многочисленные идеи о возникновении государства в результате завоевания постулировали в качестве следствия его репрессивную природу (Е. Дюринг, Л. Гумплович, К. Каутский, К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин, Ж. Сорели и др.), что стало объектом внимания философской мысли и второй

---

⁴²⁴ Быстров В.Ю., Марков Б.В., Кузнецов Н.В. Власть и насилие как проблема философской антропологии // Вопросы философии. № 10, 2015. С. 30–40.

половины XX века, которая вообще тяготеет к анализу общежизненных и политических реалий, рассматривая последние в «левом» ключе. Продолжая традицию марксизма (но отказавшись от редукции всех социальных отношений лишь к экономике), исследователи данного периода (Франкфуртская школа, «Новые левые», функционалистская социальная наука, критически-рефлексивная социология, и т.д.) развивали мысль о насильственной, подавляющей человеческую личность и всепроникающей природе государства. Английский социолог Э. Гидденс обращал внимание на ускользнувшие, по его мнению, от марксистов надзор и насилие как важные государственные характеристики⁴²⁵; значимы в этой связи идеи М. Фуко, для которого власть не сосредоточена в каком-то конкретном политическом институте: властные практики проникли во все сферы повседневной жизни и общественных отношений⁴²⁶. В связи с этим возникает идея, что подавляющие проявления государства воплощены не только в физической репрессивности аппарата принуждения, но в навязывании властью гражданам своих истин, ценностей, которые ими интериоризируются, и люди начинают «добровольно» участвовать в действиях, вытекающих из государственного принуждения («символическое насилие» П. Бурдьё)⁴²⁷. Рассуждая о насилии, С. Жижек, также уделявший этой теме особое внимание, выделяет несколько его видов: символическое, системное и субъективное⁴²⁸. Системное насилие проявляется во внешних формах принуждения и связано с задачей поддержания порядка в функционировании общественных институтов. Все внешнее благополучие мира, его законность и стабильность, основано на обеспечивающем его изнутри насильственном аппарате. Субъективное насилие раскрывается в индивидуальных действиях граждан, являясь в некотором роде дополнением, одной из составляющих

---

⁴²⁵ Giddens A. Nation-state and violence. Cambridge: Polity Press, 1985.

⁴²⁶ Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / Пер. с франц. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.

⁴²⁷ Бурдьё П., Пассрон, Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования. М.: Просвещение, 2007.

⁴²⁸ Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010.

системного насилия как регулятора социальной жизни и проявляется на создаваемом им фоне. Последний вид насилия в интерпретации Жижека – символическое. Оно закрепляет насилие, производимое системой и отдельными индивидами, помещая его в легитимизирующий дискурс. Указанные виды насилия совместно образуют единое поле, а язык, идеология и прочие смыслообразующие инстанции навязывают обществу связанный с насилием идеологический универсум. В этом контексте ценности и поступки людей могут трактоваться как порождение общественного устройства, сформированного политическими институтами.

3.2.2. «Заводной апельсин» Э. Берджесса: психопатия и интериоризация внешнего насилия

Указанная идея четко прослеживается в романе Э. Берджесса (1917–1993) «Заводной апельсин» (1962), главный герой которого – подросток Алекс – с ранних лет демонстрирует тот вид насилия, который Жижек определил как субъективное: оно разворачивается на фоне системного насилия и конгруэнтно обществу, в котором рос и воспитывался персонаж.

Алекс – глава уличной банды – предстает как всецело психопатическая личность. Он зверски избивает беззащитных прохожих, насилует женщин, запугивает и манипулирует людьми, грабит, подкупает, лжет, для него характерны вспышки агрессии и безразличное отношение к ее последствиям, при этом он проявляет себя как сильный лидер: видит «линию развития» своей банды, подавляет волю ее членов, проявляет хитрость и, таким образом, поддерживают свой авторитет. «В подчинении» у Алекса находятся и очарованные, обманываемые им родители. Его немотивированное, нелепое в силу своей жестокости поведение не может не вызвать у читателя вопрос – что могло заставить его действовать таким образом? Почему город Берджесса заполнен подростковыми бандами, безнаказанно орудующими каждый вечер? Пытаясь отыскать ответ, недоумевают и взрослые персонажи романа, в обращении к Алексу выражая общий вопрос столетия: «И что на

вас на всех нашло? Мы эту проблему изучаем, изучаем, уже чуть ли не целый век изучаем, н-да, но ни к чему это изучение не приводит. У тебя здоровая обстановка в семье, хорошие, любящие родители, да и с мозгами вроде бы все в порядке. В тебя что, бес вселился?»⁴²⁹.

Философская мысль устанавливает связь между деструктивным состоянием индивидуального сознания и репрессивным воздействием внешних условий. В марксизме именно деструктивность пространства порождает социальное насилие: все сферы общества оказываются подавлены политикой, которая стремится уничтожить инакомыслие как угрозу стабильности⁴³⁰. Поэтому у Берджесса утрированная агрессивность молодежи является отражением подавляющей личностью насильственной системы, в которой государство – проводник разрушительности, облаченной в форму законности, что писатель прямо заявляет на страницах романа: «<...> правительство теперь будет решать, что есть преступление, а что нет, выкачивая жизнь, силу и волю из каждого, кого оно сочтет потенциальным нарушителем своего спокойствия»⁴³¹. Насильственность власти по отношению к личности являет себя в методах государственного управления, политической борьбе, конструировании идеологии и даже в поведении служащих правопорядка – бывших членов самих уличных банд, которые меняют лишь место применения насилия, но не сам образ действий.

В философии Ж. Бодрийера государство также предстает носителем первичной формы насилия, связанной с произволом и демонстрацией силы, подавлением и унижением граждан, которым отказано даже в проявлениях «негативности, в конфликтности, в смерти»⁴³². Идеалистическая картина, создаваемая СМИ, разговоры о совершенном государственном устройстве и благоприятных реформах – лишь попытка скрыть внешнюю видимость

---

⁴²⁹ Берджесс Э. Заводной апельсин. М.: АСТ, 2019. С. 48.

⁴³⁰ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М: АСТ, 2002.

⁴³¹ Берджесс Э. Указ. соч. С. 188.

⁴³² Бодрийер Ж. Лекция «Город и ненависть» // Экспертно-аналитический портал «Новости Гуманитарных технологий». – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2006/656> (дата обращения: 11.05.2021).

данного уровня насилия, оставив целым его внутреннее функционирование. Постоянное поглощение массами искусственной информации и содержащихся в ней сигналов приводит к тому, что под воздействием ее многократного повторения для «молчаливого большинства» формируется поле поведения, вне которого оно оказывается просто неспособно действовать. Это побуждает философов обратить особое внимание на явление идеологии. Насилие не только пропитывает всю жизнь, но становится своеобразной идеологической основой западного общества. Говоря об идеологии, С. Жижек видит в ней то, что не просто навязывается нам, но становится нашим собственным восприятием социального мира, смыслом, который мы придаем явлениям, и «наше эго, наша психика – это чужая сила, искажающая, контролирующая наше тело»⁴³³. Эту двойственность идеологии Жижек подмечает, анализируя увлеченность Алекса Бетховеном: персонажа интересует не официальный «гимн» времени – знаменитая жизнерадостная «Ода» композитора, но другое произведение – более мрачная «Девятая симфония», что иллюстрирует тезис о том, что «в любом политическом режиме за ширмой улыбок и добрых отношений скрывается агрессивная, демоническая составляющая, способная раскрыть сущность власти и ее намерений»⁴³⁴. Об идеологии как о практике, позволяющей контролировать все другие практики, писал и Л. Альтюссер, отмечавший тотальное искажение идеологией реальности, что делает невозможным любое сопротивление ей. Все вышеуказанное отсылает к традиционному для неклассической философии вопросу о возможности оппозиции в данную эпоху, общий вывод в решении которого – пространство активной борьбы против системы «стало территорией официальной идеологии»⁴³⁵ (например, по немецкому философу П. Слотердайку, критика

---

⁴³³ Жижек С. Киногид извращенца: Идеология. Документальный фильм / реж. С. Файнс, сценарий С. Жижек. Великобритания, Ирландия, Студия «Organic Films», 2012.

⁴³⁴ Павлов А.В. Постыдное удовольствие. Философские и социально-политические интерпретации массового кинематографа. 2-е изд. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. URL: https://vk.com/doc85333422_595064056 (дата обращения 12.05.2021)

⁴³⁵ Гаспарян Д. Э. Указ. соч. С. 176

власти затруднена в связи с отсутствием у субъекта автономной системы ценностей).

При этом Алекс не ограничивается соответствующими идеологии действиями, он также активно фантазирует. Но фантазии – не личное дело отдельного человека, а основная материя, из которой соткана идеология. В трактовке психоанализа фантазии устраняют «разрыв первичного» конструируя сцены, способствующие пониманию реальности, таким образом, мечты отражают наши желания, которые мы создаём и поддерживаем, мечты же Алекса как раз наполнены жестокими и насильственными эпизодами: «Слушая, я держал glazzja плотно закрытыми, чтобы не spugnutt наслаждение, которое было куда слаще всякого там Бога, рая, синтесеска и всего прочего, – такие меня при этом посещали видения. Я видел, как vekі и kisy, молодые и старые, валяются на земле, моля о пощаде, а я в ответ лишь смеюсь всем rotom и kurotshu сапогом их litsa. Вдоль стен – devotshki, растерзанные и плачущие»⁴³⁶. В предыдущей главе уже упоминалась связь фантазирования и антисоциальных действий. Исследователями отмечается, что к фантазиям о насилии как желанном способе решения проблем склонно подавляющее большинство людей, «убийства, совершаемые в действительности, скорее всего, лишь верхушка колоссального айсберга воображаемых убийств, погруженного в пучину процессов торможения»⁴³⁷. Однако отличительная черта психопатического фантазирования состоит в большем слиянии области фантазий и реальности: разрушительные мечты психопата в силу его импульсивности и ряда особенностей в ключевых звеньях процессов высшей нервной деятельности зачастую реализуются, не задерживаясь на промежуточном этапе умственной оценки и прогнозирования последствий. Поэтому вектор фантазирования о насилии, который задает идеология в трактовке постмодерна, оказывается особо значимым именно в связи со спецификой психопатического устройства.

---

⁴³⁶ Берджесс Э. Указ. соч. С. 43.

⁴³⁷ Пинкер С. Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.

В трактовке марксизма жестокий конфликт классов стал способом прогрессивного изменения мира, объединяя анархизм с фрейдизмом и рассматривая сексуальные, эмоциональные и особенно политические механизмы подавления личности, интеллектуалы постулировали необходимость освобождения индивида от разных ограничений (Г. Маркузе, П. Гудман). Из-за повсеместности сходных идеологических установок протест против несовершенного государственного устройства имеет аналогичную форму, неоправданные действия властей рождают бунт: люди отвечают субъективным насилием, через которое пытаются разорвать связь с системой, постулируя собственную значимость за полагаемыми государством пределами. Проявляя жестокость, герой хочет заявить о себе, психопатическая стратегия крайне жестокого, вызывающего поведения становится логичной и единственно возможной в заданных условиях⁴³⁸. Перед нами, по сути, типичный подростковый бунт, приобретающий особую значимость в контексте повествования. С одной стороны, он является отражением наличной действительности, с другой – это противостояние влиянию старших, для которых вызывающее поведение Алекса невыносимо: они привыкли к другим, более скрытым, формам насилия. Проповедуемые взрослым миром ценности эпохи модерна рушатся представителем нового, более смелого поколения. Примечательно, что после всех заключений Алекс, кажется, начинает разделять традиционные постулаты – задумывается о важности семьи, чувствует в себе склонность стать мужем и отцом. Этот конец выглядит не счастливым завершением истории, но, скорее, указанием на цикличность времени: и дело не только в том, что на сцену выйдут новые Алексы. Обращение героя к радостям обыденной жизни после описания тотальной деструктивности окружающего оставляет открытой проблему его

---

⁴³⁸ Примечательно, что для исключительно доброго героя (каковым Алекс стал после насильственного государственного эксперимента по его перевоспитанию) оказывается просто невозможным выжить в окружающем мире, руководствуясь только положительными инстинктами: вышедший из тюрьмы «перевоспитавшийся» Алекс, неспособный к жестокости, сразу становится жертвой различных социальных групп – собственной семьи, посетителей магазина, пенсионеров в библиотеке, политиков и, в конце концов, полиции.

насильственного устройства, которое никуда не исчезло, а, напротив, одержало победу над бунтарем. В этой связи счастливый финал Берджесса представляется слишком идеалистичным, и становится ясно, почему экранизовавший (в 1971 г.) книгу кинорежиссер С. Кубрик не пожелал завершить свой фильм аналогичным образом⁴³⁹.

Продолжая затронутую тему врожденный человеческой деструктивности, Берджесс помещает ее вовнутрь героя, заставляя его оправдываться: «но больше всего меня веселило, блин, то усердие, с которым они, грызя ногти на пальцах ног, пытаются докопаться до причины того, почему я такой плохой. Почему люди хорошие, они дознаться не пытаются, а тут такое рвение! <...> когда человек плохой, это просто свойство его природы, его личности... а природу эту сотворил бог, или god <...> Неличность не может смириться с тем, что у кого-то эта самая личность плохая, в том смысле, что правительство, судьи и школы не могут нам позволить быть плохими, потому что они не могут позволить нам быть личностями <...> то, что я делаю, я делаю потому, что мне нравится это делать»⁴⁴⁰. Показательно, что той же идеи придерживался С. Кубрик, высказав следующее предположение относительно успеха образа главного героя: «мы можем идентифицировать себя с Алексом на бессознательном уровне. Психиатры говорят нам, что у бессознательного нет совести – и, возможно, в нашем бессознательном мы все являемся потенциальными Алексами. Вероятно, единственная причина того, что мы не превращаемся в таких, как он, – мораль, закон и иногда наш собственный врожденный характер»⁴⁴¹.

Несмотря на то, что психопатическая деструктивность имплицитно присутствует в социуме, уже была обозначена зависимость степени ее выраженности от конкретного общественного устройства. Известно, что

---

⁴³⁹ *Нэрмор Дж.* Кубрик. М.: Rosebud Publishing, 2012. С. 220–240.

⁴⁴⁰ *Берджесс Э.* Указ. соч. С. 49–50.

⁴⁴¹ *Climent M.* Three Interviews with Stanley Kubrick, 1982. URL: <http://www.visual-memory.co.uk/amk/doc/interview.html> (дата обращения: 12.05.2021)

контркультурное движение 1960-х выступило против самоконтроля, приличий и психического здоровья, атаке подверглись такие традиционные идеалы, как брак, социальная связанность. Считается, что ощущение политического застоя в обществе того времени, чувство давления, испытываемое молодыми людьми со стороны общественных институций и негативный образ традиционных элит, дискредитировавших себя в ходе деформализации и сокращения дистанции между правящим классом и обычными людьми, привели к романтизации бунтарства, активному прославлению индивидуального насилия. Актуализуется важный для времени вопрос: что лучше – быть «механически» хорошим, или же иметь свободу совершать отвратительные поступки, но – свободно и во имя свободы, стремясь к самоутверждению? Рационализация преступности проявилась не только в межличностных отношениях и на философском уровне, когда, поддавшись духу времени, философы и писатели «стали рационализировать модную разнузданность», видя в ней революционный порыв⁴⁴², но проникла в политику, судебную систему и искусство, сформировав тенденцию, которую подробно описал американский ученый С. Пинкер, обозначив ее как «процесс децивилизации», продолжавшийся в общей сложности до 1990-х гг.⁴⁴³

Таким образом, «Заводной апельсин» Берджесса исследует деструктивность западного общества в нескольких аспектах: на внешнем уровне – через анализ его насильственного устройства в связи с темой власти и насилия, выявляя при этом их взаимосвязь с природой образующих общество индивидуумов, которые изнутри могут влиять на «несовершенный» характер мироустройства, привнося в него психопатические стратегии. В этом контексте общественное устройство создает как минимум фон, легитимизирующий деструктивные тенденции личности, а как максимум – само детерминирует их развитие. Исследователи,

---

⁴⁴² Пинкер С. Указ. соч. С. 159.

⁴⁴³ Там же. С. 150–162.

изучающие социальные аспекты деятельности психопатов, с тревогой отмечают рост психопатических проявлений в современном обществе, в особенности – в городской среде, создающей идеальные условия для деятельности психопатов с ее анонимностью и возможностью раствориться в пространстве мегаполисов, требованиями карьерной жесткости и проч. (Р. Хаэр, К. Даттон, Ф. Коукулик). Интересно, что, предвосхищая это, Ж. Бодрийяр рассматривает насилие как следствие вынужденно максимизированной социальности: «все более плотные скопления миллионов людей на городских территориях, их совместное проживание там неизбежно ведут к экспоненциальному росту насилия <...> в условиях вынужденного промискуитета люди как бы взаимно аннулируются. А это уже нечто противоположное социальному бытию или, наоборот, верх социальности, крайнее ее проявление, когда она начинает разрушаться сама собой»⁴⁴⁴. Насилие заходит так далеко, что трансформируется в беспричинную ненависть, которую философ четко отличает от насилия: насилие связано со страстью, направленной на определенный объект, в то время как ненависть беспредметна, это некий порыв – свободный и хаотичный. Именно ненависть в наибольшей степени соответствует психопатической личности, мишенью которой может стать невинный и случайный человек – жертва безэмоциональной, немотивированной и равнонаправленной на окружающих агрессии. В этом смысле «вторичная» в отношении государства агрессия Алекса психопатична в своей ненависти: герою неважно, кого именно подвергать унижениям, для него нет каких бы то ни было оснований для причинения боли – эти акты самоценны и неререфлексируемы. При этом к ненависти «примешивается ощущение настоятельной необходимости ускорить ход вещей, чтобы покончить с системой, освободить дорогу для чего-то иного <...> В этом холодном фанатизме содержится миллениарная

---

⁴⁴⁴ Бодрийяр Ж. Лекция «Город и ненависть» // Экспертно-аналитический портал «Новости Гуманитарных технологий». – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2006/656> (дата обращения: 12.05.2021).

форма вызова и (кто знает?) надежды»⁴⁴⁵. Так пропитанное ненавистью, порожденное обществом психопатическое насилие, становится дорогой к некоему полумистическому, четко не осознаваемому, но желанному выходу. Эта тема продолжает звучать и в самом конце века, с очевидной яростью воплотившись в другом знаменитом бунтарском произведении – «Бойцовском клубе» (1996) Чака Паланика (род. 1962).

2.3.3. «Бойцовский клуб» Ч. Паланика: психопатическое бунтарство и феномен отсутствующей власти

«Чем тинейджеры были для шестидесятых, а женщины для семидесятых, тем для девяностых могут стать мужчины среднего возраста – люди, которым американская культура позволяет страдать и усердно влачить свою обиду из одного ток-шоу в другое»⁴⁴⁶. Повествующая о бунте американских мужчин против общественной системы, книга Паланика приобрела не только большую популярность (что случилось, скорее, после выхода одноименного фильма), но нашла значительный эмоциональный отклик в силу точного попадания в так называемый «дух времени». Внешний мотив повествования: ситуация антикапиталистического бунта, – роман пронизан критической рефлексией и усталостью, которую испытает человек общества потребления.

Характеристика послевоенной капиталистической системы как общества, нацеленного на потребление и удобство – тема настолько распространенная, что разговор о ней стал фактически трюизмом. Американский философ Ф. Джеймисон, впервые предпринявший попытку концептуализировать постмодернизм как целостное явление, характеризовал его уже в своих ранних статьях как общество потребления⁴⁴⁷ – избыточное в своем предметном мире, все убыстряющемся темпе стилистических изменений, проникновением рекламы и медиа в «глубокие слои

---

⁴⁴⁵ Там же.

⁴⁴⁶ Рафтери Б. Лучший год в истории кино. Как 1999-й изменил все. М.: Индивидуум, 2020. С. 287.

⁴⁴⁷ Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Логос, №4, 2000. С. 63–77.

социальности», стандартизации и т.д.⁴⁴⁸ Взгляд на состояние западного общества как на потребительское развивался и другими философами: начиная от Т. Веблена и Г. Зиммеля, рассматривавших потребительские практики как воплощение социального неравенства, до Дж. Катона, Ж. Фурастье, Дж. Гэлбрейта, трактовавших их как основу конкретного социального порядка, а также Г. Маркузе, Ж. Делеза и Ж. Бодрийяра, развивающих идею о потреблении как символической деятельности⁴⁴⁹. «Рационализация социального бытия человека как потребление, приобретая характер безумия, приводит к эскалации насилия в обществе, так как еще больше углубляет отчужденность человека от природы и его тягу к саморазрушению»⁴⁵⁰, – отмечают исследователи этого феномена. О том, что потребление стало господствовать над личностью, герой «Бойцовского клуба» рассуждает неоднократно: «Ты покупаешь мебель <...> Купив ее, ты пару лет спокоен в том смысле, что как бы ни шли дела, а уж вопрос с софой, по крайней мере, решен. Затем решается посудный вопрос. Постельный вопрос. Ты покупаешь шторы, которые тебя устраивают и подходящий ковер. И вот ты стал пленником своего уютного гнездышка, и вещи, хозяином которых ты некогда был, становятся твоими хозяевами»⁴⁵¹.

Бесконечное пространство навязываемых моделей поведения и ценностей в конце концов создает знаменитую гиперреальность постмодерна, «нереальность галлюцинаторного самоподобия реальности»⁴⁵² (У. Эко, Ж. Бодрийяр). В это время «идеология подменяется пиаром, а мораль упраздняется за ненужностью <...> потребительские предметы утрачивают функцию полезности. Предметом <...> рассмотрения выступает исключительно знаковое потребление, которое заменяет реальность

---

⁴⁴⁸ Там же.

⁴⁴⁹ Сергодеева Е.А., Мищенко Е.Ю. Теории общества потребления в современной философии // Гуманитарные и юридические исследования, № 4, 2014. С. 149–153.

⁴⁵⁰ Сидоренко И. Н. Философия насилия: от метафоры к концепту. Минск: БГУ, 2017. С. 89.

⁴⁵¹ Паланик Ч. Бойцовский клуб. М.: АСТ, 2018. С. 66–67.

⁴⁵² Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 149.

гиперреальностью»⁴⁵³. В таком мире человек теряет свою индивидуальность, ему не принадлежат даже собственные поступки, которые диктуют идеологические структуры и всепроникающие мифы общества⁴⁵⁴. Именно такая реальность предстает перед читателем «Бойцового клуба», герой которого настолько опосредован культурой и навязанными идеалами, что, по сути, теряет доступ к самому себе.

Главный персонаж романа – неудовлетворенной жизнью офисный работник, имени которого Паланик не называет – это просто нарратор, шизофреническим двойником которого выступает самоуверенный и свободный Тайлер Дерден: «Мне многое нравится в Тайлере Дердене. Его смелость и смекалка. Его выдержка. Тайлер – забавный, обаятельный, сильный и независимый. Люди верят ему, верят, что он изменит мир к лучшему. Тайлер – свободный и независимый. А я – нет»⁴⁵⁵. Свободный и независимый Тайлер, ненавидящий общество потребления, которое изнутри разъедает личность рассказчика и тем самым задает вектор его действий, бросает вызов потребительскому образу жизни, создав организацию, цель которой – используя террористические методы, покончить с капиталистическим злом (проект «Разгром»). В идеологии героев это – настоящая справедливая война, идея которой преследовала человечество на всем протяжении его существования (св. Августин, И.Г. Гердер, Г.Ф.В. Гегель и др.), естественно воплотившись в марксизме, отзвук которого прочитывается в левых идеях Тайлера. «Основной задачей коммунистической этики является принятие необходимости аморальных поступков. Эта наивысшая жертва, которую мы должны принести революции. Истинный коммунист убежден в том, что злодеяние обретает величие благодаря диалектике исторического развития»,⁴⁵⁶ – писал Г. Лукач. Одержимого идеей равного антипотребительского общества, где люди будут

---

⁴⁵³ Литвинцева Г.Ю. Гиперреальность в эпоху постмодерна // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, № 2, 2011. С. 44.

⁴⁵⁴ Барт Р. Мифологии. М.: Академический Проект, 2008.

⁴⁵⁵ Паланик Ч. Там же. С. 293.

⁴⁵⁶ Сведенсен Л. Указ. соч.

«носить одну одежду из кожи, которой нам хватит на всю жизнь, и карабкаться по стволам лиан толщиной с руку, которые обвивают небоскрёбы»⁴⁵⁷, в глазах героя романа упомянутые Лукачем аморальные поступки становятся средством борьбы против системы, насилие возводится в добродетель и становится освобождением, однако, в конечном счете, не от финансовых корпораций, а от собственной незначительности. Это бунт «против бесправия, против сытой и богатой жизни “жирных”, но главное – во имя обретения яичек»⁴⁵⁸.

Во второй половине XX века в исследовательской литературе большое внимание уделяется теме маскулинности, определяемой как социокультурный конструкт, который поддерживается институционально и воспроизводится, отвечая на запрос определенного социального контекста. Примечательны в связи с этим работы австралийского социолога Р. Коннелл, идеи которой, сформулированные в конце 1980-х гг., стали методологической парадигмой в изучении данного феномена. Маскулинность, согласно Коннелл, формируется под воздействием трех явлений: труда, либидного катексиса и власти как наиболее важного элемента, где основная роль принадлежит государству, которое «глубоко интегрировано в гендерные отношения»⁴⁵⁹. Государство поддерживает гендерное разделение труда (особенно в военной сфере), использует механизмы разной степени открытости для исключения женщин из состава политической элиты, а через политику контроля над рождаемостью оно влияет на сексуальные отношения граждан, устанавливает стандарты полового просвещения и др. Гендерный режим структуры государства и социально-экономические отношения, с одной стороны, определяют поведение напрямую, с другой – становятся неосознаваемым людьми социальным фреймом. При этом гегемонная маскулинность предполагает

---

⁴⁵⁷ Паланик Ч. Там же. С. 210.

⁴⁵⁸ Павлов А. В. Указ. соч.

⁴⁵⁹ Коннелл Р. Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 177.

предложение недостижимых образов и не имеет ничего общего с большинством реальных мужчин, которые могут соответствовать господствующим идеалам лишь в мере возможностей своего общественного положения. Данный конструкт включает отношения не только между полами, но и внутри них: поддержание маскулинности осуществляется гомосоциальными обществами, где индивиды ориентированы на взаимодействия с теми, кто демонстрирует аналогичные потребности и взгляды на жизнь.

Конечно, не все исследователи маскулинности готовы видеть в ней результат исключительно внешних детерминаций. Согласно американскому исследователю Дж. Моссу, идея маскулинности не претерпевала серьезных исторических трансформаций, стабильно апеллируя к милитаристичности (роль гимнастики и внимание к телу в древней Греции, нормы средневековой аристократической морали, армейская подготовка и т.д.)⁴⁶⁰. По замечанию Т. Б. Рябовой, «в стереотипном образе мужчины присутствуют качества, во-первых, коррелирующие с деятельностью и активностью. Во-вторых, "мужскими" являются характеристики, обычно соотносимые с позициями власти и управления»⁴⁶¹. В связи с тем, что общественные практики XX века существенно изменяются, разговор о маскулинности приобретает характер аналитики ее кризиса. Продолжая эту тему, исследовательница С. Фалуди видит его истоки в послевоенной ориентации на потребление и тщеславие: мужчинам, по ее мнению, навязали идею маскулинности как «чего-то, что можно накинуть на тело, а не взрастить в себе; что это личное, а не общественное; что мужеством кичатся, а не проявляют»⁴⁶². Этому вторит Тайлер: «накачанным может назвать себя любое суфле»⁴⁶³ – по его мнению, истинное мужество нужно в себе сознательно пестовать. Для этого он создает

---

⁴⁶⁰ Mosse G.L. *The Image of Man: The Creation of Modern Masculinity* Oxford. N.Y.: Oxford University Press, 1998.

⁴⁶¹ Рябова Т.Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // *Личность. Культура. Общество*. 2003. № 1–2. С. 120–138. Цит. по: Мордвинов А.А., Игаева К.В. Маскулинность в работах Р. Коннелл и Дж. Мосса: культурный vs социально-экономический детерминизм // *ВятГУ*, 2018, № 2. С. 30–34.

⁴⁶² Паланик Ч. Там же. С. 297.

⁴⁶³ Паланик Ч. Там же. С. 79.

бойцовский клуб, а главный герой несколько раз избивает себя в попытке преодолеть свои зависимости – от консюмеризма, авторитета власти, вытесненной в подсознание и сдерживаемой разумом части себя. Однако несмотря на то, что, например, при анализе сцены самоизбиения рассказчика предлагаются ее интерпретации как реально действующего способа самоутверждения (у Жижека в рассмотрении одноименного фильма: «господин становится не нужен: “Разве мне кто-то нужен для самоистязания?” <...> только посредством исходного само-избиения мы станем свободными: подлинная цель такого избиения – выбить из себя привязанность к господину»⁴⁶⁴), анализа действий героев в психопатическом ключе позволяет взглянуть на происходящее с другой стороны. В рамках откровенно психопатической модели разрешения указанного кризиса Тайлер Дерден считает, что, единожды побывав в драке, мужчина почувствует вкус к насилию и утратит чувство страха, станет более отчаянным и решительным, в связи с чем акции бойцовского клуба направлены на то, чтобы разбудить у мужчин, не состоящих в клубе, инстинкт «разрушения». Для этого участники клуба провоцируют окружающих: затевают стычки, в которых непременно проигрывают, позволяя противнику почувствовать вкус силы и победы⁴⁶⁵; совершают разного рода антисоциальные поступки (задания бойцовского клуба эволюционируют от обливания людей вареньем до совершения убийств), постоянно идут на риск, и, в конце концов, перестают ценить даже собственную жизнь. Масштаб возникших в итоге бойцовских клубов пугает: кажется, что к ним примкнула вся страна, общее правило которой «никому не рассказывать о бойцовском клубе». Та повсеместная разрушительность, проводниками которой становятся эти организации, заставляет вспомнить

---

⁴⁶⁴ Палов А.В. Указ. соч.; Жижек С. Возлюби мертвого ближнего своего // Художественный журнал, № 40, 2002. URL: <http://old.guelman.ru/xz/362/xx40/xx4016.htm> (дата обращения: 18.07.2022).

⁴⁶⁵ Паланик Ч. Там же. С. 199

«машину войны»⁴⁶⁶ Делеза – внешнюю и противостоящую государственному аппарату силу, которая представляет собой «что-то вроде чистого, лишённого меры множества, стаи»⁴⁶⁷ и являет себя в отрицании, а не утверждении – «*figor* противостоит мере, скорость – тяжести, тайное – публичному, мощь – суверенитету, машина – аппарату»⁴⁶⁸. Машина войны распределяется в пространстве и может явить себя в любой точке, реализуется в бандах, «члены которых собираются ради совместных грабежей, а после раздела добычи разбегаются, чтобы по отдельности спать и питаться»⁴⁶⁹, но при этом ее нельзя строго определить. Итак, «“между” деспотически-магическим Государством и правовым Государством, обладающим военным институтом, видны всполохи машины войны, пришедшей извне»⁴⁷⁰, что хочется интерпретировать как рассеянную вовне интенцию к разрушительности, пронизывающую общество, объединяющую людей в организации по типу паланиковского бойцовского клуба.

Возвращаясь к теме кризиса маскулинности, необходимо отметить: несмотря на то, что, практикуя описанное поведение, герои действительно косвенно «взрачивают» в себе маскулинность, тягу к чему отмечала С. Фалуди, концентрация на действиях антисоциального и насильственного характера скорее напоминает игру, затрагивающую все те же внешние аспекты ложной мужественности, трактуемой как синоним жестокости. Сам Паланик вспоминал: «Мои сослуживцы не шли на конфликт. Они сторонились любых столкновений и напрягов и жили тихонечко. И я подумал, что если вовлечь их в конфликт продуманным и безопасным способом, это будет как терапия – возможность за своим испуганным “я” отыскать настоящее»⁴⁷¹.

---

⁴⁶⁶ Делез Ж., Гваттари Ф. Тракта́т о номадологии: машина войны // Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С. 587–717.

⁴⁶⁷ Там же. С. 589.

⁴⁶⁸ Там же.

⁴⁶⁹ Там же. С. 599.

⁴⁷⁰ Там же. С. 590.

⁴⁷¹ Рафтери Б. Указ. соч. С. 286.

Потребность отыскать настоящее «я» приводит к необходимости обозначить и второй, менее броский смысловой пласт романа. «Все ныли о том, чему их не научили отцы <...> Ныли, что их отцы были слишком заняты новыми отношениями и новыми семьями и просто забили на своих детей»⁴⁷² – рассказывал Паланик об общении с коллегами на работе. В духе вульгарного психоанализа возникает теория, согласно которой мужчин, описанных в романе, на антисоциальное поведение толкает нерешенная проблема взаимоотношений с отсутствующим отцом⁴⁷³.

Тема безотцовства – лейтмотив «Бойцовского клуба»; она не выражена столь грубо и прямолинейно, как критика консюмеризма, однако имплицитно присутствует во всех аспектах сюжета. «Если ты американец мужского пола и христианского вероисповедания, то твой отец – это модель твоего Бога. А если ты при этом не знаешь своего отца, если он умер, бросил тебя или его никогда нет дома, что ты можешь знать о Боге?»,⁴⁷⁴ – вопрошает Тайлер нарратора. Известно, что психолого-философский дискурс большей части XX столетия определила попытка рассмотреть человека в единстве разных психических процессов и культурных факторов. «Я думаю, что характерная черта психологии, которая обуславливает ее существование <...> — это то, что открыл Фрейд, – бессознательное»⁴⁷⁵, – утверждал М. Фуко. Психоанализ, будучи «учением о неврозах», постулирует определяющую роль внутреннего конфликта в развитии и проявлениях личности, «традиционные» психоаналитические состояния – невроз, психоз, состояния измененного сознания – рассматриваются как реакция на проблематичность мира: попытка наделить окружающее смыслом, объяснить его и придать целостность, приспособиться к нестандартным условиям, устранить

---

⁴⁷² Рафтери Б. Указ. соч. С. 285.

⁴⁷³ Kennett P. Fight Club and the Dangers of Oedipal Obsession // Stirrings Still: The International Journal of Existential Literature. 2005. Vol. 2. No. 2. P. 50–51.

⁴⁷⁴ Паланик Ч. Там же. С. 239.

⁴⁷⁵ Фуко М. Человека на самом деле не существует: Мишель Фуко о том, что такое психология. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/5556-cheloveka-na-samom-dele-nesushchestvuet-mishel-fuko-o-tom-chto-takoe-psikhologiya> (дата обращения: 20.01.2021)

фрустрирующую информацию. Процесс формирования ребенка и его отношения с родителями в этом плане становятся особенно важны.

Несмотря на то, что трактовка отношений отца и сына в психоанализе претерпевала изменение, в целом еще у Фрейда фигура отца рассматривалась как сосредоточение идеальных и агрессивных проекций: с одной стороны, отец выступает в роли кастратора, накладывающего ограничения и запреты на сына, с другой – он необходим для положительной, специфически мужской идентификации. Придавая эмоциональную связность ощущениям ребенка и контейнируя его примитивные страхи, отец играет важную роль в структурировании внутреннего мира сына и, соответственно, его отсутствие может привести к формированию у последнего разного рода психических расстройств⁴⁷⁶. В развитии психопатии психодинамическая концепция так же отводит главную роль нарушению отношений родителей и ребенка на ранних этапах его развития, из-за чего у последнего формируются патологические комплексы. Склонный экстернализовать внутренний конфликт и не получающий внешней жесткой коррекции со стороны отца, ребенок не овладевает в достаточной мере способностью самоконтроля, у него снижается самооценка, а Супер-Эго остается агрессивным и ригидным.

«Из всех образов детства, которые, как правило, не помнятся, ни один не бывает настолько важным для юноши или мужчины, насколько важен образ его отца <...> Сам Бог, в конце концов, есть лишь возвеличение образа отца – то, как он представлен в раннем детстве. Но скоро возникает и другая сторона этого эмоционального отношения. Отец видится как первостепенный нарушитель инстинктивной жизни ребенка; он становится не только моделью для подражания, но и тем, от кого нужно избавиться, чтобы занять его место. Впоследствии благожелательные и враждебные импульсы по отношению к нему присутствуют у человека бок о бок, часто до конца жизни, без того

---

⁴⁷⁶ Шторк Й. Психическое развитие маленького ребенка с психоаналитической точки зрения // Энциклопедия глубинной психологии: В 4 т. Т. 2. М.: Когито-Центр; МГМ, 2001; Rosenfeld D. Psychic changes in the paternal image // The International Journal of Psychoanalysis Vol. 73, 1992. P. 757–771.

чтобы одни пересилили другие»⁴⁷⁷. В типичной (в трактовке психоанализа) попытке определить себя, противопоставив свои действия авторитету, герой бросает вызов Богу, тем самым пытаясь его отыскать и даже заручиться его «поддержкой»: в преодолении того, что ему «навязано», человек начинает хотя бы чувствовать наличие предопределяющих поведение моделей и ту точку, от которой можно отталкиваться в личном самополагании. «Если мы не привлечём к себе внимания Бога, то у нас нет надежды ни на вечное проклятие, ни на искупление грехов»⁴⁷⁸. При этом персонажи неоднократно подчеркивают, что никаких вышестоящих начал нет, поэтому бунт Тайлера – это бунт против того, чего нет, бунт против отсутствующей власти.

Обращаясь к феномену власти, Бодрийяр пишет, что в современном мире она перестает существовать, превращаясь в пространство симуляции, и именно эта гибель порождает повсеместную обращенность к ней и культивацию ее форм⁴⁷⁹. В этом случае ракурс рассмотрения переворачивается: само общество заставляет людей бунтовать, но не потому, что оно излишне жестоко, но в силу отсутствующих фигур.

Примечательно, что, несмотря на всю ее желанность, фигура отца оказывается отсутствующей не только в связи с личными обстоятельствами жизни героя, но является таковой в сердцевине самого своего концепта. Классический патриарх характеризуется именно своим отсутствием в жизни отпрыска: он не принимает участие в заботе о младенце, а в его взрослом возрасте играет тираническую роль. В итоге властный отец исторически зачастую становился чужим для своих детей, по замечанию Э. Бадентэр, «патриарх был воплощением закона, авторитета, превосходства, но при этом

---

⁴⁷⁷Freud S. Some reflections on schoolboy psychology. Standard Edition. V. 13, 1914. С. 243. Цит. по: *Коряков Я.И.* Эволюция родительских образов в психоанализе // Психологический вестник Уральского государственного университета. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. Вып. 3. С. 113.

⁴⁷⁸ *Паланик Ч.* Там же. С. 240.

⁴⁷⁹ *Бодрийяр Ж.*, Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000, С. 85.

Фуко также пишет: «государство никогда — ни сегодня, ни в своей предшествующей истории — не представляет собой некую целостную структуру и не обладает ни какой-либо индивидуальностью, ни строгой функциональностью. Оно, я бы сказал, не имеет той значимости, которую ему приписывают. По-видимому, это не более чем композитная реальность и мифологизированная абстракция, так что важность его, судя по всему, сильно преувеличена» / *Фуко М.* Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-78 учебном году. СПб.: Наука. С. 162 –163.

мало кто обращал внимание на то, что патриархат характеризовался также и тем, что отцы бросали своих детей»⁴⁸⁰. Будучи вытесненным в прошлое, образ властного патриарха в своем традиционном виде не встречается в современной культуре, так как не соответствует ее реалиям. Однако стремление сформулировать новые требования к главе семьи, предполагающие его участие в воспитании детей, задействует вытесненную, и потому идеализированную фигуру отца. «Попытка преодоления тенденции «потери отца» посредством возвращения к традиционной модели и культивирования классического эталона маскулинности была бы большой ошибкой, по существу только усугубляющей реальную проблему»⁴⁸¹, однако именно это и демонстрируют герои «Бойцовского клуба», которые, в попытке преодолеть указанный кризис, задействуют доминирующие идеи маскулинности, противопоставляющие себя женскому началу (активность, разумность, духовность, трансцендентность). Герои имеют внутреннее желание порвать с господствующим стилем жизни, однако сами же его и воспроизводят, когда, объединяясь в банды и проявляя жестокость, демонстрируют единственно доступный им стиль мужества. Таким образом, стремление справиться с фактом отсутствия родителя и вернуться к «традиционным» отношениям с ним имеет идеологически ложную, искусственно сконструированную основу, порожденную забвением истории, и развивает как раз черты отцовства традиционного, уводя персонажей от реализации их потребностей.

Герой «Бойцовского клуба» ничего не знает ни об отце, ни о Боге – их не было в его жизни, однако он все же нуждается в их функциональном присутствии, поэтому создает этим фигурами собственную шизофреническую замену: «если отца нет, а все кандидаты на его роль провалились, надо стать отцом самому себе»⁴⁸².

---

⁴⁸⁰ Бадентэр Э. Мужская сущность. М.: Новости, 1995. С. 271.

⁴⁸¹ Хитрук Е. Б. Философские предпосылки формирования феномена «отсутствующий отец» в современной культуре // Вестник Томского государственного университета, 2013. №368. С. 57.

⁴⁸² Павлов А.В. Там же.

Невозможно не упомянуть о том, что шизофрения – важный концептуальный конструкт XX века. В трактовке Делеза и Гваттари она являет собой освободительное, революционное начало личности⁴⁸³, путь в бессознательное: не отдельного человека, но “трансцендентальное бессознательное”, бессознательное социальное, историческое и естественное одновременно⁴⁸⁴. Джеймисоном шизофрения рассматривается в другом ключе: как тотальная укорененность личности в настоящем и ее децентрация⁴⁸⁵. Этому вторит Бодрийяр, утверждая, что современные люди пребывают в «состоянии ужаса, характерном для шизофреника, в чрезмерной близости всех вещей, в отвратительной неразборчивости всех вещей, которые осаждают и проникают в него [человека], не встречая никакого сопротивления»⁴⁸⁶. Болезненная раздвоенность героя «Бойцовского клуба» является первой ступенью смыслового поля произведения, предопределяя возникновение всей сюжетной конструкции, однако завершение романа устраняет ее: рассказчик убивает своего шизофренического двойника. Насильственный акт для него становится способом самоосвобождения, преодолением раздвоенности, возвращения цельности. Важно, что и для рядовых персонажей книги Паланика, для всей организации бойцовских клубов, психопатическая жестокость полагает путь, следуя которым обезьянки – астронавты обретают пусть и негативную в общественно – этическом смысле, однако ясную и четкую модель мира. Культура и социум не могут вечно находиться в состоянии столь неудобной децентрализации, под давлением бесконечной противоречивости навязываемых извне установок, и литературные персонажи находят способ переломить ситуацию путем насилия, которое оказывается способно ликвидировать болезненную раздвоенность.

---

⁴⁸³ Шизофренический дискурс / Постмодернизм. Словарь терминов. М.: ИНИОН РАН (отдел литературоведения) – INTRADA, 2001.

⁴⁸⁴ Gilles Deleuze / Stanford Encyclopedia of Philosophy URL: <https://plato.stanford.edu/entries/deleuze/> (дата обращения 12.05.2021)

⁴⁸⁵ Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Логос, №4, 2000. С. 63–77.

⁴⁸⁶ Бодрийяр Ж. Указ. соч.

Таким образом, в ситуации личностного одиночества психопатическое насилие не только формирует подобие некой цели и яркости чувств («нигде ты не чувствуешь жизнь так, как в бойцовском клубе»⁴⁸⁷), но становится способом выступить против неполноты и отсутствия – отца, Бога, метанарративов в целом. Согласно Фуко, социальные взаимоотношения подчинения и господства, не имеющие определенной локализации, пронизывают все общество и проявляются в различных институтах, определяющим в этом контексте становится понятие дисциплины, и организация бойцовского клуба с его жестокой дисциплиной и четкими правилами являет не менее насильственную систему чем те, против которых мужчины объединились. При этом стоит подчеркнуть, что наличие четкой модели, ориентирующей общественные практики, в целом не оставляет выбора рядовым членам коллектива в следовании ей или ее отрицании. Анализируя общества с господствующей антропологической доктриной, Ф. Дескола отмечал, что «единственная вещь, которая действительно важна для коллектива, каковы бы ни были средства ее достижения, – это интеграция в видимое гомогенное целое огромного количества сингулярностей, спонтанно склонных к фрагментарности. Поэтому идеологией коллектива такого типа может быть только функционализм, то есть идея того, что каждый из его конститутивных элементов способствует на своем определенном месте стабильной тотальности всего коллектива»⁴⁸⁸.

У Паланика психопатия предстает в форме фаталистичной закольцованности: насильственные по отношению к личности, доводящие ее до шизофрении, стратегии власти отрицаются порожденным ими психопатическим насилием, которое оказывается направленным, в качестве следующего шага, против самого себя, оказавшись протестом искусственно сконструированным, идеологическим, и, следовательно, навязанным и, кроме того, бессмысленным. Едва вступив на этот путь, герои становятся его

---

⁴⁸⁷ Паланик Ч. Там же. С. 80.

⁴⁸⁸ Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 514.

заложниками и уже не могут остановиться. В конечном итоге критические интенции, направленные на вскрытие основных идеологических фикций, неизбежно наталкиваются внутри самих себя, внутри своих значений на опосредующий, имманентно присущий самим идеологиям контекст, проблема в том, что «путь к идейному самоопределению оппозиционных дискурсов лежит через смыслоозначение, заданное самой господствующей идеологией»⁴⁸⁹. Психопатическая ярость помогает выплеснуть скопившееся на душе недовольство, позволяет ощутить собственную значимость и веру в свои силы, способность «справиться самостоятельно с любой проблемой»⁴⁹⁰. Описывая сцену жестокого избиения им в бойцовском клубе молодого новичка, рассказчик заявляет, что почувствовал в этот момент необычную силу и желание все уничтожить, ощутил, будто мир отныне принадлежит ему (реальные психопатические чувства). «За завтраком на следующее утро Тайлер сказал: – Ты вел себя как психопат из комиксов, что на тебя накатило? Я сказал, что дерьмово себя чувствую и так и не смог расслабиться. Я больше не получаю от боя кайфа. Возможно, у меня выработалось привыкание. Возможно, мне теперь требуются более сильные возбудители. Именно в то утро Тайлер и придумал проект “разгром”»⁴⁹¹. С развитием действия Тайлер все сильнее проявляет садистские наклонности, в конце концов в деятельности клуба побеждает явно деструктивная – банально террористическая – линия, и идеология борьбы против системы оказывается выхолощена психопатическим инструментарием.

Завершая рассмотрение психопатических образов, отрефлексируемых литературой в контексте вопросов общественно-политического устройства, представляется возможным заключить, что властные институты, главной функцией которых является поддержание общественного порядка и сдерживание с помощью законных механизмов присущего людям стремления к разрушительности, сами становятся

---

⁴⁸⁹ Гаспарян Д. Э. Указ. соч. С. 184

⁴⁹⁰ Паланик Ч. Там же. С. 81.

⁴⁹¹ Паланик Ч. Там же. С. 206.

проводниками последней, легитимируя в разных областях жизни контексты, задействующие применение силы, культ агрессии, и образующие идеологический базис общества⁴⁹². При этом психопатия выступает как новая модель поведения и отношения к миру, сменяя шизофрению в качестве характеристики времени. Обозначенную линию можно резюмировать на примере отечественного произведения – «Записок психопата» (1956–1958) В. Ерофеева. Употребление термина «психопат» в данном случае абсолютно оторвано от научного содержания, это чистая метафора бунтарства героя, смелости, его несоответствия окружению и выхода за рамки общепринятого. Психопатия у Ерофеева становится не только отличием, но некой предельностью человека, когда психопат настолько «трезв» во взгляде на окружающее, что становится «безумным» (в классической аллюзии на безумца как того, кто постиг истину). Герой «Записок...» – представитель молодежи: очень чувствительной, честной, ранимой и в некотором смысле обладающей чувством ответственности за происходящее. Этот молодой человек, переживший семейные трагедии, отчисленный из университета и перебивающийся нестабильной работой, выделяется острым умом, сильно отличающим его от сверстников, представителей старшего поколения и особенно – власти. Несмотря на его хамоватое и распущенное поведение, окружающие находят его обаятельным, прислушиваются к его суждениям, будучи в то же время неспособными понять их. И хотя попытки героя сказать новое слово поглощаются окружающей средой, он в своем эпатажном поведении явно олицетворяет протест – против государства с его ложной для людей идеологией, бедностью, против примитивного человеческого сознания.

Представляется, что именно в связи с указанными выше тезисами в литературе начинает появляться все большее количество психопатических

---

⁴⁹² Говоря о популярной культуре XX века, британский культуролог Дж. Фиске определял ее «как точку, в которой люди выбирают товары, предлагаемые им промышленным капитализмом, творчески их перерабатывают, в том числе с целью подрыва основ самого промышленного капитализма» // Павлов А.В. Постпостмодернизм. Как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Издательский дом «дело» РАНХиГС, 2019. С. 58.

фигур, которые не просто действуют в пространстве произведений, но предлагают свои варианты преодоления оформившихся в XX веке общественных и философских проблем, что будет рассмотрено в следующей главе в связи со стратегиями нового конструирования субъектности.

3.3. Психопатия в постмодернистском «мотиве конца»

3.3.1. Постмодернизм как ощущение конца. Смерть субъекта

В предыдущей главе была затронута тема влияния социально-политических условий на самоощущение и поведение личности. Безусловно, вариативность возможных воздействий на индивида не ограничивается перечисленными феноменами: вопрос о внешней обусловленности человеческого поведения в философии XX столетия представлен разными точками зрения. К этому времени пересмотр «традиционной» антропологии, начатый философами прошлых столетий, приходит к логическому завершению. Господствовавший ранее взгляд на человека как на субъекта, принципиально отличного от окружающего мира и занимающего по отношению к нему привилегированное положение, познающего мир природы и обладающего не обязательно абсолютной, но, тем не менее, вполне действующей свободной волей, в философии XX века сменяется констатацией потери человеком его особого статуса и самостоятельности. Индивид оказывается продуктом различных дискурсов: актуальны теории его социального формирования под воздействием культуры (влияние Ф. Боаса, А. Кребера), языка (Ж. Лакан) воспитания (бихевиоризм, У. Джеймс), идеологии (С. Жижек, Л. Альтюссер). Помимо этого, распространены натуралистические концепции сведения человека к животному организму, управляемому мозгом, анализа человека по аналогии с компьютерными моделями (коннекционизм). В результате происходит аннигиляция субъекта как существа, способного на самостоятельное действие и свободный выбор, он начинает мыслиться как центр преобразования возможных

детерминаций⁴⁹³, что побуждает говорить не только о самой сущности человека, но и о том, как индивиды переживают утрату своего некогда цельного «я» и особого положения в мировом устройстве. О новом самоощущении личности, которая оказалась разрушена описанными ранее разнонаправленными процессами, и пойдет речь в далее, что представляется небезынтересным проанализировать также через образы литературных героев. Так, в знаменитых романах «Парфюмер» П. Зюскинда (1985) и «Осиная фабрика» И. Бэнкса (1984) зафиксировано новое положение личности, обусловленное «концом» традиционной субъектности.

Некое «ощущение конца», характерное для общества рассматриваемого периода, побудило одного из его первых теоретиков Ф. Джеймисона определить постмодернизм прямо аналогично: «Последние несколько лет были отмечены своего рода перевернутым миллениаризмом, в котором предвестия будущего, катастрофического или искупительного, сменились ощущением конца <...> все это вместе составляет то, что все чаще называют постмодернизмом»⁴⁹⁴. В рамках этого направления шла речь о конце идеологии (Д. Белл, С. М. Липсет), конце искусства (А. Данто, Х. Бельтинг) и конце истории (Ф. Фукуяма, Ж. Бодрийяр), данные идеи, однако, впоследствии были пересмотрены – ничего из вышеназванного фактически не прекратило существовать. Так, рассуждая о «конце истории», Бодрийяр предложил рассматривать устранение историчности как следствие появления гиперреальности – деформированной и искусственно созданной реальности, не позволяющей выйти за свои пределы и получить доступ к тому, что существует на самом деле⁴⁹⁵. В дальнейшем Бодрийяр переосмыслил факт окончания исторических процессов в духе того, что «история выдает “живые отбросы”, нам остается пустить эти остатки идеологий, утопий, старых концепций в “рециклирование”. Потому у истории на самом деле не будет

---

⁴⁹³ Косилова Е. В. Указ. соч. С. 7.

⁴⁹⁴ Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. С. 83.

⁴⁹⁵ Павлов А.В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. С. 143.

конца, ведь все эти отбросы могут использоваться бесконечно»⁴⁹⁶. Используя старое, социум начинает движение вспять, и этот цикл неостановим, конец истории оказывается невозможен, что прямо иллюстрирует литература постмодернизма, представители которого создают новые тексты, переосмысляя традиционные топосы. Так, в «Парфюмере» П. Зюскинда на наших глазах происходит ревизия классической образности и становление на ее основе совершенно нового героя, отражающего ряд аспектов «чувства конца», о котором писали исследователи постмодерна, самый важный из которых – конец субъекта, воплощенный в психопатической модели.

3.3.2. Тотальность отсутствия Других и разрушительность их признания: ревизия образа гения в «Парфюмере» П. Зюскинда

Новое видение человека и его деструктивности в «Парфюмере» явлено посредством обращения к феномену гениальности, переосмысление которого становится основой самостоятельного художественного высказывания. Оформление смыслов, которые традиционно вкладываются в данное понятие, произошло в XVIII веке с определением гения как исключительного и выдающегося человека. В этот период о гениальности говорится как о врожденном душевном свойстве, способности привносить в человеческий мир и искусство предписания природы (И. Кант); как о снятии противоречия конечного и бесконечного в искусстве, красота в котором выступает в неразрывной связи с добром (Ф. Шеллинг); как об избытке интеллекта, позволяющем охватить сознанием общие начала бытия (А. Шопенгауэр). Благодаря романтикам распространяется идея о гениальности как о бунтарстве, мессианстве или божественном воплощении (Новалис, Гофман). Подавляющее большинство трактовок этого феномена предполагает взгляд на гения как на творца и посредника, который направляет движение человечества, способствуя развитию общества и внося в культуру смыслы, определяющие ее качественную трансформацию. В связи с этим кажется

---

⁴⁹⁶ Там же.

уместным говорить о том, что гений являет собой классический пример традиционного субъекта, его наивысшее воплощение.

Нетрадиционность прочтения фигуры гения вводится с первых же строк «Парфюмера», формируя тем самым линию самостоятельного конструирования ее образности в дальнейшем. «В восемнадцатом столетии во Франции жил человек, принадлежавший к самым гениальным и самым отвратительным фигурам этой эпохи, столь богатой гениальными и отвратительными фигурами <...> Его звали Жан-Батист Гренуй, и <...> это имя, в отличие от других гениальных чудовищ вроде де Сада, Сен-Жюста, Фуше, Бонапарта и т.д., ныне предано забвению»⁴⁹⁷. Согласно традиции, гений – не просто творец, создающий нечто новое. Принципиально важно, чтобы продукты его фантазии остались в веках: опережая свое время, они становятся востребованы будущими поколениями, формируя новый вектор развития общества. Эта необходимая черта не была введена в образ главного героя, «его гениальность и его феноменальное тщеславие ограничивалось сферой, не оставляющей следов в истории, – летучим царством запахов»⁴⁹⁸. Зюскинд помещает персонажа в знаковое время – эпоху Просвещения, когда произошло оформление ряда мотивов, пересмотренных неклассической философией. В частности, это период становления идеи субъектности, изнутри разрушаемой Зюскиндом в образе Гренуя. М. Фуко, которого невозможно не упомянуть в связи с темой субъекта, писал о нем следующее: «Взяв сравнительно короткий хронологический отрезок и узкий географический горизонт – европейскую культуру с XVI в., можно сказать с уверенностью, что человек – это изобретение недавнее <...> Лишь один период, который явился полтора века назад и, быть может, уже скоро закончится, явил образ человека»⁴⁹⁹ (идея историчности субъекта также представлена в философии Ф. Гегеля, Ф. Ницше, К. Маркса, З. Фрейда). Смерть субъекта, согласно Фуко, связана с несколькими стратегиями. Во-

---

⁴⁹⁷ Зюскинд П. Парфюмер: история одного убийцы. СПб.: Азбука Классика, 2007. С. 7.

⁴⁹⁸ Там же.

⁴⁹⁹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. С. 308

первых, исчезает субъект как автор, заказчик состояний и идей, появляясь в мире с уже готовыми смыслами и реакциями. Во-вторых, философ говорит о смерти субъекта в связи с критикой самосознания, когда сознание понимается как некая вторичная часть, обслуживающая бессознательные импульсы. Ну и в-третьих, наиболее известный постулат концепции Фуко связан с историчностью данного понятия, появившегося в связи с развитием дисциплинарных практик и особого языка описания, конституирующего субъекта как событие истории. В это время в рамках судопроизводства, с одной стороны, сформировался субъект права как часть правовой системы, точка приложения власти и результат ее самоопределения в качестве механизма принуждения, в рамках же психиатрического рассмотрения возник способ говорить о человеке как о носителе «нормальных» и «ненормальных» дискурсов, начали форсироваться представления о том, каким субъект «должен быть». Исходя из этого Фуко заключает, что человек не рождается субъектом, но субъективируется, его конституирует история, и, следовательно, при смене техник и языка описания утратится и сам человек как их предмет⁵⁰⁰. Аналогично поздний Делез фиксировал историческое возникновение субъекта как мифа христианской новоевропейской философии, который опосредован внешними детерминантами и распадается на множество бессубъектных практик.

Важная черта, позволяющая говорить о принципиальной новизне образа персонажа Зюскинда – неимение им собственного запаха. Запах оказывается значимой характеристикой и становится метафорой связи между людьми, его отсутствие делает Гренуя буквально незаметным для окружающих, устраняет его из общества, будучи невидимым в котором он не может не только общаться с другими, но и, отталкиваясь от них, прийти к самоопределению. В философии эпохи, в частности, у Лакана, для появления Я необходим Другой, а сам механизм оформления Я и порождения субъективности происходит по определенным правилам. При этом Я всегда и

---

⁵⁰⁰ Там же. С. 398–399.

сделано чем – то внешним, и само всегда есть нечто внешнее: человек заимствует практики, овнутряет их и именно так полагает себя, поэтому его Я закономерно противоречиво, чего нельзя избежать, «я мыслю там, где не существую, и существую там, где не мыслю»⁵⁰¹. В основе возможности стать субъектом лежит акт интериоризации Другого, включенность его взгляда в единство «собственного» сознания. Строго говоря, еще Юм указывал на то, что субъектность не переживается индивидом как внутренний опыт, однако в большей степени именно неклассическая философия развернула целостность субъекта вовне, в ситуации чего она перестала принадлежать самому субъекту. На самом деле субъект и не является субъектом в силу этих причин, что, однако, им самим не осознается. Это явно отсылает к психопатической модели, которая, с одной стороны, замыкает человека в пределах своего Я, но при этом психопат, используя других для удовлетворения личных интенций, так же полностью на них направлен.

Примечательно, что в этой связи парфюмер и не пытается обращаться внутрь себя, что абсолютно, по Лакану, бесполезное занятие: там герой даже при большом желании не сможет ничего найти, поэтому он иллюстративно и грубо обращается к Другим таким образом, чтобы за их счет создать себя. Радикальная нехватка рождает желание – еще один важный мотив философии рассматриваемого периода (идеи З. Фрейда, Ж. Лакана, Ф. Гваттари и Ж. Делеза), который в последующей мысли будет связан с избыточной производительностью. Истинно человеческое желание состоит в стремлении к тому, что выходит за пределы наличности, становится метафизичным в своей направленности на полностью отсутствующий объект, в конечном итоге приходя к желанию Другого. Абсолютно безликий Гренуй решает использовать свои способности для создания уникального, самого притягательного в мире запаха, посредством которого в логике избыточной траты он стремится уже не просто завоевать внимание, но

---

⁵⁰¹ *Гаспарян Д. Э.* Введение в неклассическую философию. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 67.

подчинить себе людей, гипертрофированным образом преодолев боль отверженности и заставив окружающих полюбить себя. В итоге свой уникальный дар гений подчиняет убийству: для создания парфюмерной композиции ему необходимо собрать аромат многих девушек, он убивает их и только через отрицание жизни производит свои шедевры (определение желания как разрушение объекта встречается как во фрейдовском, так и в лакановском психоанализе).

На протяжении всего романа Гренуй выступает как садист-убийца, хладнокровный и звероподобный маньяк. Зюскинд часто подчеркивает темный, дьявольский характер его таланта, в котором отчетливо выражены психопатические черты. Гренуй молчалив, эмоционально холоден, жесток, бессовестен и, казалось бы, отстранен от явлений внешнего мира; явно психопатично его упорство в следовании личным целям и карьеризме. Характерны и ловкий ум героя, типично психопатическое желание обрести власть, на чем Гренуй полностью концентрируется. Можно констатировать, что психопатия героя формируется на стыке личного и общественного начал. С одной стороны, ее предопределяет заявленная биологическая предрасположенность, но в то же время он с детства страдал от отсутствия запаха – метафоры человеческой индивидуальности, что обусловило его неприятие окружающими. Таким образом, психопатические смертоносность, жестокость и страх, которые привнес Гренуй в мир людей, оказываются связаны с тем, что персонажу отказано в субъектности. Характерная для данной фигуры деструктурированность – децентрация, безосновность (отсутствие не столько внешних, но и собственных оснований), захваченность иным – порождает психопатическую деструктивность как специфический способ действия, необходимый для установления субстанциализирующих отношений с Другими. Апеллируя к структурированию Другим, деструктурированная самость определяется в форме разрушительного поведения, при этом человеческие отношения явным образом извращаются, трансформируясь в дихотомию господства-

подчинения, в результате чего индивид не только не обретает подлинность, но и утрачивает тень былой самоидентичности. В момент желанного триумфа, стоя посреди обезумевшей от созданного им аромата толпы, герой чувствует себя «богом более великолепным, чем тот, воняющий ладаном Бог, который ютился в церквах. Ему достаточно кивнуть, и все отрекутся от Бога и будут молиться на него, Великого Гренуя»⁵⁰². Психопатичное упорство дало результат, парфюмер приобрел власть над толпой, добился внимания к себе. Он стал не просто человеком, личностью или «субъектом», но земным «богом» с огромным ресурсом управления окружающими. Однако в момент, казалось бы, абсолютного торжества, Гренуй не чувствует себя удовлетворенным: посреди огромной толпы он так же одинок, как и ранее. Деструктивный способ достижения цели оказывается контпродуктивным: посредством ненависти, которая стала катализатором его успеха, герой приобрел лишь внешнее достижение цели, его же внутреннее психопатическое естество оказалось все так же пусто и совершенно к ней равнодушно. «То, чего он всегда так страстно желал, а именно чтобы его любили другие люди, в момент успеха стало ему невыносимо, ибо сам он не любил их, он их ненавидел»⁵⁰³.

Полное признание другими оказывается не менее разрушительным, чем их тотальное отсутствие. В философской оптике субъект предстает как существо, способное говорить «нет»⁵⁰⁴. Его отрицание может быть направлено на разные объекты: социум и современный мир в целом (Фрейд, Поршнеу, Н. Гомес), бытие (Хайдеггер), смысл (Нагель)⁵⁰⁵. В диалектической версии, восходящей к Гегелю, человек также является человеком, только пока он что-то отрицает. В рамках этой идеи А. Кожев подчеркивал необходимость различения природы и истории. История в его интерпретации — это такое развитие, которое способно привнести в мир экстремально

---

⁵⁰² Зюскинд П. Указ. Соч. С. 337.

⁵⁰³ Там же.

⁵⁰⁴ Косилова Е. В. Указ. соч. С. 147–157.

⁵⁰⁵ Там же.

новые события, не вытекающие из логики предшествующих, в то время как о развитии природы как об «истории» говорить нельзя: изменения в ней – процесс естественный и предсказуемый, природа существует лишь в актах воссоздания себя и направлена на самосохранение. История же руководствуется особой логикой – она стремится саморазрушиться во времени, отказаться от своих прошлых форм и прийти к формам новым. Человек как представитель истории также руководствуется желанием трансформировать обстоятельства, в которые он был помещен: внешний мир для него не фатален, индивид способен посмотреть на окружающую реальность как на материал, который можно подчинить, преодолеть. Способность через отрицание условий среды создавать новые события и превышать свое содержание делают возможным разговор о человеке как о субъекте. Соответственно, когда человек оказывается неспособен реализовывать свой негативный ресурс, который в силу неких обстоятельств становится невозможным актуализировать – понятие субъекта распадется. Если в рамках классического бытия субъекта им движет желание утвердить себя и свое видение в конкурирующей борьбе с другими и снискать признание ими собственного Я, то в изменившихся условиях – наступившей общности повсеместного признания – перестает быть необходимым противодействие окружающим со стороны субъекта, у него больше нет повода что-либо отрицать. «Он признан (имеет разнообразные права, которые всесторонне детализированы и продолжают детализироваться), но в той мере, в которой у него более нет нужды за них бороться, он фактически редуцирован»⁵⁰⁶. Человек начинает присутствовать в мире в новой роли – он становится самосохраняющейся частью природы, представленной как тело. Таким образом, во второй половине XX века субъект исчерпывается с точки зрения своей исторической функции.

---

⁵⁰⁶ *Гаспарян Д.Э.* Рождение и смерть субъекта в философии А. Кожева // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 245.

В связи с этим возможно предположить, что психопатия несет предельно двойственную смысловую нагрузку. С одной стороны, психопат – это «ничто» – несамостоятельное существо, по тем или иным причинам поддавшееся разрушительным импульсам, став точкой их проводимости, идеально для этого подходящей (он безэмоционален, незэмпатиен, готов к агрессии, деятельный и т.п.). Однако в то же время психопат как следствие распада субъекта по ходу действия, напротив, инвертируется в него: способность к отрицанию является его ключевой характеристикой и попыткой самоопределения. Психопат (в силу своего реально устройства) способен сказать «нет» всему – от социума до собственной жизни, что является высшим проявлением негации. В мире, предельно аннигилирующем человека и погружающим его в гиперреальность, сгущенное пространство, в котором растворяется любой импульс жизни, опосредуемый идеологией, общественным равнодушием, окружающей культурой, которые трансформируют индивидуальные жизненные порывы в свой продукт, человеку нужно качественно отличаться от окружающего пространства. Что может обратить на себя внимание большее, чем предельная деструкция? Тесно сопряженная с психопатической уникальностью, она становится пограничным состоянием между очеловеченным и внечеловеческим, обосновывающим выход за свои пределы и самоутверждение в мире в качестве самостоятельно действующей силы. Значение подобной деструкции состоит в ее критически радикальном характере, из-за чего в мировоззрении и философии становится возможным обозначение негативных моментов, связанных с подобной реализацией человеческого в бытии. Можно предположить, что фигура гения выбрана Зюскиндом неслучайно: идея гениальности – важнейший элемент европейской культуры, сближение внечеловеческого как с гениальностью, так и психопатией – становится точкой напряженного взаимодействия человека и социума, предполагающей новую ступень саморефлексии западной цивилизации.

3.3.3. Преодоление бессубъектности в «Осиной фабрике» И. Бэнкса

Мотив деструктивного самостановления наблюдаются и в другом значимом произведении постмодерна – в «Осиной фабрике» шотландского писателя И. Бэнкса. Подобно «Парфюмеру» с его переосмыслением мотива гениального творца, «Осиная фабрика» обращается к другому, близкому романтизму направлению – готическому роману⁵⁰⁷. Важной функцией готических произведений было не только описание общественных страхов, но и «проверка на прочность важнейшего создания эпохи Просвещения – социокультурной “нормы”, – для того, чтобы подорвать ее авторитет»⁵⁰⁸. Аналогичным образом Бэнкс, используя матрицу готической эстетики (образы Другого, обособленного пространства, монструозности и т.п.), вскрывает противоречия общественного устройства и его воздействия на личность, элиминирующее целостность и определенность человека.

В центре повествования «Осиной фабрики» – шестнадцатилетний подросток Фрэнк, живущий с отцом на безлюдном острове. Фрэнк считает себя абсолютным хозяином этой территории, власть над которой поддерживает с помощью разного рода ритуальных действий, предполагающих манипуляции с мертвыми и живыми существами, среди которых наибольшую ценность для Фрэнка представляет Осиная Фабрика – своеобразный оберег и хитроумно устроенный смертоносный инструмент предсказаний, дающий четкую стратегию действий и наделяющий героя властью и «правом» ее применять. Страшный секрет Фрэнка – совершенные им в детском возрасте убийства трех человек – брата, кузины и друга семьи. У Фрэнка не было четких (даже в его миропонимании) причин решиться на это, скорее им руководило стремление обозначить свой мужской характер, подразумевающий способность проявлять жестокость и выдержку, а также отомстить за собственные увечья – якобы случайную кастрацию маленького

---

⁵⁰⁷ См.: *Просвирникова М. С.* Тело монстра в романах И. Бэнкса «Осиная фабрика» и М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» // *Дергачевские чтения*, 2014. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015. С. 335–338.

⁵⁰⁸ Там же. С.335.

Фрэнка домашним псом. Однако по ходу повествования выясняется, что многочисленные попытки и усилия Фрэнка сконструировать свою мужественность имели ложный источник: Фрэнк – не мальчик, а девочка, эксперимент своего отца – псевдоученого, долгие годы пытавшегося с помощью разных опытов изменить ее пол, искусного манипулятора и обманщика.

Психоаналитическая идея бессубъектности предполагает, что человек подвержен двойному манипулированию. С одной стороны, на него оказывает давление собственное бессознательное, формирующее поведение, с другой – внешние правила (запреты и принуждения социальной среды). Двойственность установок – определенность и личным желанием, и внеличным должествованием – формирует невроз как способ сохранения целостности, важнейший элемент которой – присвоение внешнего как внутреннего, когда желания Другого становятся «личными» желаниями субъекта. Формирование субъекта властью прослеживается в идеях Л. Альтюссера, описавшего ситуацию «властного окрика», требующего взаимного видения властью человека и человеком власти, при том, что сам окрик (обращение властью внимание на человека) предполагает наличие у того некой вины. Таким образом, именно навязанный извне способ самоидентификации, ложь о том, что Фрэнк – мальчик, «не заслуживающий» быть таковым, заставляют его не просто действовать в связи с общественными ожиданиями, но сделать их болезненно-личными установками и убедить самого себя в соответствии предложенным моделям: «Возможно, в каждом случае я убивал из ревности, из мести <...> Видимо, я решил, что раз никогда не смогу стать мужчиной, то, лишенный природной мужественности, превзойду окружающих в мужественности приобретенной, – и так я стал убийцей, симитировал в миниатюре образ безжалостного солдата и героя, к которому вся известная мне

литература и кинематограф относятся со священным трепетом»⁵⁰⁹. В итоге в указанных произведениях психопатическое насилие имеет и следующий смысл: оно возникает в связи с необходимостью заполнить пробелы в «когнитивной карте» – ситуации отсутствия четкого осознания себя и понимания происходящего вокруг. Будучи обоснованным таким образом, это поведение вновь являет традиционную психопатическую модель в своей эгоистичности, отстраненности, холодности, безучастности, надменности и жестокости. Это необходимые качества, сознательно взятые героем из внешнего мира для своих целей. Фрэнк ведет себя как психопатическая личность, о чем свидетельствует весь его образ жизни: большую часть своего времени он тратит на умертвление живых существ – ос, кроликов и даже людей. При этом он проявляет себя как индивид совершенно спокойный и целенаправленный, циничный и хладнокровный, совершенные им убийства отличаются изобретательностью и сложным техническим инструментарием (поместить живую змею в протез, создать огромного воздушного змея, организовать взрыв военной бомбы). Совершая разнообразное насилие, Фрэнк «мстит» за собственную «неполноценность», пытается доказать окружающему миру и себе, что отсутствие мужских половых органов не лишает его мужественности, напротив, он более чем соответствует ее требованиям.

Вследствие обособленной жизни на острове вдали от людей, у Френсис – Фрэнка отсутствовал достаточный социальный опыт, чтобы раскрыть отцовский обман, поэтому на протяжении всего повествования он предстает как герой изувеченный, монструозный. Мотив монструозности – типично готический: отклонения фиксируются на уровне тела персонажа, однако выражают не столько физическое уродство, сколько моральное, репрезентацией которого и становится деформированная телесность⁵¹⁰. Фрэнк был вынужден вести себя согласно «мужской» модели, однако Бэнкс

---

⁵⁰⁹ Бэнкс И. *Осиная фабрика*. М.: Издательство «Э», 2017. С. 245

⁵¹⁰ Halberstam J. *Gothic Horror and the Technology of Monsters*. Duke University Press, 1995.

ни разу не намекает на то, что «естественная» часть Фрэнка тянулась к чему-то противоположному, что традиционно определяется как «женское»: сверхчувственности, телесности, пассивности (что заставляет вспомнить разнообразные гендерные исследования второй половины XX века, определяющие пол как продукт социальности⁵¹¹). В этой связи герой оказывается в особо трагичной ситуации – он не чувствует свою женскую сторону, мужская модель теперь тоже оказывается для него не необходимой. Возникает ситуация предельной неопределенности персонажа, отрицание его всякой субъектности, даже минимальной – половой.

Единый ранее человек в философии постмодерна распадается на множество осколков: у М. Фуко он выступает как пространство пересечения дискурсивных практик⁵¹²; Ж. Батай настаивает на случайности и недостоверности «Я», обретающего сущность лишь в момент смерти⁵¹³; Ж. Деррида возводит существование человека к моменту, когда, будучи функцией языка, он «становится означающим <...> вписываясь в систему различий»⁵¹⁴, Лакан, видит в человеке результат желания и языковых практик. Если субъект в постмодернизме не являет собой конкретно оформленное целое, а существует лишь в неопределенности и множестве дискретных моментов времени, человек (и литературный персонаж) в такой ситуации может чувствовать потерянность и отчаянное желание каким-то образом собрать воедино осколки личности, в которой ему отказано, явив их миру и застав его с собой считаться. Отчаянное положение, ситуация крайнего унижения и страха способны толкнуть любое существо на жестокость, а сильная боязнь смерти всегда связана с неудовлетворенностью прожитой жизнью. Настойчивое обращение к смерти «извне» связано с

---

⁵¹¹ Напр., *Васильева И.Б.* Гендер как социальная категория и ее характеристики // Вестник РГУ им. И. Канта. 2007. Вып. 2. Филологические науки. С. 70–76.

⁵¹² *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. - СПб.: А-сэд, 1994.

⁵¹³ *Батай Ж.* Из «Внутреннего опыта» // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века / сост. С.Л. Фокин. СПб.: Мифрил, 1994.

⁵¹⁴ *Деррида Ж.* Различие // Ж. Деррида. «Голос и феномен» и другие работы по теории знака. СПб.: Алетейя, 1999. С. 188.

упорным нежеланием «ставить под вопрос свое «естественное» бессмертие»⁵¹⁵: Фрэнк приходит в восторг от вида неестественной смерти, возможно, потому что страшится составить о ней «самой по себе» честное представление. Кажется, что заигрывание со смертью – его способ вырваться к жизненным пределам, отношение к ней как к развлечению – попытка оградить себя от ее ужаса, смешав реальность с игрой. В философии постмодерна смерть рассматривается как сила самообретения. М. Бланшо писал о человеке как существе, в котором «происходит становление смерти»⁵¹⁶, аналогично Ж. Деррида видел в смерти момент нахождения наедине с собой и обретения себя⁵¹⁷, бессмертие же, в формулировке Л. Борхеса – «утомительный способ сказать, что меня как такового нет»⁵¹⁸ (поэтому парфюмер Зюскинда и решается на самоуничтожение, прочувствовав «бессмысленность» божественного обожания и «вечности», которых ему удалось достичь). Смерть становится особой ситуацией, в которой человек себя полностью проявляет и обретает свою суть, идентифицируется как субъект. Однако замена реальной смерти симулякром скрывает это явление от человека, лишь неожиданная встреча с ней за пределами симуляционного подобия может своеобразно катарсировать переживание личности, что актуализирует иные (в т.ч. литературные) репрезентации смерти. Поэтому явное насилие – символ отчаянного поиска. «В ситуации невозможности принять какое-либо решение, любой предмет делается плохим, и единственной защитой становится противореакция, неприятие и отвращение. Это иммунная реакция организма, с помощью которой он стремится сохранить свою символическую целостность, иногда ценой жизни», – писал Ж. Бодрийяр⁵¹⁹.

---

⁵¹⁵ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 311.

⁵¹⁶ Бланшо М. От Кафки к Кафке. М.: Логос, 1998. С. 47-48.

⁵¹⁷ Derrida J. Donner la mort. Paris: Galilée, 1992.

⁵¹⁸ Борхес Х.Л. Бессмертный // Коллекция (сборник рассказов). СПб.: Северо-Запад, 1992. URL: <http://lib.ru/BORHES/kniga.txt> (дата обращения 13.05.2021)

⁵¹⁹ Бодрийяр Ж. Город и ненависть // Экспертно-аналитический портал «Новости Гуманитарных технологий». URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2006/656> (дата обращения: 11.05.2021).

В этой связи психопатические проявления оказываются детерминированы и внешними обстоятельствами. В рамках новой антропологической модели герои лишены реального влияния на происходящие в обществе процессы, их субъективность и историческая роль оказываются элиминированы. Главной задачей героя Бэнкса становится самоидентификация в условиях, когда ей намеренно препятствуют все обстоятельства, неслучайно рефреном романа служат фразы Фрэнка и его брата, обращенные друг к другу: вопросы «где ты?», «как ты там?». Соответствующее этому стремлению ослепление Фрэнка так велико, что, лежа на месте одного из своих преступлений – месте убийства брата – он сравнивает себя с Христом: «я там распластался, словно Христос какой-нибудь – открытый небу, грезящий о смерти»⁵²⁰. Психопатия становится новым способом формирования негативной субъектности в ситуации превращения зла исключительно в «социальную» проблему. Еще один знаменитый психопат XX века – доктор-интеллектуал Ганнибал Лектер из «Молчания ягнят» Т. Харриса (1988), сознательно противился вовлечению себя в подобную систему, где ошибка находится вне его самого, и стремился утвердить собственное зло как ядро личной самооценности: «Со мной ничего не случилось. Случился я. Вы не можете свести меня всего лишь к некоторому комплексу воздействий»⁵²¹. С этим и связан постмодернистский способ «вызова обществу» через обращение к обнаженному и девиантному натурализму, приводящий в мир психопатического персонажа. Этнолог Дж. Деверо утверждал, что в специфическом социальном устройстве – его патологическим или здоровом состоянии – нормальным человеком является тот, кто может продуктивно приспособиться к среде, выстраивая свое поведение путем отбора пригодных моделей действия⁵²², психопат же осознает внешнее происхождение требований культуры и потому относится к

---

⁵²⁰ Бэнкс И. Указ. соч. С. 89.

⁵²¹ Харрис Т. Молчание ягнят. М.: Эксмо, 2021. С. 29.

⁵²² Деверо Дж. Очерки по общей этнопсихиатрии. / А.А. Белик // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология. М.: Смысл, 2001. С. 134–173.

ним враждебно. Однако нельзя не заметить корреляцию модели психопатического поведения с общественными условиями, при которых психопатия начинает соответствовать той модели человека, который способен полностью усвоить идущие извне культурные паттерны. Так психопат трансформируется в человека предельно «нормального», а его качества, актуализированные и поддержанные философией эпохи, закрепляются в общественном сознании, однако со временем утрачивают героический потенциал: в обществе возникает иной тип психопата, который через принятие данной стратегии оказывается не романтизированным борцом за обретение себя, но упрощением и выхолащиванием этой модели.

3.4. Психопатия и массовая культура

3.4.1. Массовая культура: проблема определения и феномен массового человека

Англоязычную культуру второй половины XX века принято определять как массовую или популярную: несмотря на кажущуюся синонимичность, данные понятия отнюдь не эквиваленты⁵²³. Массовая культура в рассмотрении теоретиков является детищем индустриального общества с его производящими гомогенные товары технологиями тиражирования, соответствует условному «среднему» вкусу и представляет собой продукцию довольно низкого качества, ориентированную на удовлетворение потребностей самой широкой публики, не претендующую на долговечность произведений. В отличие от массовой, популярная культура более сложна: она находится во взаимодействии с разными видами культур (включает в себя элементы элитарной и народной культуры) и как бы тянется «ввысь», стремится закрепиться в традиции, ее произведения не только понятны публике, но и полезны для нее⁵²⁴.

---

⁵²³ Работы Г. Ганса, У. Макдональда, Л. Ловенталя, П. Зиффа и др.

⁵²⁴ *Macdonald D. A Theory of Mass Culture // Diogenes. 1953. No. 3. P. 1–17.*

Полноценное обращение философов к данной теме происходит, как известно, на рубеже XIX – XX веков, когда развернувшийся процесс массовизации общества попал в фокус внимания таких мыслителей, как Г. Лебон, Г. Тард, З. Фрейд, Н.А. Бердяев и др. Многочисленные исследования 30–40-х гг. XX фиксировали предельно кричное отношение философов к массам: заложенная Х. Ортегой-и-Гассетом традиция рассмотрения массового человека как ограниченного и самоуверенного, полагающего свои желания и потребности самыми значимыми, а представления о морали и эстетике – абсолютными, была продолжена в работах теоретиков Франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, В. Беньямин и др.), также подчеркивающих негативные проявления массового общества в социальной, политической и духовной жизни. По мнению франкфурцев, массовая культура тотальна, не созидательна, она лишь воспроизводит усредненные стандарты, порождая скуку и отупляя реципиента, так как «зритель не должен иметь никакой потребности в собственной мысли»⁵²⁵, а «мораль массовой культуры является упрощенной моралью детских книжек вчерашнего дня»⁵²⁶. Такая культура порождает «человека – локатора» (Д. Рисмен), «одномерного человека» (Г. Маркузе), который все больше отчуждается от общества и себя.

Популярная культура отделяется от массовой постепенно, как ее особое измерение, «актуализация коммерчески произведенного содержания в культурных практиках, в живом непосредственном опыте потребителей»⁵²⁷. Эта культура, прежде всего, имеет медийный характер, опосредующий все события социальной жизни, и отличается большей интеллектуальной наполненностью. О ней заговорили во второй половине XX века, в 1950–1960-х гг. в связи с идеями обусловленности культурных практик

---

⁵²⁵ Хоркхаймер М., Адорно Т. Дialeктика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум; Ювента. 1997. С. 171.

⁵²⁶ Там же. С. 190.

⁵²⁷ Соколова Н.Л. Популярная культура в эпоху «новых медиа»: социальный анализ культурных практик / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Самара: Самарский государственный университет, 2010. С. 14.

социальными и властными отношениями (Г. Ганс, У. Макдональд, Л. Ловентал, П. Зифф, Cultural Studies), а анализ 70-х гг. (Д. Белл, Э. Шилз, Ж. Фурастье, Э. Тоффлер и др.) подчеркнул произошедшее культурное усреднение, когда ценности, ранее принадлежавшие лишь элите, стали доступны большинству. Однако особый подход к трактовке популярной культуры связан с мыслью постмодернизма, в русле которого и выкристаллизовалась ее оригинальное прочтение. Его влиятельные философы – Ф. Джеймисон, Ж. Бодрийяр, Р. Барт, У. Эко, С. Жижек и др. во многом рассматривают тему массовости как центральную, при этом их главная теоретико-методологическая установка состоит в принятии массовой, т.е. популярной культуры как нового типа культуры, к которому не применимы классические модели анализа. В фокусе внимания постмодернистов – такие вопросы, как соотношение подлинника и копии (У. Эко отмечал, что в новой культуре реальность отражается не непосредственно, но через разнообразные и многочисленные интерпретации, в которых знаком может выступать любой объект, способный стать передатчиком смысла); тема телесности как одной из фундаментальных основ человеческого существования⁵²⁸ (идеи М. Фуко, Ж. Лакана, Р. Барта, Ж. Бодрийяра и др., в которых «натуральное тело становится анахронизмом, будучи замененным “паникующим”, “агонизирующим”, а классическая характеристика “тела как тюрьмы духа” сменяется постулатом <...> о “духе, ставшем тюрьмой тела”»⁵²⁹); способность технологий и СМИ создавать гиперреальность (Ж. Бодрийяр). Тем самым популярная культура, образующая поле существования людей, оперирует своеобразным инструментарием, полагает собственные смыслы и тексты.

Пытаясь преодолеть негативные коннотации массовой культуры, которая по умолчанию воспринимается как профанная, кичевая, тривиальная,

---

⁵²⁸ Идея панфизиологизма З. Фрейда, «власти - знания» М. Фуко, символической природы желания Лакана, телесности текста Барта, мышления соблазна Бодрийяра и др.

⁵²⁹ Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Москва: московский гуманитарный университет, 2003. С. 21.

невыразительная, постмодерн использует различные приемы ее эстетизации в качестве альтернативы высокой культуре. Возникает мысль, что массовая культура выполняет и ряд общественных функций: является терапией от семейных и социальных проблем⁵³⁰, включает индивида в среду, предлагая ему стратегии поведения в зависимости от характера самого человека или окружающей его группы, в связи с чем ее неверно бесконечно обличать. Тенденции искусства постмодерна, которое стремится раствориться в жизни, сблизиться с эстетикой повседневности, элиминируют разрыв между массовым искусством и элитарным, противоречие между ними снимается как неадекватно отражающее реальность. В 1980–1990-х гг. в исследованиях разных аспектов этого явления продолжилась линия их легитимации (так, М. Серто рассматривал потребление как творческий процесс, а П. Бурдьё продемонстрировал исторический характер «чистой эстетики», что также способствовало снятию оппозиции «высокой» и «низкой» культуры).

Оставив позади многочисленные дебаты по этому вопросу, большинство философов смирились как с существованием массовой культуры, так и с идеей о взаимопроникновении высокой и низкой культур, хотя апелляции к их дихотомии и критическое рассмотрение результатов смешения все еще актуальны. К примеру, возникает выделение «хорошего» и «плохого» массового искусства (Стюарт Холл)⁵³¹, в этом же ключе американский культуролог Ф. Рифф, обращаясь к теме его социальных последствий, указывал, что современная ситуация культурной вседозволенности «привела к искажению представления о нормальном. Норма перестала быть таковой и стала девиацией, в то время как маргиналы стали обыкновением этой культуры»⁵³². Это высказывание затрагивает важный вопрос о том, как соотношение нормы и патологии представлено в массовом обществе.

---

⁵³⁰ Рифф Ф. Триумф терапевтического: как используют веру после Фрейда // Логос, № 62, 2007. С. 273.

⁵³¹ Павлов А.В. Постпостмодернизм. Как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Издательский дом «дело» РАНХиГС, 2019. С. 43.

⁵³² Там же. С. 45.

В самом общем, классическом понимании «нормальными» считаются те элементы, которые находят оправдание в конкретном обществе или поддерживаются большинством индивидов⁵³³. Однако содержание данных понятий, безусловно, находится в зависимости от конкретных социально-исторических условий существования социума и специфики его культурной системы, поэтому для фиксации их актуального прочтения уместно обозначить некоторые особенности современной культуры. Не касаясь широкого круга вопросов о норме и патологии как таковых, кажется необходимым отметить особый интерес к насилию в искусстве времени. Несмотря на безусловную представленность насильственных и антисоциальных действий в обществе любого типа, их репрезентация, как было отмечено ранее, не является устойчивой константой. Очевидно, что на протяжении времени способы осмысления и художественные образы воплощения насилия меняются, однако исследователи настаивают на их принципиальной трансформации во второй половине – конце XX века. Считается, что в это время произошла так называемая эстетизация насилия, в культуре повысилось содержание его зрелищных, чувственных образов наряду с редуцированием их ценностного содержания.

Согласно Бодрийяру, зло столь тотально проникло в разные сферы общественной жизни, что люди вообще утратили способность видеть его в «реальном» аспекте, не опосредованным эстетической или релятивистской логикой (например, Р. Розенбаум отмечает, что сегодня личность Гитлера негативно оценивается удивительно малым количеством людей)⁵³⁴. Эстетизация насилия включает в себя как эстетико-художественные, так и культурно-мировоззренческие аспекты, при этом она репрезентирует насилие посредством акцентирования его внешних, часто – зрелищных форм, делает насильственные образы притягательными и не подверженными традиционной нравственной оценке. В культурной среде возникают

---

⁵³³ *Нетепенко А.Е.* Антропологические нормы и патологии в культуре // Наука. Искусство. Культура, № 2, 2019. С. 151–154.

⁵³⁴ См.: *Rosenbaum R.* Указ. соч.

дискурсы «поэтизированного», комического, «архаизированного» насилия, его «витализация», эстетизация отвратительного и т.д.⁵³⁵ Представляется, что столь широкое обращение к насилию не может не коррелировать с общим состоянием социума, и востребованность насильственной тематики является следствием мироощущения людей – их целей, нужд, страхов. Причины репрезентации насилия массовой культурой активно анализируются (в работах отечественных (В. Шестаков, А. Кукаркина, Д. Рейнгах и др.) и зарубежных авторов (Л. Бозеро, Дж. Д. Слокум, С. Принс др.), исследователи подчеркивают роль как внешних обстоятельств, так и значение внутреннего мира отдельного человека. Таким образом, обращение к насилию имеет двойную природу – это и следствие устойчивой биологической предрасположенности человека к агрессии, и отклик на конкретную культурную ситуацию с ее идеалами, ценностями и требованиями.

Именно массовизация и демократизация культуры могли стать причинами описанного поворота к репрезентациям деструктивности, так как они, согласно указанной выше логике рассмотрения феномена массового общества, вывели на сцену безответственного, нетворческого потребителя – массового человека, сосредоточенного исключительно на личных прихотях. Новый субъект мыслится как инфантильный, заявляющий право на немедленное удовлетворение своих желаний, нетерпеливый и склонный к импульсивности, подверженный иллюзиям и уверенный в личном всемогуществе. Заручившись ценностями свободы, плюрализма и всеобщего признания, он гедонистически воспринимает собственное Я как центр мира, личная воля для него становится источником добра, истины и красоты, «он вынужден преодолевать скуку своего существования, так как является депроецированным и децентрализованным человеком, вынужденным все время репроецировать себя на эстетическое Другое, искать новые, все более

---

⁵³⁵ Тропинина И.Г. Экранное насилие и способы его эстетизации в современной культуре / автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Волгоград: Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 2012. С. 8.

острые ощущения»⁵³⁶. От современного человека требуется гибкость, затрудняющая реализацию единого мировоззрения, создание им социальных связей зачастую имеет характер функциональной полезности, где отсутствуют глубина и искренность. В таких условиях люди во многом возвращаются к «чувственности», полагаясь на нее как на устойчивую данность, что формирует соответствующую ориентацию искусства – на телесность, чувственное кодирование эмоций, актуализацию архаичных зрелищных форм, чему абсолютно соответствует насилие, репрезентирующее интерес человека к телесности, витальным и аффективным проявлениям.

Описанная социально-культурная ориентация полностью соответствует модели психопатии с ее эгоистичностью и самоуверенностью, отрицанием морали, чувственностью, манипулятивностью, склонностью психопатов к острым ощущениям, немедленному удовлетворению желаний и тотальной безответственности. Представляется уместным констатировать, что «ординарный» человек массового общества актуализирует типично психопатические установки, постепенно проникающие во все сферы жизни. В контексте массовизации сознания возникает новое прочтение психопатии: в пространство культуры входит тип инфантильной психопатичности, воспроизводящей соответствующую поведенческую модель «обычных» людей. И хотя такой персонаж по-прежнему деструктивен, психопат больше не выступает как отчаянный борец за свою индивидуальность, а становится метафорическим воплощением разрушительности массового человека.

Вообще в рамках массовой литературы широкое внимание к личностям, задействующим психопатические стратегии, неизбежно («Ярость» С. Кинг, Р. Бахман, «Способный ученик» и «Мизери» С. Кинг, М. Этвуд «Невеста – разбойница», «Сговор остолопов» Дж.К. Тул, «Приют» П. Макграт, «Незнакомцы в поезде» П. Хайсмит, «Толстая тетрадь» А. Кристоф, «Красный дракон» Т. Харрис, З. Хеллер «Скандалный дневник», романы Дж. Томпсон «Убийца внутри меня», Ф. Пулман «Темные начала», Т.

---

⁵³⁶ Там же. С. 17.

Пратчетт «Санта Хрякус», «Вещие сестрички» и др.). Не имея возможности проанализировать каждый образ, остановимся на двух особо примечательных тем, что они, как представляется, ориентированы не только на создание самостоятельной художественной реальности, но улавливают и отражают изменения, происходящие в широком культурном контексте. Романы «Коллекционер» Дж. Фаулза (1963) и «Мизери» С. Кинга (1987) посредством использования психопатических образов критикуют ординарное сознание, здесь герои-психопаты предстают как примитивные, хитрые и самоуверенные люди.

3.4.2. «Маленький человек» и психопатия: разрушительность ординарного сознания в «Коллекционере» Дж. Фаулза

В «Коллекционере» британского писателя Дж. Фаулза рассказана история мелкого клерка Фредерика Клегга, собирателя бабочек, который решился украсть объект своего вождения – девушку, несколько раз виденную на улице. Миранда – похищенная студентка – представительница «элитарного» художественного общества, обладающая определенным набором социальных предрассудков, является полной противоположностью Клегга, который получает от нее прозвище Калибан – в честь яростного и противоречивого персонажа Шекспира.

Нездоровая психика нового Калибана проявляется уже в самом характере его увлечений: только коллекционер, маньяк, психопат может с хладнокровным интересом наблюдать за мучениями и медленным угасанием жизни в своих жертвах. К краже наиболее ценного и сложного экземпляра – Миранды – Клегг готовится с особой тщательностью, продумывая ее на протяжении нескольких месяцев. Подобная хитрость не столько умственной, сколько интуитивной природы, необычайная целенаправленность, как и коварство, лживость – помогают ему воплотить задуманное. Все это – характерные психопатические черты, во всей полноте сосредоточенные в Клегге. Обращает внимание и его необычное умение подчинять себе

окружающих, его легкомысленная деструктивность, безмерный эгоизм при внешней обманчивой безобидности, что типично для психопатов, обаяние которых зачастую становится фатальным для жертв. Непонимание не только чужих, но и собственных чувств Клегом Миранда трактует как отсутствие у него души: похититель равнодушен к страданиям пленницы и, несмотря на влечение к девушке, абсолютно не осознает трагизма ее положения. В своем дневнике девушка пишет: «пытаешься достучаться до его сознания, и оно будто бы откликается, но уколов совести он не чувствует, ему не больно»⁵³⁷. При этом Клегг предстает как искусный обманщик и манипулятор, «он добился того, что я веду себя именно так, как ему хочется <...> Мне здесь так одиноко. Он, должно быть, прекрасно это видит. И пользуется этим, чтобы заставить меня чувствовать свою зависимость от него»⁵³⁸.

Важно, что созданный Фаулзом персонаж обладает и такой характерной чертой психопатов, как абсолютный отказ от ответственности: «Я не мог ничего сделать, я ведь не хотел, чтобы она умерла, но не мог рисковать, не мог позвать на помощь, я был просто раздавлен, всякий тогда мог бы это понять»⁵³⁹; «я все думал о ней, даже подумал, может, и моя вина была в том, что она сделала, из-за чего потеряла мое к ней уважение, а потом подумал, нет, она сама во всем виновата, сама напросилась и получила по заслугам»⁵⁴⁰. Данная черта свойственна большинству психопатов, особенно если дело касается потакания личным прихотям. «Психопатический индивидуум психологически это младенец во взрослом теле. Младенец делает то, что он хочет делать, когда хочет этого. Внутренний полицейский развивается обычно между двумя и семью годами. У некоторых людей он никогда не развивается. Недостаточно. Психопат, в основном, является человеком, который функционирует на уровне предоставления удовольствия

---

⁵³⁷ Фаулз Дж. Коллекционер: рассказы. М.: Эксмо, 2012. С. 148.

⁵³⁸ Там же. С. 155.

⁵³⁹ Там же. С. 317.

⁵⁴⁰ Там же. С. 320.

себе за счет окружающих его людей»⁵⁴¹. Инфантилизм персонажа определенно связан с некой умственной неполноценностью: развитость в одних сферах соседствует с его скудным умом в целом. Психопатические особенности, которые могут быть врожденными, по-видимому, были поддержаны воспитанием Клегга истеричной и глупой теткой, привившей ему традиционные правила поведения, смысл и значение которых он просто не понимает. В связи с этим многие его выражения и поступки выглядят нелепыми и архаичными, лишь подчеркивая неразвитость эмоционального интеллекта. Характерно, что фамилия КлеGG отсылает к английскому слову «cleg» (овод, слепень), символика имени косвенно отражает всю манеру его существования.

Возникает ситуация нелепой претенциозности: КлеGG стремится следовать моделям, которые считает характерными для «высшего» общества, олицетворяемого Мирандой, но терпит абсолютный провал. Сама девушка, которой, по замечанию ряда исследователей, свойственно ощущение личного превосходства, воспринимает КлеGGа столь снобистски, что диалог между ними оказывается невозможен: каждый герой представляет свой мир – ограниченный и неспособный принять явления, отличающиеся от привычных каждому из них моделей. Зачастую это трактуется как трагизм положения КлеGGа: лишенный возможности получить качественное образование и вести тот образ жизни, который был доступен его узнице, он становится жертвой социального неравенства, а высший класс в лице Миранды предстает эгоистичной стратой, не желающей опуститься до помощи простым смертным и потому виновным в их положении⁵⁴².

---

⁵⁴¹ *Markman Dr.*: «The psychopathic individual is psychologically an infant in an adult body. An infant does what he wants to do when he wants to do it. The internal policeman develops ordinarily between 2 and 7. In some people it never develops. In some, it is deficient. The psychopath, basically, is an individual who functions at the level of providing pleasure for himself at the expense of others around him». Цит. по: *Weber B. Cozying Up to the Psychopath That Lurks Deep Within // The New York Times*, 1991. URL: <https://mobile.nytimes.com/1991/02/10/movies/cozying-up-to-the-psychopath-that-lurks-deep-within.html> (дата обращения: 11.05.2021)

⁵⁴² См. напр.: *Новикова Е.Э.* Особенности поэтики постмодернизма (на примере романа «Коллекционер» Дж. Фаулза). URL: <http://rep.brsu.by/handle/123456789/5481> (дата обращения 18.05.2021)

Такая трактовка представляется романтизированной и находящейся под излишним влиянием социальных и либеральных ценностей. Факт психопатии Клегга меняет ракурс оценки его поведения. В силу своих свойств он не ищет перемен, а, скорее, упивается положением маленького человека, оправдывающим совершение им аморальных поступков, Клегант стремится утвердить модель поведения, удовлетворяющую его интересы, и упивается своей властью, которую впервые в жизни смог почувствовать. В этом контексте психопатия становится принципиально важной характеристикой персонажа, позволяющей более точно понять смысл его действий. Не только его узница, но и сам Клегант живет в подвале – умственном, в которого он, подобно Миранде, безальтернативно заточен. Манера повествования от первого лица раскрывает перед читателем его внутренний мир и способ существования: речь персонажа крайне бедна и тавтологична, суждения необдуманно, скоропалительны и бессвязны. И хотя он старается вести себя добропорядочно, мысль о насилии постоянно преследует его. Возможно, деструктивность психопатии не явлена в романе в откровенно насильственном ключе в связи с тем, что время создания «Коллекционера» – начало 1960-х гг. – еще не характеризуется той степенью повсеместного распространения насильственных образов, которая будет характерна для конца века. При этом, не толкая героя на безумную и зримую деструкцию, Фаулз тонко демонтирует ужас скрытой жестокости и ту смертоносность и разрушительность, которые несет примитивное сознание.

Изобразивший мир «маленького человека» в «Записках из подполья», Ф.М. Достоевский писал: «это лицо рекомендует самого себя, свой взгляд и как бы хочет выяснить те причины, по которым оно появилось и должно было явиться в нашей среде»⁵⁴³. Для писателей второй половине XX века также важно выявить новые соотношения между человеком и культурой, и содержание произведения Фаулза, безусловно, соответствует новой картине

---

⁵⁴³ Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Собр. Соч. в 12 т. М.: Правда, 1982. Т.2. С. 400.

мира, способам мировосприятия и поведения людей. Любопытно, что в год издания «Коллекционера» – 1963 – было напечатано эссе Х. Арендт, в котором она крайне негативно высказывалась по поводу того, что массы растаскивают и разрушают высокую культуру⁵⁴⁴. Таким образом, «коллекционер – это философско-психологический, реалистично-гротескный роман о противостоянии массовому обществу и массовой культуре, о последствиях сопротивления и сосуществования потребительски-утилитарного, массового и высокоинтеллектуального мировоззрений, также пораженного вирусом гордыни и спеси по отношению к собственному антиподу»⁵⁴⁵. Сам Фаулз назвал своего героя исторически детерминированным – идея сюжета пришла к писателю из газеты⁵⁴⁶. В то же время корни истории уходят в юношеские мечты автора, когда он воображал ситуации, в которых волей случая оказался один на один с интересующей его девушкой в каком-нибудь безлюдном пространстве, таким образом Клегг просто отважился в некоем смысле воплотить то, что не может себе позволить обычный человек.

3.4.3. Психопат в роли читателя: «Мизери» С. Кинга

Аналогичная ситуация изображена в романе «Мизери» (1987) американского писателя С. Кинга, где представитель творческой профессии – знаменитый писатель Пол Шелдон – также оказался пленником психопатического персонажа, использующего узника в своих целях – бывшей медсестры Энни Уилкс.

Покончив с серией дамских мелодраматических романов про молодую женщину Мизери и убив в последнем главную героиню, Пол чувствует себя освобожденным от ненавистного сюжета, умаляющего его интеллектуальные притязания. Празднуя завершение работы над новым романом – «Быстрыми

---

⁵⁴⁴ Арендт Х. Кризис в культуре / Арендт Х. Между прошлым и будущим. М.: Издательство Института Гайдара, 2014. С. 291–333.

⁵⁴⁵ Анализ произведения «Коллекционер» URL: <http://www.lang-lit.ru/2016/06/analiz-romana-kolleksioner.html> (дата обращения: 14.03.2021).

⁵⁴⁶ Conradi P. John Fowles. L.: Macmillan, 1986.

автомобилями» – его «выстраданным» первым серьезным произведением, которое, как уверен Пол, обеспечит ему место в творческой элите, он перебирает с алкоголем и попадает в ужасное дорожное происшествие, в котором выживает лишь чудом. Чудо, спасшее Пола – это Энни Уилкс, его «самая большая поклонница». Необычайно сильная женщина и бывшая медсестра, она относит находящегося без сознания писателя к себе домой, где начинает о нем «заботиться». Что он «чертовски влип»⁵⁴⁷, Пол осознает практически сразу: несмотря на материнскую улыбку и кажущуюся доброту, психопатические проявления Энни Кинг заявляет с самого начала. Сделав Пола, который из-за сломанных ног оказался обездвижен, фактически своим пленником, Энни свободно проявляет личную власть. Не способная воспринимать критику, она может заставить Пола мучиться от сильной боли, оставляя его без лекарства, или принудить запивать таблетки водой, которой только что мыла полы – в наказание за то, что узник ее разозлил. Свою психопатичность Энни демонстрирует почти в каждой сцене романа: женщина обладает огромным самомнением, подвержена вспышкам гнева, стремится манипулировать героем («Вы же понимаете, что обязаны мне жизнью, Пол?»), крайне жестока (за то, что Пол вышел из комнаты, она отрубает ему ступню, за противоречие ей – отрезает ножницами палец и т.п.). При этом характерно, что Энни совершенно не способна осознать свои поступки: приступы жестокости сменяются добродушным настроением, и сама она искренне верит, что именно Пол во всем виноват, ведь он ее «злит». Со временем ее необузданный и непредсказуемый нрав, а в определенные моменты и потеря Энни некоего управляющего центра, порождает в герое чувство перманентного ужаса и лишает его силы на сопротивление. Вообще психопат вызывает у человека специфическое ощущение, многократно зафиксированное специалистами: «Истории из клинической практики и отчеты из повседневной жизни изобилуют высказываниями тех, кто столкнулся с этими безжалостными социальными хищниками:

---

⁵⁴⁷ Кинг С. Мизери. М.: АСТ, 2018. С 14.

таинственными, интуитивными афоризмами типа «у меня волосы на загривке стали дыбом» или «у меня мурашки поползли по телу» <...> «Я чувствовал себя его обедом», «испытал отвращение, антипатию, притяжение», «дыхание зла прошло сквозь меня»⁵⁴⁸. Ужас, внушаемый психопатической личностью, аналогичен ужасу встречи с абсолютным злом, описанным Фрейдом⁵⁴⁹. Существо, которое за образом живого человека скрывает некую механистичность, автоматическую бездушность – вызывает сильный эмоциональный отклик как у героя, так и у читателя (зрителя), и эксплуатирующее подобный мотив произведение становится классическим образцом популярной культуры, для которой важно эмоционально воздействовать на реципиента.

Мировосприятие Энни пронизано ненавистью к окружающему миру, существование для нее приняло форму «непрекращающегося борцовского поединка: Энни Уилкс против единой гнусной, наносящей со всех сторон удары команды “Гребаных Щенков”»⁵⁵⁰. Поэтому она не брезгует убийствами, которые начала совершать с одиннадцатилетнего возраста: Энни ведет особый альбом, где собирает информацию обо всех своих жертвах. Обнаруживший эту книгу Пол с ужасом видит, что в ней содержится информация почти о полусотне жестоких преступлений, а саму Энни люди прозвали «драконом в юбке». Единственное, что способно вызвать в ее душе теплоту – это книги о Мизери, которые Энни обожает. С этим фактом связана основная сюжетная струна романа, позволяющая рассматривать его как достойное внимания произведение популярной культуры, которое, следуя духу времени, затрагивает вопрос о взаимоотношении читателя и автора.

По сути фигура Энни, заточившей Пола в своем доме и заставившей его приступить к работе над новой книгой о Мизери, выражает ту диктатуру читателя и смерть автора, о которой писали постмодернисты (Р. Барт, М.

---

⁵⁴⁸ Датток К. Указ. соч. С. 31–32.

⁵⁴⁹ Фрейд З. Жуткое // Фрейд З. Художник и фантазирование (сборник работ). М.: Республика, 1995. С. 265–281.

⁵⁵⁰ Кинг С. Указ. соч. С. 340.

Фуко). Энни не только принуждает Пола воскресить ненавистную ему героиню, так как ей очень хочется прочесть продолжение ее истории, но и уничтожает произведение, на которое сам Пол возлагал большие надежды и которое считал своим лучшим творением – «Быстрые автомобили». Возмущенная тем, что в новом романе «Тяжело следить за сюжетом. Он не так интересен <...> А сколько грубости!»⁵⁵¹, Энни искренне стремится наставить Пола на истинный путь и заставляет его «добровольно» сжечь рукопись: «это мерзость. Она вас до добра не доведет <...> Вы добрый, Пол. Вам только бывает нужна помощь»⁵⁵². И хотя, по мнению Пола, автор не так властен над героем, как воображает читатель, и Мизери умерла неожиданно даже для него самого, а понять новый роман Энни не смогла в силу своей глупости, в связи с чем она не должна предъявляться к нему никаких претензий, именно читатель одерживает победу: «Быстрые автомобили» обратились в золу, а Пола уже ждет пишущая машинка, на которой ему предстоит создавать «Возвращение Мизери». В образе Энни причудливо смешиваются восхищение Полом – творцом, автором ее любимой сказки, и одновременно жесткие, редакторские требования, претензии к развитию сюжета и действиям персонажей, женщина в некотором смысле даже пытается повлиять на работу писателя, навязывая идеи, которые ей хотелось бы увидеть на страницах нового произведения. Интересно, что и сам Пол, ненавидящий Мизери и одновременно создающий книги о ней, находит удовольствие в погружении в мир вымысла, что в некотором роде снимает жесткое противоречие между высокой и низкой культурой, вполне в духе времени иллюстрируя аналогичные идеи теоретиков.

И все же в большей степени именно читатель делает автора заложником своего вкуса и своих ожиданий. Необразованная и ограниченная, Энни метафорически отражает ожидания многочисленных поклонниц Пола, для которых романы о Мизери стали частью жизни. Психопатия Энни Уилкс

---

⁵⁵¹ Там же. С. 39.

⁵⁵² Там же. С. 56–67.

– яростная, очевидная и незнающая преград, явным образом олицетворяет диктат массовых требований, стремящихся подчинить себе творческий процесс и равнодушных к высокому искусству, заботящихся лишь о собственной потребности в легких развлечениях. Таким образом, психопатия в романе приобретает особо содержание – она выражает не только разрушительность массового сознания, но и его безапелляционную ярость, самоуверенность, упорство и требовательность, которые находят наиболее наглядное выражение в яркой фигуре психопата.

Удивительно, но несмотря на свое деструктивное поведение, Энни Уилкс на протяжении романа не вызывает исключительно отрицательных эмоций. В определенные моменты она кажется не монстром, а женщиной, способной на заботу или заслуживающей сочувствия. Сам Кинг писал, что постепенно в отношении к ней начинает преобладать жалость⁵⁵³. Этот релятивизм в отношении к явному антагонисту – типичное явление времени, о чем шла речь выше. Во второй половине XX века насильственные образы не только вошли в широкое пространство культуры, но и приобрели функциональную нагрузку, отличную от традиционно негативной. Однако вновь обращение к реальному явлению – психопатии – помогает критически переосмыслить культурную модель. Пол Шелдон, оказавшийся жертвой психопатического персонажа, замечает: «ты <...> вытащила меня из разбитой машины и заперла здесь. Чтобы ездить на мне. И в твоих глазах я время о времени замечая, что какая-то часть тебя осознает это. Присяжные, возможно, сняли бы с тебя обвинение по причине психической ненормальности. Но я не прощу тебя, Энни»⁵⁵⁴. Будучи сколь угодно романтизированной, психопатия остается психопатией – разрушительной, жестокой, причиняющей обычному человеку огромную боль.

Из вышесказанного необходимо резюмировать, что обращение к психопатии в связи с проблематикой массовой культуры представляется

---

⁵⁵³ Кинг С. Как писать книги. М.: АСТ; Астрель; Полиграфиздат, 2001. С. 316.

⁵⁵⁴ Кинг С. Мизери. М.: АСТ, 2018. С. 92.

значимой темой, олицетворяющей «маленького», но самоуверенного человека, который в определенный исторический момент получил власть и теперь пытается ее реализовать, уничтожая те сферы прекрасного и высокого, которые он в силу своей ограниченности не способен постичь. Диктат примитивных чувств и желаний – это безусловная черта психопатов, нашедшая отражение в искусстве и особо зазвучавшая в общей проблематике времени. В итоге на сцену в лице психопата выходит массовый человек, и те проявления, которые раньше порицались, перемещаются в пространство нормы, будучи приемлемыми большинством. Восприятие психопатичности меняется, и хотя это все та же разрушительность, неясно, что является более страшным: яростные психопаты, которые борются за свое «я» или «растворенные» в культуре индивиды, девиантность которых перемещается в пространство нормы и трансформируется в общественную установку.

Далее своеобразная эволюция психопатии, как представляется, не заканчивается: от инструмента рефлексии и поиска, она переходит к самоценному воплощению, и образы психопатического насилия настолько встраиваются в пространство культуры и жизни, что становятся их естественным и необходимым элементом.

Глава 4. Психопатия в модусе современности

Для каждого времени, по замечанию К. Ясперса, характерен определенный склад душевной жизни или конкретное душевное расстройство, определенное спецификой эпохи⁵⁵⁵: так истерия становится характерной чертой Средних веков, а шизофрения – феноменом, отражающим ситуацию XX века. Продолжая эту линию, кажется уместным определить психопатию как функциональную модель современного общества.

От внимательного взгляда не может ускользнуть, что сегодня социум поддерживает характеристики, во многом апеллирующие к психопатии. С одной стороны, традиционно психопатические установки в XXI веке превратились в мифы, в русле которых общественное сознание формирует свое отношение к жизни: как нечто естественное воспринимается мгновенная реализация желаемого и быстрый успех, роскошный, не обремененный тяжелым трудом, образ жизни. Определенной самоцелью становится внешняя демонстративность, а быстроменяющийся мир, испещренный призывами жить моментом, затрудняет формирование долгосрочных стратегий развития. Пользовательское отношение к предметам, людям и даже теориям порождает проблемы в построении длительных отношений, что вкупе с поверхностным общением и опосредованным технологиями дистанцированием обедняет человеческие когнитивные функции (известно, что разветвленные нейронные сети формируются в процессе традиционной модели социальности, предполагающей сложное, личное и долгосрочное взаимодействие)⁵⁵⁶. При этом сами условия общественной жизни облегчают реализацию антисоциального поведения: не связанным групповой моралью и солидарностью индивидам становится легче нарушать все менее значимые социальные нормы и уходить от ответственности, скрываясь в разросшемся и

---

⁵⁵⁵ Ясперс К. Стринберг и Ван Гог. СПб.: Прогресс, 1999.

⁵⁵⁶ Курпатов А.В. Чертоги разума. М.: Капитал, академия смысла, 2019.

обезличенном пространстве больших городов. Все перечисленное явным образом воспроизводит характерную для психопатов модель поведения. При этом деловой мир и индустрия шоу-бизнеса, где преобладают психопатические качества (жестокость, целеустремленность, способность «идти по головам» в первом и внешнее очарование, тяга к славе и признанию во втором), культивируют данную стратегию действий, полагая ее в качестве общественно одобряемого и желанного образца.

На необычайное распространение психопатии в современном мире обращают внимание ее авторитетные исследователи: «общество становится более психопатическим <...> сейчас происходят вещи, которых не было двадцать и даже десять лет назад. Подростки становятся невосприимчивы к нормальному сексуальному поведению из-за того, что слишком рано сталкиваются с порнографией в Интернете. Сайты по аренде друзей приобретают в сети все большую популярность, потому что люди либо слишком заняты, либо слишком раздражительны, чтобы обзаводиться настоящими друзьями. И <...> я читал некий отчет, который устанавливает связь между увеличением числа банд, целиком состоящих из женщин, со все более насильственной природой современной культуры видеоигр»⁵⁵⁷, – говорит основоположник современного подхода к исследованию психопатии, канадский профессор Р.Д. Хаэр. О прогрессии психопатии свидетельствуют и социальные исследования, выявившие уменьшение уровня эмпатии у студентов колледжей на 40% за последние двадцать лет⁵⁵⁸, а статистические обзоры фиксируют резкое увеличение поисковых запросов по ключевому слову «психопатия» в «Академии Google» с 1993 года⁵⁵⁹.

Происходящие в обществе изменения необходимо отражаются в широкой области духовной жизни, затрагивая все ее формы – искусство, групповую мораль, философию и футурологию.

---

⁵⁵⁷ Даттон К. Указ. соч. С. 165.

⁵⁵⁸ Там же. С. 172.

⁵⁵⁹ Кил К.А. Психопаты. Достоверный рассказ о людях без жалости, без совести, без раскаяния. М.: Центрполиграф, 2019. С. 57.

Кинематограф, ставший главным искусством XX века, представляется крайне важным для понимания современного психопатического дискурса. Его история свидетельствует о весьма стремительном возрастании интереса к этому феномену. Показателен в этой связи феномен Джека-Потрошителя: хотя убийца действовал в конце XIX века – в эпоху распространения газет, детективного жанра и зарождения интереса общества к подобным темам – он долгое время не интересовал искусство, и начал активно эксплуатироваться в кинематографе и литературе лишь к середине XX столетия (фильмы «Жилец» (1927), «Жилец» (1944), «Человек на чердаке» (1953), «Джек-Потрошитель» (1959), «Руки потрошителя» (1971), «Семь убийств для Скотланд – Ярда» (1972), «Блэйд» (1973), «Джек-потрошитель» (1976), «Убийство по приказу» (1978) и др.; книги «Ваш покорный слуга, Джек Потрошитель» Р. Блох (1943), «Дело для ответа» Э. Лустгартен (1947), «Террор над Лондоном» Г. Фокс (1957), «Ритуал в темноте» Р. Рассел (1962), «Пир неизвестен» Ф.Х. Фармер и др.)

Среди первых фильмов, задействовавших персонажей с психопатическими чертами – знаменитые киноленты «М» (Ф. Ланг, 1931), «Месье Верду» (Ч. Чаплин, 1947), «Третий человек» (К. Рид, 1949). Уже в ранних фильмах психопатические черты вплетены в ткань сложного разговора о человеческой природе и устройства общества (так, по поводу месье Верду (роль которого исполнил сам Ч. Чаплин), убивающего женщин, чтобы заполучить их деньги, но при этом чрезвычайно вежливого и утонченного, в фильме Ч. Чаплина говорится, что он – образец трагичного злодея в мире убийств, сам Верду утверждает: «Да, я был серийным убийцей... но разве в нашем мире массовые убийства не поощряются?..», а один из репортеров замечает: «Послушать его, так он святой <...> уверяет, что не может быть добра без зла, что-то вроде того, что зло – тень, отбрасываемая солнцем»⁵⁶⁰). Однако, несмотря на безусловное присутствие картин, стремящихся исследовать человека, не помещая его на прокрустово

---

⁵⁶⁰Месье Верду (реж. Ч. Чаплин, 1947).

ложе разнообразных клише, до 1950-х гг. в массовом кинематографе психопатичные персонажи преимущественно изображались утрированно: как карикатурные непредсказуемые садисты, типичные жанровые злодеи, – гангстеры, сумасшедшие ученые, серийные убийцы и обычные преступники, что порой подчеркивалось причудливым хихиканьем, лицевыми тиками. В 1960–1970-х громкие дела реальных психопатов и серийных убийц (Эда Гейна, Теда Банди и др.), растиражированные СМИ, увеличили внимание к таким фигурам, что оформилось в популярный жанр слэшеров – поджанр фильмов ужасов, где фигурирует убийца – психопат с характерными чертами садиста, изощренно и непредсказуемо убивающий большое количество людей, будучи при этом довольно интеллектуальным и способным предугадывать действия жертв, из-за чего у них практически нет шансов спастись. Образы злодеев из слэшеров быстро стали культовыми и коммерциализировались, создав устойчивый нарратив («Техасская резня бензопилой» (1974), «Хеллоуин» (1978), «Кошмар на улице вязов» (1984), «Детские игры» (1988) и др.). Чтобы не ассоциироваться с данной категорией фильмов, дальнейшее изображение психопатов начало отказываться от столь гипертрофированных (и нереалистичных) черт в пользу темы банального зла, далее же сформировался образ, сочетающий черты слэшеров и образность конца XIX века: интеллектуала, демонстрирующего преувеличенно правильные манеры и чрезвычайно хитрого (самый яркий пример – доктор Лектор из «Молчания ягнят»), особое внимание привлекают «успешные» психопаты – разные карьеристы – брокеры, трейдеры, юристы – в подобных сферах деятельности психопатические качества кажутся уместными, даже необходимыми (Гордон Гекко из «Уолл-Стрит», Патрик Бэйтмен из «Американского психопата», Луис Блум из «Стрингера» и др.).

Несколько иначе эволюционировали женские психопатические персонажи. Не смотря на то, что на физиологическом уровне механизмы мужской и женской психопатии практически идентичны, проявления женской психопатии, по предположению исследователей, могут иметь свои,

в т. ч. культурные, особенности (бóльшая, по сравнению с мужчинами, частота нестабильных эмоций, более скрытая вербальная агрессия, обращенное вовнутрь насилие и манипуляции, преимущественно сексуального характера)⁵⁶¹. В фильмах – нуар такие героини предстают в образе роковых незамужних женщин послевоенного времени, доставляющих своим поведением неудобства обществу, из-за чего формируется идея вернуть их к традиционной роли хранительниц домашнего очага, и далее, с возрастающей эмансипацией в 1980-е, психопатки все активнее разрушают семейное счастье, а в своей жестокости никак не уступают психопатам-мужчинам (Элеонор Айслин из «Маньчжурского кандидата» (1962), медсестра Ретчед из «Пролетая над гнездом кукушки» (1972), Фэй Данауэй из «Дорогой мамочки» (1981), Алекс Форрест из «Рокового влечения» (1987), Э. Уилкс из «Мизери» (1990), Кэтрин Трамелл из «Основного инстинкта» (1992), Трейси Сафиан из «Готова на все» (1993) и др.). Сегодня образы женщин с психопатическими чертами используются в огромном количестве кинопродукции и чрезвычайно популярны (в следующих сериалах фигурируют один и несколько женских персонажей, обладающих психопатическими чертами: «Отчаянные домохозяйки» (2004–2012) «Рим» (2005–2007), «Сплетница» (2007–2012), «Хор» (2009–2015) «Дневники вампира» (2009–2017), «Милые обманщицы» (2010–2017), «Ведьмы Ист-Энда» (2013–2014), «Игра престолов» (2011–2019), «Древние» (2013–2018), «Американская история ужасов» (с 2011), «Убивая Еву» (с 2018) и др.). «Возможно, наше очарование этими персонажами связано с тем, что они бросают вызов стереотипным установкам относительно того, как женщины думают и действуют, одновременно формируя идею, что женщины соблазнительны, нестабильны, а иногда и совершенно опасны»,⁵⁶² – отмечают исследователи.

---

⁵⁶¹ Cerny C., Friedman S.H., Smith D. Television's "crazy lady" trope: female psychopathic traits, teaching, and influence of popular culture // *Academic Psychiatry*. 2014 Vol. 38. No. 2. P. 233-241.

⁵⁶² Там же.

В XXI же веке кинематограф вообще сделал психопата одним из своих излюбленных персонажей, полный перечень соответствующих кино постановок занял бы не одну страницу⁵⁶³. При этом кажется уместным говорить и о новом прочтении феномена психопатии. Несомненно, зачастую использование психопатических образов связано с желанием постановщиков охватить широкую аудиторию и «пощекотать нервы» зрителям, но нельзя не отметить, что современное кино настроено и на серьезную проработку этой темы («Настоящий детектив» (2014), «Охотник за разумом» (2017), «Сплит» (2017), «Алиенист» (2018), «Дом, который построил Джек» (2018) и др.). В аспекте массового кинематографа эти мотивы показательно соединяют кинокомиксы, которые уже давно преодолели ассоциации с маргинальным искусством, заняв прочное место в мировой культуре и став полноценными художественными произведениями: большие голливудские студии все чаще экранизируют комиксные вселенные, и создаваемые фильмы не только являются безусловными лидерами проката («Мстители», 2012–2019), «Тор» (2011–2017), «Харли Квинн» (2020) и др.), но становятся полноценными художественными высказываниями («Джокер», 2019). «Комиксная революция» 2019 года (впервые в один и тот же год фильм «Мстители: война бесконечности» стал самым кассовым фильмом в истории, а на одном из престижнейших кинофестивалей мира – Венецианском – победила картина «Джокер» Т. Филлипса) наводит на мысль, что в ближайшем будущем влияние комиксов может лишь усилиться.

Между тем мир западноевропейских комиксов – настоящее царство психопатов (Алая ведьма, Визг, Дедпул, Зеленый гоблин, Каин, Карнаж, Меченый, Мистер Фантастик, Норман Озборн, Танос и др. из вселенной Marvel Comics; Глиноликий, Джокер, Загадочник, Календарный человек, Корнелиус Стирк, Пугало, Убийца Крок, Черный Адам, Ядовитый Плющ и др. вселенной DC Comics и др.). Каждая Вселенная включает

---

⁵⁶³Leistedt S.J., Linkowski P. Psychopathy and the Cinema: Fact or Fiction? // Journal of Forensic Sciences. 2013. Vol. 59. No 1. P. 167–174.

психопатических героев, которые не просто действуют в сюжете, но, становясь антигероями в пространстве современного фильма, конвертируются, по сути, в положительных персонажей, очаровывают зрителя, которому импонирует их обаяние и жестокость (образы Локи, Джокера, Харли Квинн и др.). Такие персонажи не только утверждают и легализуют неудержимое, необоснованное психопатическое насилие и асоциальное поведение, но делают его притягательным, все более нормальным и обыденным явлением. При этом следуя требованию психологической достоверности и каузальности в построении сюжета, их насилие становится «обоснованно» – считается, что персонажа вынуждает к нему окружающая жестокость и несправедливость («Джокер», «Харли Квинн»). Одновременно совершение зла – безусловный центр образности самого комиксного злодея, недаром названного «антигероем». В итоге два мотива фатально соединяются: присущие персонажам антисоциальные и жестокие импульсы в силу их природы оправдываются и легитимируются как реакция на несовершенное мироустройство⁵⁶⁴. В итоге в массовой культуре нарастает опасное культивирование психопатических черт, а в среде критиков – их рациональное оправдание. С другой стороны, как и всякое искусство, кинокомиксы, возможно, чутко уловили и выразили тенденции развития современного мира, в них, как писал У. Эко, анализирувавший жанр комиксов, «речь идет не столько об авторской воле как таковой, сколько о том, как авторы приспособляются к тем представлениям о «порядке», которые пронизывают культурную модель их общества, и создают, в уменьшенном масштабе, ее “аналоговые” модельки, чья функция – отражение»⁵⁶⁵.

---

⁵⁶⁴ похожий процесс происходит в реальности: при том, что антисоциальные черты психопатов являются врожденными, общественные дискуссии о детерминированности человека биологией и последующая возможность освобождения преступников от ответственности своеобразно поддерживают психопатическую модель, оставляя безнаказанными многие ее проявления.

⁵⁶⁵ Эко У. Миф о Супермене // Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: «Симпозиум», 2007. С. 205.

Впрочем, другие распространенные сюжеты массового кинематографа также апеллируют к психопатической стратегии. Фильмы, конструирующие центрального мужского персонажа по типу Джеймса Бонда, фигура которого стала ролевой моделью для большинства маскулинных персонажей массовой культуры, прямо следуют этой линии. Образ суперагента был подробно рассмотрен психологами в психопатическом ключе, выявившими «темную триаду» его личности: высокую нарциссическую самооценку (самореклама, внешняя демонстрация успешности); психопатию (бесстрашие, безжалостность, доминантность, поиск новых ощущений), а также склонность к эксплуатации окружающих и макиавелевское коварство, что всецело воспроизводит психопатические свойства⁵⁶⁶. Не секрет, что соответствующий указанной триаде стиль поведения универсально успешен в социуме, а демонстрирующие его мужчины пользуются особой популярностью у женщин⁵⁶⁷.

По замечанию С. Пинкера, поведенческие «установки и массовая культура усиливают друг друга, и в крайних точках, где это так или иначе может сказаться на впечатлительных личностях и субкультурах, существуют убедительные причинно-следственные связи между децивилизующим образом мыслей и потворством реальному насилию»⁵⁶⁸. При этом американский исследователь считает, что, особая обращённость к насилию в современном мире основана не на том, что общество стало более преступным, но, напротив, насилие в нем перестало быть нормой, из-за чего жестокость и вызывающая антисоциальность привлекают к себе особое внимание⁵⁶⁹. Это предполагает, что последние начинают репрезентироваться

---

⁵⁶⁶ Lilienfeld S. O., Waldman I. D., Landfield K., Watts A. L., Rubenzer S., Faschingbauer T. R. Fearless dominance and the U.S. presidency: Implications of psychopathic personality traits for successful and unsuccessful political leadership // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 103. No. 3. P. 489–505.

⁵⁶⁷ Вопрос о том, почему в современном мире сформирован запрос именно на такую форму мужественности, нетривиален. Оно явно демонстративно, возможно, в противовес тенденции сращивания мужского и женского начал в современной культуре (Ж. Бодрийяр), или же биологической тяге к демонстрирующим силу и успех во внутривидовой борьбе самцам самим по себе, усугубившиеся после двух мировых войн, которые сконструировали неадекватные мирному времени идеалы мужского поведения.

⁵⁶⁸ Пинкер С. Указ. соч. С. 169.

⁵⁶⁹ Там же.

как самостоятельные художественные феномены, в которые творцы вкладывают собственное содержание. В результате психопатию, внимание к которой неизбежно из-за самой сути явления, либо утрируют, либо, что более характерно для современного мира – романтизируют.

Образ психопата в современной визуальной культуре явно трансформируется в сторону его реализации в позитивном ключе. Психопатия становится мощным выразительным инструментом, позволяющим привлечь внимание пресыщенной развлечениями публики, заявить яркие характеры и неожиданные сюжетные повороты. Литература второй половины XX века делала психопатического персонажа символом поиска и осмысления происходящих социокультурных процессов, выявляя при этом присущую ему деструктивность и разрушительность. Сегодня же активно эксплуатируется новый образ психопата: при том, что фигуры антигероев по-прежнему остаются психопатичными, ради психологической «глубины» они зачастую наделяются сложными и неоднозначными мотивами; психопат может быть интеллектуалом (Грег Хауз, Шерлок Холмс), и, несмотря на конфликт с условностями, остается хорошим и привлекательным человеком (Декстер Морган («Декстер»), Топ Рипли («Талантливый мистер Рипли»), Френк Эбигнейл («Поймай меня, если сможешь»)). В итоге современный человек не просто сопереживает психопату, но и стремится к идентификации с ним, что становится возможным благодаря привлекательности романтизированных персонажей, демонстрирующих в искаженном виде психопатические черты: исследования выявили, что обилие информации о психопатах не информировало людей о данном типе личности, и респонденты чаще узнают психопата в злодеях, но не в многочисленных «положительных» героях⁵⁷⁰.

Посмотрим на фигуру Декстера Моргана из серии одноименных романов Дж. Линдси (2004–2015), которые были успешно экранизированы.

---

⁵⁷⁰ *Keesler M. E., DeMatteo D. How Media Exposure Relates to Laypersons' Understanding of Psychopathy // Journal of forensic sciences. 2017. Vol. 62. No. 6. P. 1522–1533.*

Из повествования мы узнаем, что Декстер родился с «потребностью убивать», которую не мог контролировать, и его приемный отец, пытаясь направить эту склонность в позитивное русло, перевел ее на убийц, ушедших от правосудия. Так Декстер становится орудием справедливости и возмездия: этот серийный убийца убивает лишь убийц, предварительно убедившись в их виновности. Декстер сам подчеркивает свойства, указывающие на его психопатичность: он чувствует себя эмоционально оторванным от окружающих, не имеет совести, а внутри ощущает пустоту, которую и заполняет убийствами. При этом Декстер с легкостью вливается в толпу, прекрасно имитирует эмоции, благодаря чему кажется людям милым и позитивным, и в полицейском участке, где он работает, лишь один человек смог его раскусить (что типично для психопатий). Этот персонаж остроумен и обаятелен, он действует на благо общества и поэтому вызывает симпатию, его рассказы о себе и «объяснения» совершаемых поступков – не только не отталкивают читателя, но делают последнего соучастником, формируя положительное восприятие персонажа. Постепенно Декстер все больше «очеловечивается», приобретая свойства, не характерные для психопатии (учится любить, заботиться о близких) и нормализуется до такой степени, что его психопатичность начинает аннулироваться. В итоге психопат выступает как один из вариантов обычного (и симпатичного) человека, более того, изначально «нормальные» люди оказались не способны решить проблемы общества, в котором действует Декстер.

В этой связи психопатия начинает восприниматься совершенно релятивистски – яростный и смелый психопатический персонаж может быть как грешником, так и святым, но главное – он не оставляет зрителя равнодушным; психопатия практически растворяется в культуре, переставая нести прежнюю ценностную нагрузку. Отличной иллюстрацией данного положения является роман К. Маккарти «Старикам тут не место» (2005) и его последующая экранизация братьями Коэнами (2007).

Психопатический персонаж этого произведения – Антон Чигур, безжалостный наемный убийца, антиподом которого является Шериф. В романе Маккарти Шериф – немолодой, готовящийся к выходу на пенсию служитель порядка, олицетворяющий «старый мир». В его многочисленных репликах прослеживается горечь непонимания происходящих изменений, явно психопатичных. Шериф удивляется, что люди стали совершать слишком много преступлений, спокойно воспринимать зрелище казни, а сами преступники будто бы поверили в свое бессмертие: «капеллан Пикетт рассказывал мне об одном парне которого провожал на тот свет и он ел в свой последний раз и заказал что-то там на десерт. И вот пришло время идти и Пикетт его спрашивает не хочет ли он доесть десерт и парень отвечает что оставил его на потом когда вернется. Я не знал что на это сказать. Пикетт тоже»⁵⁷¹. Неприятие Шерифом современности – следствие того, что его взгляд на мир устарел, люди его типа – следующие правилам и морали – уходят со сцены, их место в истории занимает Антон Чигур. Образ Чигура – не просто сосредоточение психопатических черт, но и их своеобразная фатализация: он убивает не только по заказу, но и мимоходом – например, задремавшую в кресле у окна старушку («это было полной неожиданностью, да, дорогая?»⁵⁷²), решает судьбу ничего не подозревающих жертв, заставляя их подбрасывать монету, от выпавшей стороны которой зависит жизнь человека. При этом Чигур не считает себя актором, субъектом необоснованного насилия, скорее он выступает как проводник разрушительной стихии смерти. Психопатическая безжалостность, неуязвимость и отстраненность превращают его в мощную обезличенную силу, психопат утрачивает персонификацию, становясь орудием рока, и спрос за соответствующие поступки с конкретного человека становится бессмысленным.

---

⁵⁷¹ Маккарти К. Старикам тут не место. URL: https://vk.com/doc85333422_572537965 (дата обращения: 11.05.2021).

⁵⁷² Там же.

Выявленная трансформация восприятия психопатии может способствовать пониманию многих аспектов современного мировоззрения, и сегодня ее представляется уместным рассматривать как своеобразный символ времени, наделенный особым содержанием.

При обращении к современной культуре невозможно не упомянуть о том, что в XXI веке распространяется парадигма постпостмодернизма. В данной главе он не рассматривается сознательно, т.к. принципиально новых и важных для данной работы идей его теоретики не выдвинули: основная полемика ведется вокруг того, можно ли рассматривать постмодернизм как умершее направление, и если да – то, что именно пришло ему на смену. В русле этого возникает множество концепций (гипермодернизм, неомодернизм, ремодернизм, интенцизм, метамодернизм и др.), так или иначе подверженных критике и противоречивых. При этом их анализ фиксирует, что базовые установки постмодерна сегодня все так же существенны и актуальны (в том смысле, что они дают объяснение базовым процессам современности), как и десятилетия назад⁵⁷³. Однако важно обозначить, что в рамках постпостмодернизма среди прочих выдвигается тезис о том, что отныне человек живет в новой автоматизированной технологической реальности, которая явно меняет его существо, что рассматривают такие теории, как автомодернизм (Р. Сэмюэлс) и диджимодернизм (А. Кирби).

Автомодернизм подчеркивает, что в XXI веке высокий уровень автоматизации сочетается с усилившимся желанием индивидов завоевать личную автономию, из-за чего необходимо обратить особое внимание на точку схождения названных векторов – технологий и субъективности⁵⁷⁴. По мнению автора данной теории, американского философа Р. Сэмюэлса, сегодня мы наблюдаем рождение новой социокультурной субъектности –

---

⁵⁷³ Павлов А.В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.

⁵⁷⁴ Samuels R. Auto-Modernity after Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education // Digital Youth, Innovation, and the Unexpected. McPherson T. (Ed.). Cambridge, MA: The MIT Press. 2007.

человек вынужден действовать в абсолютно новых технологических и культурных условиях, в связи с которыми субъектность и начинает формироваться⁵⁷⁵. В связи с мыслью о том, что техника серьезно трансформирует социальные процессы (Гринфилд), а люди передают ей значительную часть своих функций, возникает вопрос, как в этих условиях будет выглядеть автономность человека. При том, что усилия основной части теоретиков постпостмодерна по-прежнему сосредоточены лишь на рассмотрении разных сфер искусства (литературы, архитектуры, кинематографа)⁵⁷⁶, кажется особенно важным коротко обозначить те вероятные изменения в антропологической модели, которые связаны с технологическим развитием, что представляется возможным сделать также посредством обращения к психопатии.

Уже было указано, что психопатия представляет собой сложное явление, тесно сопряженное с реалиями современного мира. Ее концептуальный анализ затрагивает комплекс взаимосвязанных проблем, которые условно можно разделить на две группы: с одной стороны, через призму психопатии кажется уместным ставить вопрос об идеологических основах общественного устройства. При этом описанные ранее физиологические основы психопатии критически преломляют вышеуказанное, помещая мировоззренческие стратегии в плоскость биологической детерминации в рамках более широкого поля – многочисленных научных открытий, которые перевернули наше традиционное представление о человеческой субъективности.

Хотя на сегодняшний день выявлены точные корреляты устройства мозга многим душевным болезням (шизофрения, аутизм и др.), выделение психопатии из ряда прочих аномалий личности представляется необходимым, во-первых, так как психопат – не душевнобольной человек, испытывающий дискомфорт по поводу своего недуга, а индивид, полноценно

---

⁵⁷⁵ Павлов А.В. Указ. соч. С. 449.

⁵⁷⁶ Там же. С. 519.

функционирующий в социуме и не диагностируемый при обычных обстоятельствах. Во-вторых, примечателен своеобразный выход психопатических личностей за традиционные человеческие возможности, их нейрофизиологическая «предрасположенность» к особому поведению, что возвращает к актуальному для времени вопросу о биологической детерминации человека, а также заставляет задуматься: в каком виде (с учетом современных, в том числе, технологических реалий) человек способен преодолеть привычные границы своей органики, и каковы потенциальные следствия такого преодоления?

Если поведение и эмоции человека – следствия биохимических мозговых процессов, наука получает беспрецедентную возможность оказывать влияние на них, и, соответственно, на некогда «фундаментальные» свойства нашей личности. Для генной инженерии уже давно не является технологической проблемой вмешательство в ДНК человека, появляется все больше способов инвазивного и неинвазивного воздействия на мозг. Наука, находящаяся под серьезным влиянием информационных технологий, начинает рассматривать людей как алгоритмы, управляемые определенным набором процессов и, соответственно, потенциально программируемые на конкретные модели поведения. В настоящий момент данные технологии ориентированы преимущественно на лечебную терапию, но естественная логика развития подобных процессов предполагает медленный переход от их ограниченного применения в медицинской практике ко все большему вмешательству в жизнь здоровых людей, и уже сегодня существует оборудование, направленное на улучшение ряда когнитивных функций.

В качестве примера интересно остановиться на транскраниальных стимуляторах – оборудованных электродами шлемах (направляющих электронные поля к разным участкам мозга и тем самым стимулирующим или тормозящим определенные мозговые процессы), которые уже доказали свою эффективность в областях, связанных с военным делом. Журналистка газеты New Scientist еще в 2012 году получила возможность проверить на

собственном опыте действие подобного шлема в центре, где данное оборудование используется для обучения снайперов⁵⁷⁷. Сначала она попала в помещение симулятора боя без шлема и в дальнейшем описала чувство ужаса, охватившее ее при виде множества цифровых противников, с которыми ей не позволили справиться страх и замедленная реакция, что, по словам женщины, практически ввергло ее в отчаянное ощущение собственной беспомощности. Однако надетый для следующего поединка транскраниальный шлем все изменил – куда-то пропал страх, реакция стала молниеносной, восприятие ситуации – четким и безэмоциональным, что позволило ей хладнокровно и быстро уничтожить всех цифровых террористов. При этом показательно описание журналисткой случившегося, согласно которому это был «почти мистический опыт <...> не сказать, чтобы я ощущала себя более умной или более ловкой, но меня поразило то, что впервые в моей голове все смолкло <...> Мой мозг без постоянных сомнений стал для меня откровением. В голове установилась невероятная тишина <...> в течение многих недель после эксперимента меня преследовало острейшее желание вернуться и снова надеть этот шлем. А еще у меня возникла куча вопросов. Какой я могу быть без этих вредных злых гномов, живущих в моем черепе и всегда обрекающих меня на неудачу, заставляя паниковать заранее? Откуда берутся эти голоса?»⁵⁷⁸.

Исследователи, подвергшие себя экспериментальному влиянию электрических импульсов с целью кратковременного воссоздания психопатической нейрофизиологии, описывают ощущения, в точности соответствующие тем, которые моделирует транскраниальный шлем на военных базах США (и, скорее всего, не только там). Все это акцентирует ряд проблем, связанный с психопатическими качествами. Неподверженность психопатов эмоциональным проявлениям, в том числе – страху и

---

⁵⁷⁷ Adee S. Zap your brain into the zone: Fast track to pure focus // New Scientist. 2012. February. URL: <https://www.newscientist.com/article/mg21328501-600-zap-your-brain-into-thezone-fast-track-to-pure-focus/?ignored=irrelevant> (дата обращения: 26.03.2021).

⁵⁷⁸ Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2019. С. 338.

неуверенности, их способность сосредоточенно и быстро действовать, смело принимать решения, присущие им спокойствие и амбициозность – позволяют психопатам быть эффективнее «обычных» людей. Подобный набор личностных черт, безусловно, привлекателен для большинства из нас: кто не хотел бы преисполниться храбростью, уверенностью в себе, ощущением контроля над ситуацией и тотального равнодушия к стрессам? То, к чему традиционно люди пытались приблизиться с помощью разного рода веществ и практик, сегодня становится открытым и безопасным. И хотя такие новшества находятся еще на относительно ранних этапах развития, закон ускоряющейся отдачи Р. Курцвейла, обосновывающий экспоненциальный рост технологий, не оставляет сомнений, что их широкое распространение не столь далеко, как может показаться на первый взгляд. Нет необходимости вновь описывать, насколько это соответствует современным общественным запросам. В дополнение к идеологии потребления и гедонизма, всеобщая ориентация на экономический успех и манера капиталистического общества измерять прогресс в терминах экономического роста, выдвигают особые требования к индивиду – его работоспособности, успешности и даже – личностным качествам. Преодоление индивидами своей органики по психопатическому типу в этом случае представляется вполне возможным и даже логичным. Бесспорно, экономическим структурам не нужно сложно устроенное рефлексирующее Я, подверженное страданиям, эмоциям и личным потребностям, не вписывающимся в рамки повсеместного стремления к наращиванию капитала. В этих условиях гораздо эффективнее моделировать такие поведенческие стратегии, где человек-работник всецело сконцентрирован на решении производственных задач, при этом все сильнее развиваются препараты и методы, нивелирующие сложные и «негативные» проявления психики, например – депрессии, беспрецедентно распространившейся в современном мире.

В другой области – этики и политической теории – обращает на себя внимание утвердившийся в XX веке утилитаризм, во многом сменивший

религиозные императивы прошлого и демонстрирующий существенную связь с психопатической стратегией. При том, что теоретическую проблематику порождает уже само высказывание Бентама «величайшее счастье максимального количества людей представляет собой фундамент морали и законодательства»⁵⁷⁹, традиционно связанное с вопросами о том, какого рода лишения «меньшинства» оказываются приемлемы для общего блага, и кто, при каких условиях может взять на себя их принятие, исследования, посвященные решению дилеммы вагонетки, как нельзя лучше иллюстрирующей трудности утилитарного способа мысли, выявили группу индивидов, способных уверенно взять на себя решение подобных вопросов. Ими оказались психопаты, которые проявили значительную склонность принимать «утилитарные» решения во второй, более радикальной части дилеммы – при постановке вопроса о возможности столкнуть незнакомого человека на рельсы с моста, когда внизу несется вагонетка к привязанным на путях людям, в то время как для «обычного» человека чаще приемлемо утилитарное решение лишь первой части задачи (переключение стрелки движения вагонетки между пятью и одним человеком в пользу первых)⁵⁸⁰. Проявляющие при необходимости меньшую моральную щепетильность, психопаты в этом контексте вполне способны принести обществу некоторую пользу, применяя на практике утилитарную идеологию. Самостоятельность мысли, способность к быстрому принятию решений, четкая ориентация на личное мнение или идею полезности делает психопатов практически невосприимчивыми к влиянию «группового мышления» (проблема, рассматриваемая У. Уайтом). Последнее часто трактуется в качестве эволюционного пережитка – некогда солидаризирующее общество ради выживания, сегодня оно проявляется в отсутствии личной инициативы и шаблонности, что неэффективно в стремительно меняющемся мире.

---

⁵⁷⁹ Дамтон К. Указ. соч. С. 39.

⁵⁸⁰ Там же. С. 36; *Greene J. D., Sommerville R. B., Nystrom L. E., Darley J. M., Cohen J. D.* An fMRI investigation of emotional engagement in moral judgment // *Science*. 2001. Vol. 293. No. 5537. P. 2105–2108.

В завершении хочется отметить, что для теоретического осмысления, в частности – в рамках гуманитарных наук, психопатия представляется не самой легкой темой: в ней сосредоточен конфликт биологического и социального полюсов, к анализу которых гуманитарное знание еще не выработало единого, основанного на реалиях эмпирической ситуации, подхода. При этом явление, ставшее перед нами в лице психопатии, требует серьезного осмысления: «Никакой другой диагноз не поднимает таких некорректных <...> вопросов <...> можем ли мы с уверенностью сказать, что социопатия не работает на человека? Является ли социопатия расстройством или она функциональна?»⁵⁸¹.

По мнению эволюционных биологов, сформировавшиеся особенности человеческого поведения выполняют некие необходимые для вида функции, представляя собой психологическую адаптацию для решения повторявшихся в древней среде проблем. Исходя из этого психопатию можно рассматривать как функциональный результат естественного отбора: если около 1–2% населения земли являются психопатами, а анализ художественной литературы позволяет сделать вывод, что психопаты были достаточно заметными фигурами на протяжении веков, можно с уверенностью не только констатировать вечное существование психопатии, но и ставить вопрос о ее функциональном значении. Исходя из всех вышеуказанных особенностей, психопатия может рассматриваться как резервная эволюционная стратегия человечества⁵⁸². Один из взглядов на ее возникновение и развитие состоит как раз в том, что, если в первобытные и древние времена для выживания малочисленных групп были необходимы такие качества, как сотрудничество и взаимопомощь, сегодня для существования в пространствах мегаполисов более адаптированной и успешной является жизненная стратегия личностей психопатического склада. Мысль об адаптационном значении психопатии на

---

⁵⁸¹ *Смаут М.* Социопат по соседству: люди без совести против нас: как распознать и противостоять. М.: Издательство «Э», 2018. С. 33.

⁵⁸² *Koukolík F., Drtilová J.* Vzpouora deprivantů: o špatných lidech, skupinové hlouposti a uchvácené moci. Praha: Makropulos, 1996.

индивидуальном и групповом уровнях все больше акцентируется в естественнонаучной литературе: «Вполне возможно, что психопатия – это генотип внутри нашего вида, который фенотипически выражен в разной, зависимой от культуры, степени и дает генетическое преимущество. Таким образом, он сохраняется <...> и будет продолжать существовать на протяжении всей истории»⁵⁸³.

В ходе эволюции исчез ряд некогда необходимых, но теперь – «бесполезных» для выживания умений, таких как острый животный нюх, способность улавливать микровыражения лиц и т.п. Возникает вопрос: насколько необходимыми являются те разнообразные психические состояния, которых лишены эффективные психопаты и которые доставляют экзистенциальный «дискомфорт» обычным людям? Стремление к эффективности может нивелировать некоторые аспекты нашего многогранного существа, лишив человека ряда пластов духовного существования, сохранив и улучшив лишь необходимое. В арсенале современной науки есть все, чтобы сделать из людей функциональные машины – сосредоточенные, преследующие цели, постоянно находящиеся в хорошем настроении и готовности повысить свою рабочую нагрузку. Люди получают возможность выходить за пределы своей органики, моделируя себя по определенному сценарию. Отсутствие ряда эмоциональных состояний традиционно служило направлением критики психопатии со стороны исследователей, в особенности – психологов⁵⁸⁴. Не упростит ли человечество в целом организация общества по психопатическому типу? Насколько актуальным и значимым окажется искусство и другие формы духовной жизни, построенные на конфликте, когда последний имеет тенденцию изгоняться, уступая место «комфорту» и, в конечном счете, – простоте?

---

⁵⁸³ *Meloy J.R., Book A., et al. Social, Sexual, and Violent Predation: Are Psychopathic Traits Evolutionarily Adaptive? // Violence and Gender. 2018. Vol. 5. No 3. p. 161.*

⁵⁸⁴ *Стайт М. Указ. соч.*

Заключение

В книге «Эрос на костылях» (2002) швейцарский психиатр А. Гугенбюль-Крейг писал: «<...> психопатия как явление столь же стара, как само человечество, и каждый, считающий человеческие существа в основном нравственными, вынужден иметь дело с неприятными, безнравственными аспектами, находящими свое выражение в каждом из нас»⁵⁸⁵. Однако при всем объеме социальных явлений, связанных с психопатией, последняя не фигурировала в многочисленных философских построениях, что кажется особенно странным в условиях XX века, когда усилия многих выдающихся умов были сосредоточены на анализе деструктивности, а сам концепт психопатии уже сформировался в естественнонаучной среде. В заключении представляется необходимым рассмотреть вопрос – почему философы XX столетия, активно обращающиеся к психологии, никак не учли данные о психопатии в своих построениях?

Однозначный ответ едва ли возможен, попытка его определить затрагивает тему взаимоотношения философии и психологии, отмеченную в XX веке множеством дискуссий. Философия как наиболее значимая и общая форма культуры всегда претендовала на главенство в области социального познания, и всплеск философской критики, обрушившейся на психологию в первой половине – середине XX века был связан, как считается, с противодействием претензии психологии занять центральное место в поле антропологической рефлексии. Споры велись вокруг вопросов, является ли психология пропедевтикой к философии (В. Кузен), правомерно ли использовать инструментальные методы применительно к внутреннему опыту (Т. Жуффруа), должны ли физиология и медицина быть абсолютно обособлены от философии (Ф. Бруссе). В связи с тем, что психология претерпевала достаточно долгую институционализацию, эти дискуссии, возникшие еще в немецкой среде, продолжались во Франции вплоть до 1950-

---

⁵⁸⁵ Гугенбюль-Крейг А. Эрос на костылях. Б&К, 2002. С. 39.

х гг. (Ж. Политцер, Д. Лагаш, Ж. Кангилем, М. Фуко и др.). В целом признавая, что психология может поставлять данные для дальнейшей теоретической обработки, философы отрицали ее самостоятельную значимость, подчеркивая отсутствие цельности и системности психологических исследований, совокупность которых не отсылает к сути явлений (Ж. Политцер), но направлена лишь на взаимное подтверждение (М. Фуко). Чисто научная позитивистская психология воспринималась как миф или мечта, не обладающая необходимым объяснительным зарядом, и возможность постичь человека в его целостности предполагала обращение к философии. Рассуждая о борьбе внутри личности двух начал (тяги к жизни и к смерти), Фрейд отмечал: «трудности, возникающие при попытках изоляции обоих видов влечений в их внешних проявлениях, очень долго препятствовали их опознанию»⁵⁸⁶. Кажется, что именно попытка рассмотреть человека в единстве разных психических процессов и культурных факторов определила психолого-философский дискурс большей половины столетия.

Второй важный аспект – роль бессознательного в дискурсе времени. «Я думаю, что характерная черта психологии, которая обуславливает ее существование <...> – это то, что открыл Фрейд, – бессознательное», – утверждал М. Фуко⁵⁸⁷. Психоанализ стал не только важной составляющей психологической науки – воспринимая его как содержательную и практически полезную концепцию, философы XX века часто обращались к его положениям: взаимодействие психологии и философии в это время лежит преимущественно в области психоанализа, к которому отсылает большая часть написанных работ⁵⁸⁸; также показательно, что из диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам (DSM) – центральной международной публикации, определяющей отношение

---

⁵⁸⁶ Фрейд З. Почему война? URL: <https://freudproject.ru/?p=11773> (дата обращения: 02.02.2022)

⁵⁸⁷ Фуко М. Человека на самом деле не существует: Мишель Фуко о том, что такое психология URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/5556-cheloveka-na-samom-dele-ne-sushchestvuet-mishel-fuko-o-tom-chno-takoe-psikhologiya> (дата обращения: 02.02.2022)

⁵⁸⁸ Федоров А. А. Постмодернизм в психологии: библиометрический анализ // Психология. Журнал высшей школы экономики, № 2, 2021. С. 410–423.

научного сообщества к заболеваниям психики – психоанализ был полностью вычищен лишь в 1980 году (DSM–III), ранее там безраздельно господствуя⁵⁸⁹. Психоанализ сосредоточен на внутреннем конфликте, который определяет становление и проявления личности: в попытке устранить проблематичность мира, наделить его смыслом, приспособиться к нему, – у человека возникают различные расстройства – невроз, психоз, состояния измененного сознания. Указанные концепты отсылают к довольно широкой философской проблематике, а определяющее влияние окружения на психику человека предполагает, что частота психических отклонений усиливается во времена социальных катаклизмов, которыми и был отмечен XX век.

В соответствии с представлением, что подлинно антропологическое знание возможно «лишь как анализ условий существования человека и оживление наиболее человеческого в человеке, т.е. его истории»⁵⁹⁰, рассмотрение индивида сопоставляется не только с социокультурными процессами, но и важными для века идеями: в связи с отказом от дуализма, освобождением личности из-под гнета деспотического центра превозносится всякая децентрализация и деиерархизация (шизоанализ, человек как желаемая машина (Ж. Делез, Ф. Джеймисон)), начинает оправдываться маргинальность (как область, свободная от механизма власти). Таким образом, философия не только традиционно, но и концептуально – в ходе взаимодействия с психологией – постулирует необходимость помещения антропологических вопросов в широкий контекст: философское рассмотрение выводит из интимного и частного коллективное, а не индивидуальное, к которому в большей степени и тяготеет психопатия. Представляется возможным заключить, что явление психопатии оказалось слишком специализированным, она могла представляться исследователям вариацией из области многочисленных личностных типологий с нехваткой объяснительного потенциала, а в силу общего отсутствия установки

---

⁵⁸⁹ *Несси Р.* Хорошие плохие чувства: Почему эволюция допускает тревожность, депрессию и другие психические расстройства. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.

⁵⁹⁰ *Фуко М.* Там же.

погружаться в специализированные вопросы науки было пропущено и ее биологическое измерение. Характерное для психопатии антисоциальное насильственное поведение рассматривалось косвенно – путем помещения его в дискурс девиантности и проблемы человеческого зла.

Интерес к деструктивности и ужасу в сочетании с развитием точного психологического описания привели на страницы литературы человеческий тип психопатического склада задолго до его научной концептуализации. Было показано, что запрос на демонстрацию в человеке психопатического существует в литературе различных культурно-исторических формаций, каждая из которых использует доступные ей художественные средства, преследует собственные цели и задачи, включая героя психопатического склада в развитие сюжетного конфликта. При этом изучение подобного персонажа «дает нам возможность думать о людях – и о добре и зле – в качестве наблюдателей <...> в персонажах художественной литературы мы видим нашу собственную жизнь в новом свете»⁵⁹¹.

Во второй половине XX века человеческая деструктивность осознается как поведенческий феномен, содержательный компонент и форма проявления некоторых видов агрессии, насилия и девиантного поведения. Обращение литературы постмодернизма к герою психопатического склада оказывается наделено важными и разнообразными смыслами: это и отражение новой правды о человеческом существе, в котором присутствуют разрушительные антисоциальные импульсы, что помещает склонность к психопатии вовнутрь самого человека, но также это и реакция на его «неподлинное» существование – лишение места в мире, истории, разрушение его субъектности. Усилия человека в этой ситуации направлены на самоконструирование и самосохранение. Традиционная деструктивность психопатической личности начинает прочитываться по-новому: как символический бунт, связанный с самополаганием и утверждением

---

⁵⁹¹ Logan C. La femme fatale: the female psychopath in fiction and clinical practice // Mental Health Review Journal. 2011. Vol. 16. No. 3. P. 121.

человеческого существа, его прорывом к полноте существования как единственно возможной и действенной форме сопротивления, что заставляет персонажей вести себя соответствующим психопатической модели образом.

В связи с этим можно предположить, что психопатия приобретает роль, характерную для дискурса безумия и иных психических патологий, которые долгое время рассматривались как опорные точки в выявлении трансформаций общественного сознания. Кризис мировоззрения, глобальные сдвиги в социально-экономической и культурной сферах, провоцируют перелом в отношении к фундаментальным категориям человеческой жизни, что прежде всего касается антропологии. С возникновением дискурса безумия (согласно Фуко – в XVII веке⁵⁹²), оно стало коррелировать с проблемами морально-этического порядка, проникать в сферу творчества и формировать явления человеческой жизни, бросающие вызов устоявшемуся, зачастую негативно осмысляемому, миропорядку. Кризисные времена заставляют самых чутких представителей человечества заглянуть в себя, приводят их к осознанию внутренней пропасти, где утрачиваются отчетливые мировоззренческие позиции, вера в справедливое построение мира и идеалистическое отношение к сущности людей. Именно в это время безумие обретает человеческое измерение, становится особой действительностью, которая содержит в себе возможности, скрытые дотоле от «нормального» индивида, и обращение к состояниям, отличным от общепринятой «нормы», может являться поиском выхода и проявлением мудрости, своеобразной и не всегда очевидной. Психопатия в данном случае выступает как апелляция к традиционному мотиву безумия, каковым оно является, будучи погруженным в реалии современного мира. Необходимо уточнить, что хотя психопатия и продолжает рассмотрение роли психических патологий, сама она таковой не является, что придает теме особое звучание. На протяжении долгого времени указанная проблематика была необходима и для выявления «нормы», способствующей ее отличению от ненормального,

---

⁵⁹² Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ, 2010.

теперь же норма начинает приобретать «ненормальные» черты не только в пространстве теоретических построений (что, например, отражено в установках постмодерна: отказе от бинарностей и авторитетов, фрагментарности, утрате Я, иронии, обращения к игре, гиперреальности и др.), но и в аспекте реальных явлений, через психопатию коннотации безумия наконец обретают плоть и право на общепризнанное функционирование.

Можно резюмировать, что психопатия соответствует ценностям и ориентации постмодерна, именно в его парадигме психопатический «дискурс» выкристаллизовывается, хоть и неявным образом. Несмотря на наличие негативных трактовок психопатической деструкции (Э. Фромм писал о деструктивности как способе преодолеть скуку, аналогично В. Франкл считал, что «агрессивные импульсы разрастаются прежде всего там, где налицо экзистенциальный вакуум»⁵⁹³), агрессия, жестокость, насилие концептуализируются, начинают рассматриваться философской мыслью как средства достижения желанного покоя, необходимого децентрированной личности (З. Фрейд, Ж. Батай, Ж. Делез и др.). Однако создавая сложные мировоззренческие конструкты, философы легитимизовали деструктивный порыв, который стремились исследовать, не обнаружив его силу в реальной плоскости. Философия выявила, что индивид фрустрирован общественным устройством, своей ролью в нем, и готов взять оружие, которое теоретические построения сами вложили ему в руки – деструктивность. По факту, людям «разрешили» вести себя подобным образом, обосновав «нормальность» и закономерность такого рода действий⁵⁹⁴.

Область искусства же, в большей степени связанная с чувством, оказалась точнее в своей репрезентации разрушительного поведения,

---

⁵⁹³ Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С. 33.

⁵⁹⁴ В связи с этим интересно вспомнить замечание С. Пинкера, утверждавшего, что поведенческие «установки и массовая культура усиливают друг друга, и в крайних точках, где это так или иначе может сказаться на впечатлительных личностях и субкультурах, существуют убедительные причинно-следственные связи между децивилизующим образом мыслей и потворством реальному насилию». // Пинкер С. Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. С. 159.

воплотив «<...> в созданиях своих то, что невидимо присутствует в воздухе эпохи <...> заранее чувствует приближающееся будущее»⁵⁹⁵. Не концентрируясь, как свойственно философии, на абстрактных аспектах, авторы проникли в мир конкретного человека и разобрали его на составляющие. Помещение психопатической модели в пространство реальной жизни констатирует ложность философской стратегии самостановления: девиантность разрушает не только мироустройство, но оказывается несостоятельной и для самой личности, демонстрация чего обнажает параллелизм философских и литературных идей. Однако приходящие им на смену психопатические образы XXI века теряют данную связь с реальностью и романтизируются. Ожидал ли кто-то, что в грядущем столетии психопат трансформируется в положительного героя, а сама психопатия перейдет в область «нормы»?

Мы видим, как психопатия, в XX веке выделившаяся как явление в ряду прочих, сегодня превращается в теоретическую установку и доминанту культуры, постепенно входит в мир нашего существования и подчиняет себе разнообразные сферы жизни. В будущем обозначенный комплекс проблем может всецело изменить человеческие существа, сделав общество физически психопатичным. Что дает данная констатация? Безусловно, в задачу философии входит концептуальный анализ современного общества с целью выявления происходящих в нем процессов, через понимание которых можно расчистить проблемное поле будущего. Анализ психопатии в целом и – в совокупности с актуальными изменениями – позволяет рассматривать ее как микромодель последующего состояния общества.

В заключение хотелось бы отметить, что любой образ личности указывает на породившие его обстоятельства и вскрывает определенные ожидания, активное обращение к психопатии сегодня – в науке, литературе, кинематографе – крайне интересно, оно затрагивает и актуальные вопросы о выработке нового подхода к понимаю человека и возможных формах его

---

⁵⁹⁵ Григорьев А.п. Литературная критика. М.: Художественная литература, 1967. С. 324.

дальнейшего существования. В настоящий момент единого мнения на этот счет не существует: новые знания о детерминантах, в т.ч. биологических, личности и ее деятельности, с одной стороны, могут углублять наши представления о себе, сохраняя гуманитарную парадигму, причем смысл эмпирических открытий «не в замещении одной области знаний другой, а в их соединении или унификации», «это беспрецедентно глубокое понимание, подобное тому, что уже подарила нам унификация других наук»⁵⁹⁶. Радикальнее звучит требование пересмотреть границы природного и социального, выработав принципиально новый подход к восприятию «человеческого», «антропология стоит перед поразительным выбором: или ей надо признать, что она исчерпала все свои возможности, связанные с концепцией “гуманизма”, или же она должна существенно измениться. Ей необходимо пересмотреть и сферу своих интересов, и используемые подходы, включить в объект своих исследований нечто большее, чем просто “человека”»⁵⁹⁷. Наряду с этим высказываются мысли, подчеркивающие преходящий характер самой оппозиции человеческого и нечеловеческого, которая всего лишь, в терминологии М. Фуко, конструкция в рамках определенной эпистемы – краткосрочной совокупности взглядов, на смену которой придет новая мировоззренческая совокупность. Современное гуманистическое представление о человеке со временем исчезнет: именно гуманитарные науки вычертили проблематику человека, пройдет их время – и однажды она безвозвратно сотрется, как рисунок на прибрежном песке⁵⁹⁸.

В анализе психопатической личности ярко пересекаются биологическая и социальная проблематика, что может дать новые варианты решения актуальной проблемы «mind-body», а изучение психопатии в контексте культуры – выявить линии идеологической и моральной трансформации общественного сознания. Все это делает феномен психопатии крайне интересным для дальнейшего изучения.

---

⁵⁹⁶ Пинкер С. Указ. соч. С. 94, 97.

⁵⁹⁷ Дескола Ф. Указ. соч. С. 12.

⁵⁹⁸ Агамбен Дж. Открытое. М.: РГГУ, 2012.

Список литературы

1. Августин А. Исповедь. М.: РИПОЛ классик, 2019.
2. Агамбен Дж. Открытое. М.: РГГУ, 2012.
3. Алейник Р. Образ человека во французской постмодернистской литературе // Спектр антропологических учений. М.: ИФ РАН, 2006. С. 199–214.
4. Алейник Р.М. Проблема человека в философской постмодернистской литературе. Вестник Томского государственного университета. № 276, 2007. С. 62–69.
5. Александровский Ю. А. Пограничные психические расстройства. Учебное пособие. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2007.
6. Александровский Ю.А., Мосолов С.Н. История отечественной психиатрии. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2013.
7. Алтафова А.Р. Влечение к смерти как антропологический миф // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке, №4, 2019. С. 194–201.
8. Алтафова А.Р. Герменевтика садизма в философии Жоржа Батая // Вестник ЧелГУ, №11, 2018. С. 83–89.
9. Алтафова А.Р. Презумпция мортидо // Психолог, № 3, 2015. С. 126–163.
10. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас, № 3, 2011. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html>
11. Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011.
12. Арент Х. Между прошлым и будущим. М.: Издательство Института Гайдара, 2014.
13. Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н. Развитие концепта психопатии в отечественной и зарубежной психологии (обзор литературы) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология» Т. 8, № 3, 2015. С. 77–86.
14. Бабяк П., Хаэр Р.Д. Змеи в костюмах. Как защититься от психопатов на работе. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021.
15. Бадентэр Э. Мужская сущность. М.: Новости, 1995.
16. Байри Дж. Литература и психология // Психологическая энциклопедия. 2-е изд. Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб.: Питер, 2006.

17. Балинский И.М. Лекции по психиатрии (1859). Л.: Медгиз, 1958.
18. Бальзак Оноре де. Отец Горио URL: <http://lib.ru/INOOLD/BALZAK/gorio.txt>
19. Бальмонт К.Д. Смерть URL: <https://ilibrary.ru/text/2452/p.1/index.html>
20. Барт Р. Camera lucida. М.: Ad Marginem, 1997.
21. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
22. Барт Р. Мифологии. М.: Акад. Проект. Фр. проект, 2010.
23. Батай Ж. «Проклятая часть»: сакральная социология. М.: Ладомир, 2006.
24. Батай Ж. Из «Внутреннего опыта» // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века / сост. С.Л. Фокин. СПб.: Мифрил, 1994.
25. Батай Ж. История эротизма. М.: Логос, 2007.
26. Батай Ж. Психологическая структура фашизма // Новое литературное обозрение. 1995. № 13. С. 80–102.
27. Батай Ж. Суверенный человек Сада / Батай Ж. «Проклятая часть»: сакральная социология. М.: Ладомир, 2006.
28. Бауман З. Философия и постмодернистская социология // Вопросы философии. № 3, 1993. С. 46–61.
29. Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал, № 4, 1994. С. 69–80.
30. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Ausburg, 2002.
31. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
32. Бедненко Г. Психопаты в сказках и литературе. URL: <https://psynavigator.ru/publikacii/psihopaty-v-skazkah-i-literature>
33. Бежнар А.П. Место и роль философии и литературы в постмодернистском дискурсе // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований № 5, 2013. С. 106–110.
34. Белик А.А. Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология. М.: Смысл, 2001.
35. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Избранные эссе. М.: Медиум, 1996.
36. Берджесс Э. Заводной апельсин. М.: АСТ, 2019.
37. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. Прага: The YMCA PRESS Ltd, 1923.

38. Бехтерев В.М. Психопатия и ее отношение к вопросу о вменении. Казань: Типография Императорского Университета, 1886.
39. Благовещенский Н.А. Расчленение Кафки. Статьи по прикладному психоанализу. URL: <https://psy.wikireading.ru/98771?ysclid=15xlm7yurx892698833>
40. Бланшо М. От Кафки к Кафке. М.: Логос, 1998.
41. Блекки Дж. Четыре фазиса нравственности: Сократ, Аристотель, Христианство и утилитаризм / соч. Джона Стюарта Блэкки, проф. греческой словесности в Эдинбургском ун-те. М.: К.Т. Солдатенков, 1878.
42. Бовуар С. де. Нужно ли аутодафе? // Маркиз де Сад и XX век (сборник). Сост. М.К. Рыклин. М.: РИК «Культура», 1992.
43. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екб.: Изд-во Уральского Ун-та, 2000.
44. Бодрийяр Ж. Город и ненависть // Экспертно-аналитический портал «Новости Гуманитарных технологий» (электронный ресурс) URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2006/656>.
45. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
46. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000.
47. Борев Ю. Эстетика. Учебник для студентов высших учебных заведений. М.: «Высшая школа», 2002.
48. Борхес Х.Л. Бессмертный // Коллекция (сборник рассказов). СПб.: Северо-Запад, 1992.
49. Брюсов В.Я. Демон самоубийства. URL: <https://rustih.ru/valerij-bryusov-demon-samoubijstva/>
50. Бунин И.А. Полное собрание рассказов в одном томе. М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2020.
51. Бурдые П., Пассрон, Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования. М.: Просвещение, 2007.
52. Бурцев А.О. Возникновение и развитие понятия «Психопатия»: отечественные и зарубежные исследования личностных расстройств в XIX столетии // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. № 3 (6), 2014. С. 9–27.
53. Бутковский П.А. Душевные болезни, изложенные сообразно началам нынешнего учения психиатрии в общем и частном, теоретическом и практическом ее содержании. Санкт-Петербург: тип. И. Глазунова, 1834.

54. Быстров В.Ю., Марков Б.В., Кузнецов Н.В. Власть и насилие как проблема философской антропологии // Вопросы философии. №10, 2015. С. 30–40.
55. Бэнкс И. Осиная фабрика. М.: Издательство «Э», 2017.
56. Вайнштейн О.Б. Постмодернизм: история или язык? // Постмодернизм и культура: материалы круглого стола // Вопросы философии. № 3, 1993. С. 3–7.
57. Васильева И.Б. Гендер как социальная категория и ее характеристики // Вестник РГУ им. И. Канта. 2007. Вып. 2. Филологические науки. С. 70–76.
58. Василюк Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во Московского университета, 1984.
59. Вельш В. Постмодерн. Генеология и значение одного спорного понятия // Путь. № 1, 1992. С. 109–136.
60. Виппер Ю.Б. Творческие судьбы и история. М.: Худож. лит., 1990.
61. Выготский Л.С. Психология искусства. Ростов н/Д: Феникс, 1998.
62. Ганнушкин П.Б. В душе психопата. Путешествие в мир без жалости, совести и чувств. М.: Алгоритм, 2018.
63. Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика. Нижний Новгород: НГМА, 1998.
64. Гаспарян Д.Э. Введение в неклассическую философию. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
65. Гаспарян Д.Э. Рождение и смерть субъекта в философии А. Кожева // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 240–246.
66. Гиляровский, В.А. Психиатрия. М.: Медгиз, 1954.
67. Гиндикин В.Я., Гурьева В.А. Психопатология и власть. М.: Институт консультирования и системных решений, 2020.
68. Гоголь Н. В. Нос // Собрание соч., т.3. М.: Художественная литература, 1959.
69. Голдинг У. Повелитель мух. Шпиль. М.: АСТ, 2010.
70. Горбунов А.Н. Лицемер и его жертва: трагический поворот сюжета (от «Кентерберийских рассказов» к «Селу Степанчиково») // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № 3. С. 265–281.
71. Горинов В.В., Корзун Д.Н., Васюков С.А. Классификация и диагностика расстройств личности в свете положений пересмотра Международной статистической классификации болезней и проблем,

связанных со здоровьем // Российский психиатрический журнал, №2, 2018. С. 50–55.

72. Горшков И.В., Горинов В.В. Расстройства личности и агрессия (обзор литературы) // Российский психиатрический журнал, № 5, 1998. С. 68–73.

73. Григорьев Ап. Литературная критика. М.: Художественная литература, 1967.

74. Гугенбюль-Крейг А. Эрос на костылях. Б&К, 2002.

75. Гульдман В.В. Основные типы мотивации противоправных действий у психопатических личностей // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология, № 1, 1984. С. 31–45.

76. Гульдман В.В. Мотивация противоправных действий у психопатических личностей: дис. д-ра психол. наук: 19.00.04. М., 1985.

77. Даттон К. Мудрость психопатов. СПб.: Питер, 2014.

78. Дацковский И. Два подхода к диагностике психопатий // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика: электронный научный журнал, № 4, 2019. URL: http://medpsy.ru/climp/2019_4_26/article06.php

79. Деверо Дж. Очерки по общей этнопсихиатрии / А.А. Белик // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология. М.: Смысл, 2001.

80. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011.

81. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.

82. Деррида Ж. «Голос и феномен» и другие работы по теории знака Гуссерля / пер. С.Г. Кашина, Н.В. Сулова. СПб.: Алетейя, 1999.

83. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000.

84. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

85. Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Логос, №4, 2000. С. 63–77.

86. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.

87. Дианова В.М. Постмодернистская философия искусства: истоки и современность. СПб.: Петрополис, 1999.

88. Достоевский Ф. М. Собр. Соч. в 12 т. М.: Правда, 1982.

89. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 7. Л.: Наука, 1988–1996.

90. Досумчи С. Самооправдание как феномен нравственной жизни в рассказе И.А. Бунина «Петлистые уши» // Развитие личности, № 4, 2017. С. 57–66.
91. Ерофеев В. В. Записки психопата // Малое собрание сочинений (под ред. А. Степанова). СПб.: Азбука-Аттикус, 2019.
92. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999.
93. Жижек С. Возлюби мертвого ближнего своего // Художественный журнал, № 40, 2002. С. 65–69.
94. Жижек С. Все, что вы хотели знать о Лакане (но боялись спросить у Хичкока) / С. Жижек (ред.). М.: Логос, 2004.
95. Жижек С. Киногид извращенца: Идеология. Документальный фильм / реж. С. Файнс, сценарий С. Жижек. Великобритания, Ирландия, Студия «Organic Films», 2012.
96. Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010.
97. Жижек С., Чума фантазий. Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2012.
98. Затонский Д.В. Постмодернизм в историческом интерьере // Вопросы литературы, № 3, 1996. С. 182–205.
99. Затонский Д.В. Постмодернизм: гипотезы возникновения // Иностранная литература. № 2, 1996. С. 273–283.
100. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянской культуры, 2010.
101. Зюскинд П. Парфюмер: история одного убийцы. СПб.: Азбука Классика, 2007.
102. Извеков А.И. Проблема личности постмодерна: Кризис культурной идентификации. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2008.
103. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998;
104. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996.
105. Кандинский В.Х. К вопросу о невменяемости. М.: Книга по Требованию, 2014.
106. Кандинский В.Х. Случай сомнительного душевного состояния перед судом присяжных (Дело девицы Юлии Губаревой) // «Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии», № 2, 1883. С. 1–70.
107. Кант И. Религия в пределах только разума // И. Кант. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980.

108. Кассирер Э. Философия символических форм. М., СПб.: Университетская книга, 2001.
109. Кеведо Ф. История жизни пройдохи по имени дон Паблос // Испанский плутовской роман. М.: Эксмо, 2008.
110. Кербигов О.В. Проблема психопатий в историческом освещении. Очерк развития учения о психопатиях в XIX столетии // Журнал невропатологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. № 9–10, 1958. С. 1130–1137.
111. Кербигов О.В. Судебные процессы 80-х годов и учение о психопатиях в отечественной медицине // Журнал невропатологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. Т. 58, №.8, 1958. С. 995–1006.
112. Кил К.А. Психопаты. Достоверный рассказ о людях без жалости, без совести, без раскаяния. М.: Центрполиграф, 2019.
113. Кинг С. Как писать книги. М.: АСТ, 2001.
114. Кинг С. Мизери. М.: АСТ, 2018.
115. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2013.
116. Коннелл Р. Структура гендерных отношений // Неприкосновенный запас. 2012. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2012/3/struktura-gendernyh-otnoshenij.html?ysclid=15thd3vwr5538313205>
117. Корсаков С.С. Курс психиатрии. М: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнеревъ и Ко, 1893.
118. Коряков Я. И. Эволюция родительских образов в психоанализе // Психологический вестник Уральского государственного университета. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. Вып. 3. С. 101–123.
119. Косилова Е.В. Парадигмы субъектности. СПб.: Алетейя, 2021.
120. Косилова Е.В. Проблема нормы в психиатрии // Независимый психиатрический журнал М., 2015, № 2. С. 24–28.
121. Косилова Е.В. Психиатрия: опыт философского анализа М.: Проспект, 2014.
122. Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Москва: московский гуманитарный университет, 2003.
123. Костина А.В. Массовая культура: аспекты понимания // Знание. Понимание. Умение. №1, 2006. С. 28–35.
124. Краснушкин Е.К. Избранные труды. М.: Медгиз, 1960.
125. Кудрявцев И.А., Сафуанов Ф. С. Эмоциональная и смысловая регуляция восприятия у психопатических личностей возбудимого и

истерического круга // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова, №12, 1984. С. 1815–1822.

126. Курицын В.Н. Русский литературный постмодернизм. М.: ОГИ, 2000.

127. Курпатов А.В. Чертоги разума. М.: Капитал, академия смысла, 2019.

128. Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и технике психоанализа (Семинары, Книга 2). М.: Логос, 2009.

129. Лакан Ж. Работы Фрейда по технике психоанализа (Семинары, Книга 1). М.: Логос, 1998.

130. Леонгард К. Акцентуированные личности. Ростов н/Д: Феникс, 1997.

131. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

132. Липовецкий Ж. Эра пустоты: эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001.

133. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм: Очерки истории поэтики. Екб.: Урал. гос. пед. ун-т., 1997.

134. Литвинова Т. Миледи идет на работу. Психопаты среди литературных героев и среди нас // Теория и практика психотерапии. 2014. № 1 (1). С. 41–51.

135. Литвинцева Г.Ю. Гиперреальность в эпоху постмодерна // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, № 2, 2011. С. 43–53.

136. Личко А.Е. История глазами психиатра. М.: Знание, 1967.

137. Лоренц К. Агрессия. М.: «Прогресс»; «Универс», 1994.

138. Лоррис Гийом де, Мен Жан де. Роман о Розе. М.: ГИС, 2007.

139. Лыткин В.М., Зун С.А., Курасов Е.С., Ятманов А.Н. Об отечественных приоритетах в истории учения о психопатиях // Психология и психотехника, № 2, 2018. С. 32–46.

140. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика. М.: Класс, 2015.

141. Маккарти К. Старикам тут не место. URL: https://vk.com/doc85333422_572537965

142. Маньковская Н.Б. «Париж со змеями» (введение в эстетику постмодернизма). М.: ИФРАН, 1994.

143. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000.

144. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М: АСТ, 2002.
145. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем. Десятый пересмотр. Т.1. М.: Медицина, 1995.
146. Мейясу К. Вычитание и сокращение: Делез, Имманенция, Материя и Память, 2012. URL:https://vk.com/doc124029244_215596882?hash=7ECIy2hEKVZG8J9CcF5vE2M9bWBCjKBhCDuW5oUSIFT&dl=SYnLfngI6GZMPZgIM69LIONH0sizewR12Iumpcc230g.
147. Мелвилл Г. Билли Бадд. Л.: Лениздат, 1986.
148. Мелетинский Е.М. От мифа к литературе М.: РГГУ, 2001..
149. Мольер Ж.-Б. Собр. соч.: В 4 т. / Под ред. А.А. Смирнова и С.С. Мокульского. Т. 2. М; Л, 1932.
150. Мольер Ж.-Б. Тартюф, или обманщик. URL: http://www.molier.ru/pesy_i_v_russkih_perevodah/tartyuf_ili_obmanschik-i207.html
151. Монтень М. Опыты. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1954.
152. Мордвинов А.А., Игаева К.В. Маскулинность в работах Р. Коннелл и Дж. Мосса: культурный vs социально-экономический детерминизм // ВятГУ, 2018, №2. С. 30–34.
153. Моррис Д. Голая обезьяна. СПб.: Амфора, 2004.
154. Набоков В.В. Лекции по зарубежной литературе. М.: Издательство Независимая газета, 1998.
155. Некрасов В.А. Чечотт Отгон Антонович (1842–1924) – организатор психиатрической службы Санкт-Петербурга // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева, № 3, 2011. С. 59–61.
156. Несси, Р. Хорошие плохие чувства: Почему эволюция допускает тревожность, депрессию и другие психические расстройства. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.
157. Нетепенко А.Е. Антропологические номы и патологии в культуре // Наука. Искусство. Культура, №2, 2019. С. 151–154.
158. Нечипоренко В.В., Лыткин В.М. и др. Об отечественных приоритетах в истории учения о психопатиях // Психология и Психотехника, 2018. № 2. С. 37–46.
159. Новлянская З.Н. Психология в литературе и литература в психологии // Психология и литература в диалоге о человеке: Материалы

Международной научной конференции / Под ред. Н.А. Борисенко, Н.Л. Карповой, А.А. Голзицкой. М., 2015.

160. Нэрмор Дж. Кубрик. М.: Rosebud Publishing, 2012.

161. Озерецковский Д.С. Приоритет И.М. Балинского в области учения о психопатиях // Невропатология и психиатрия, № 1, 1951. С.56–59.

162. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003.

163. Осипов В.П. Курс общего учения о душевных болезнях. Берлин: Гос. изд. РСФСР, 1923.

164. Павлов А.В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.

165. Павлов А.В. Постыдное удовольствие. Философские и социально-политические интерпретации массового кинематографа. 2-е изд. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015.

166. Паланик Ч. Бойцовский клуб. М.: АСТ, 2018.

167. Пахсарьян Н.Т. Ирония судьбы века Просвещения: обновленная литература или литература, демонстрирующая исчерпанность старого // Зарубежная литература второго тысячелетия. М.: Издательство «Высшая школа», 2001.

168. Перлз Ф. Эго, голод, агрессия. М.: Смысл, 2000.

169. Печерникова Т.П., Гульдман В.В. К вопросу о мотивации противоправных поступков у психопатических личностей // Судебно-психиатрическая экспертиза. М., 1978. С. 9–17.

170. Пинкер С. Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.

171. Пинкер С. Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня. М.: Альпина нон-фикшн, 2018

172. Платон. Государство. Книга II. М.: Академический проект, 2015.

173. Платон. Сочинение в четырех томах. Том 2. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2007.

174. По Э.А. Черный кот (пер. К.Д. Бальмонта). URL: <http://poesias.ru/in-proza/edgar-poe/edgar-poe10046.shtml>

175. Попова Ю.С. Герой и город в рассказе И. А. Бунина «Петлистые уши» // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. № 2, 2010. С. 91–95.

176. Просандеева Е.С. «Садовый человек на рубеже XX–XXI вв. в романе Б.И. Эллиса «Американский психопат» // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей по материалам III

Всероссийской научной конференции молодых ученых с международным участием (8 февраля 2013 г.). Ч. 2. Е., 2013. С. 207–213.

177. Просвирникова М.С. Тело монстра в романах И. Бэнкса «Осиная фабрика» и М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» // Дергачевские чтения, 2014. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015. С. 335–338.

178. Пятницкий Н.Ю. Концепция С.С. Корсакова психопатической конституции и predispositions к психическим расстройствам // Журнал неврологии и психиатрии, №11, 2013. С. 64–73.

179. Пятницкий Н.Ю. Психопатии и психопатические реакции: концепция О. Bumke // Психиатрия, №3, 2020. С. 86–94.

180. Пятницкий Н.Ю. Психопатические личности в концепции К. Бирнбаума // Журнал неврологии и психиатрии, № 3, 2017. С. 89–95.

181. Пятницкий Н.Ю. Стратификационная концепция психопатических личностей Е. Kahn и концепция «нормы» W. Stern // Психиатрия, № 1, 2019. С. 82–94.

182. Пятницкий Н.Ю. Теория «слоев» в концепции психопатий Н. Hoffman и «психология влечений» А. Vierkandt // Психическое здоровье, № 11, 2018. С. 81–87.

183. Пятницкий Н.Ю. Учение о предрасположенности к психическим расстройствам и понимание «Психопатического» в концепциях J.L.A Koch, R. Von Kraft-Ebing и С. Lombroso // Психическое здоровье, № 12, 2011. С. 74–80.

184. Пятницкий Н.Ю. Учение о психопатиях: концепция конституциональных типов К. Конрада // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова, № 5, 2019. С. 98–106.

185. Пятницкий Н.Ю. Учение о типологии психопатий: концепция Э. Кречмера «ключевого переживания» и врожденного дефекта // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова, №6, 2017. С. 59–65.

186. Пятницкий Н.Ю. Эволюция концепции «психопатии» в отечественной психиатрии от В.Х. Кандинского до С.А. Суханова // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова, № 6, 2020. С. 75–81.

187. Рафтери Б. Лучший год в истории кино. Как 1999-й изменил все. М.: Индивидуум, 2020.

188. Раш Б. Влияние физических причин на моральную способность // Американские просветители. Избранные произведения в двух томах. М.: Мысль, 1968.

189. Рифф Ф. Триумф терапевтического: как используют веру после Фрейда // Логос. № 5, 2007. С. 256–280.
190. Рохлин Л.Л. Жизнь и творчество В.Х. Кандинского. М.: Медицина, 1975.
191. Рохлин Л.Л. Клинические воззрения В. Х. Кандинского // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова, № 4, 1974. С. 608–616.
192. Руднев В.П. Логика бреда. М.: Когито-Центр, 2015.
193. Руднев В. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1999.
194. Рыков А.В. Постмодернизм как «радикальный консерватизм»: проблема художественно-теоретического консерватизма и американская теория современного искусства 1960–1990-х гг. СПб.: Алетейя, 2007.
195. Рябова Т.Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // Личность. Культура. Общество. 2003. № 1–2. С. 120–138.
196. Саврей В.Я. Притча в герменевтике сакрального текста (на примере изучения евангельских притч) // Философия и культура, № 11, 2014. С. 1618–1633.
197. Сад маркиз де. Жюстина. СПб.: Азбука классика, 2003.
198. Сад маркиз де. Философия в будуаре или безнравственные наставники. М.: М.І.Р., 1992.
199. Салтыков-Щедрин М. Е. Господа Головлевы. М.: Дет. лит., 2002.
200. Сведенсен Л. Философия зла. Изд.: Прогресс-Традиция, 2018.
201. Сергодеева Е.А., Мищенко Е.Ю. Теории общество потребления в современной философии // Гуманитарные и юридические исследования, № 4, 2014. С. 149–153.
202. Сидоренко И.Н. Философия насилия: от метафоры к концепту. Минск: БГУ, 2017.
203. Сикорский И.А. Психологические основы воспитания // Вопросы нервнопсихической медицины. 1905. № 4. С. 608–622.
204. Скиннер Б.Ф. Наука и человеческое поведение. Новосибирск: НГУ, 2017.
205. Скирбек Г., Гилье Н. История философии. Б.: Изд. Закиоглу, 2007.
206. Слотердаик П. Критика цинического разума. Екб.: Изд-во Уральского ун-та, 2001.
207. Смулевич А.Б. Психогении и невротические расстройства, выступающие в рамках динамики психопатий // Психиатрия и психофармакотерапия, № 4, 2000. С. 99–101.

208. Соколова Н.Л. Популярная культура Web 2.0. К картографии современного медиаландшафта. Самара: Изд-во Самарский ун-т, 2009.
209. Соколова Н.Л. Популярная культура в эпоху «новых медиа»: социальный анализ культурных практик / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Самара: Самарский государственный университет, 2010.
210. Стаут М. Социопат по соседству: люди без совести против нас: как распознать и противостоять. М.: Издательство «Э», 2018.
211. Стейнбек Дж. К востоку от Эдема. М.: АСТ, 2020.
212. Степанова М.А. Психологическое лицо литературы // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 109–122.
213. Стивенсон Р.Л. Странная история доктора Джекила и мистера Хайда // Стивенсон Р.Л. Собрание сочинений в 5 т. Т.2. М.: Правда, 1967.
214. Страхов И.В. Психологический анализ в литературном творчестве. Саратов: Саратов. Гос. пед. Институт, 1973.
215. Суханов С.А. Патологические характеры. СПб.: Типография 1 Трудовой артели, 1912.
216. Суханов С.А. Патология морального чувства. Вопросы философии и психологии. М.: Типо-литография Высочайше утвержденного Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1912.
217. Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века (сост. С. Л. Фокин). СПб.: Мифрил, 1994.
218. Тарасов А.К. Насилие в произведениях аудиовизуальной культуры: отображение, воздействие, социальное регулирование (на материале киноискусства): Диссертация... доктора культурологических наук. Москва, 2006.
219. Тарасов К.А. Насилие в зеркале аудиовизуальной культуры. М.: Белый Берег, 2005
220. Темирбулатова К.М. Философская притча Вильяма Джеральда Голдинга «Повелитель мух» // Вестник РУДН. Журналистика, 2010, № 1. С. 5–10.
221. Теплов Б.М. Заметки психолога при чтении художественной литературы // Теплов Б.М. Избранные труды в 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1985.
222. Тропинина И.Г. Экранное насилие и способы его эстетизации в современной культуре / автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Волгоград: Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 2012.
223. Тумина Л.Е. Притча как школа красноречия. М.: ЛКИ, 2007.

224. Фаулз Дж. Коллекционер: романы. М.: Эксмо, 2012.
225. Федоров А. А. Постмодернизм в психологии: библиометрический анализ // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 410–423.
226. Федотов Д.Д. Очерки по истории отечественной психиатрии. М.: Городец, 2017.
227. Фелинская Н.И. Закономерность формирования психопатических личностей и пути ее компенсации и адаптации // Проблемы личности. Материалы симпозиума, Т.2, М., 1970. С. 248–260; Фелинская Н.И., Чибисов Ю.К. Глоссарий. Стандартизированные психопатологические синдромы для унифицированной оценки психопатий. М., Министерство здравоохранения СССР, 1972.
228. Фолкнер У. Звук и ярость. М.: АСТ, 2016.
229. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
230. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. М.: Наука, 1991.
231. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». М.: Издательство «Э», 2016.
232. Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения // Я и Оно. Труды разных лет. Кн. 1. Тбилиси, 1991.
233. Фрейд З. Почему война? URL: http://znatech.ru/proekty/fbarrier/zigmund_frejd_-_neizbezna_li_vojna_pis_mo_al_bertu_nshtejnu/?ysclid=1663npvv2e70340197
234. Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990.
235. Фрейд З. Художник и фантазирование (сборник работ). М.: Республика, 1995.
236. Фрит К. Мозг и душа. Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. М.: Corpus, 2014.
237. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994.
238. Фромм Э. Человек для самого себя. М.: АСТ, 2009.
239. Фуко М. Воля к истине: По ту сторону власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996.
240. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ, 2010.
241. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
242. Фуко М. О трансгрессии // Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб.: Мифрил, 1994.

243. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб.: А-сad, 1994.
244. Фуко М. Человека на самом деле не существует: Мишель Фуко о том, что такое психология. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/5556-cheloveka-na-samom-dele-ne-sushchestvuet-mishel-fuko-o-tom-chto-takoe-psikhologiya>
245. Хабермас Ю. Экскурс об устранении жанрового различия между философией и литературой // Философский дискурс о модерне. URL: <http://konf-csu.narod.ru/ze/lib/habermas.html>
246. Хагуров Т.А. Массовая культура в обществе потребления // Вестник РУДН, серия Социология, 2007, №1. С. 81–86.
247. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999.
248. Харари Ю.Н. Номо Деус. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2019.
249. Харрис Т. Молчание ягнят. М.: Эксмо, 2021.
250. Харсеева Н.В., Годаль А.Н. Эстетизация психических патологий как художественный феномен (на примере творчества Эгона Шиле и Ханса Беллмера) // Общество: философия, история, культура, №7, 2017. С. 129–132.
251. Хассан И. Раздвигание Орфея. К проблеме постмодернистской литературы. М.: Эксмо, 1999.
252. Хатчеон Л. Поэтика постмодернизма: история, теория, художественная литература. Нью-Йорк: Рутледж, 2004.
253. Хаэр Р.Д. Лишенные совести: пугающий мир психопатов. М.: Вильямс, 2007.
254. Хитрук Е.Б. Философские предпосылки формирования феномена «отсутствующий отец» в современной культуре // Вестник Томского государственного университета, 2013. №368. С. 54–59.
255. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум; Ювента. 1997.
256. Хренов Н.А. Зрелища в эпоху восстания масс. М.: Наука, 2006.
257. Чиж В.Ф. Болезнь Н.В. Гоголя: Записки психиатра. М.: Республика, 2001.
258. Шаповал Г.Н. Образы зла в художественной культуре / Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филос.н. / Рост. гос. ун-т. Ростов-на-Дону, 2002.
259. Шекспир У. Полное собрание сочинений в восьми томах. Т.6. М.: Искусство, 1960.

260. Шеллинг Ф. Система трансцендентального идеализма. Л.: ОГИЗ СОЦЭКГИЗ, 1936.
261. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
262. Шлегель К. Новый порядок и насилие. Размышление о метаморфозах насилия // Вопросы философии. № 5, 1995. С. 12–19.
263. Шнайдер К. Клиническая психопатология. М.: Сфера, 1999.
264. Шодерло де Лакло П.А.Ф. Опасные связи. М.: Наука, 1965.
265. Шостакович Б.В. Личностные расстройства и криминальная агрессия // Агрессия и психическое здоровье. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2002.
266. Шувалов Ю.Н. Психопатология: учебное пособие. Тула: изд-во Тульского государственного университета 2010.
267. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: Симпозиум, 2007.
268. Эллис Б.И. Американский психопат. М.: Иностранка, 2016.
269. Юнг К.Г. Нераскрытая самость (настоящее и будущее) // Аналитическая психология: Прошлое и настоящее / К.Г. Юнг, Э. Сэмюэлс, В. Одайник, Дж. Хаббэк; Сост. В.В. Зеленский, А.М. Руткевич. М.: Мартис, 1995
270. Ясперс, К. Стринберг и Ван Гог / Пер. с нем. П. Ноткин. СПб.: Прогресс, 1999.
271. Adee S. Zap your brain into the zone: Fast track to pure focus // New Scientist. 2012. February.
272. Aguiar S. A. The Bitch is Back: Wicked Women in Literature. Carbondale, IL: Southern Illinois University Press, 2001.
273. Akrasia in Greek philosophy: From Socrates to Plotinus /Ed. by Bobonich C., Destree P. Boston: Brill, 2007.
274. Anderson N., Kiehl K. Psychopathy: developmental perspectives and their implications for treatment // Restorative Neurology and Neuroscience. 2014. Vol. 32. No. 1. P. 103–17.
275. Astner K. Depiction of psychopathy in Swedish mass media. 2021. URL:<https://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordId=9062462&fileId=9062463>
276. Baskin-Sommers A, Curtin JJ, Li W, Newman J.P. Psychopathy-related differences in selective attention are captured by an early event-related potential // Journal of Personality Disorders. 2012. Vol. 3. No. 4. P. 370–378.
277. Bauman Z. Intimations of Postmodernity. London: Routledge, 1992.

278. Best S., Kellner D. *The Postmodern Turn*. New York, London: Guilford Press, 1997.
279. Birnbaum K. *Kriminalpsychopathologie. Systematische Darstellung*. Berlin: Verlag von Julius Springer, 1921.
280. Birnbaum K. *Psychopathologische Dokumente. Selbstbekenntnisse und Fremdzeugnisse aus dem seelischen Grenzlande*. Berlin: Verlag von Julius Springer, 1920.
281. Black D. W. *The Natural History of Antisocial Personality Disorder // The Canadian Journal of Psychiatry*. 2015. Vol. 60. No .7. P. 309–314.
282. Blair J., Mitchell D., Blair K. *The Psychopath: Emotion and the Brain*. Malden: Blackwell Publishing, 2005.
283. Book A, Methot-Jones T, Blais J, et al. *Psychopathic traits and the cheater-hawk hypothesis // Interpersonal Violence*. 2016. Vol. 34. No. 15. P. 3229–3251.
284. Buzina N. *Psychopathy – historical controversies and new diagnostic approach // Psychiatria Danubina*. 2012. Vol. 24. No. 2. P. 134-142.
285. Cerny C., Friedman S. H., Smith D. *Television's "crazy lady" trope: female psychopathic traits, teaching, and influence of popular culture // Academic Psychiatry*. 2014 Vol. 38. No. 2. P. 233- 241.
286. Cerny C., Friedman S.H., Smith D. *Television's "crazy lady" trope: female psychopathic traits, teaching, and influence of popular culture // Academic Psychiatry*. 2014 Vol. 38. No. 2. P. 233-241.
287. Cleckley H. *The Mask of Sanity: An attempt to clarify some issues about the so-called psychopathic personality*. New York: New Amer., 1982.
288. Climent M. *Three Interviews with Stanley Kubrick, 1982*. URL: <http://www.visual-memory.co.uk/amk/doc/interview.html>.
289. Conradi P. *John Fowles*. L.: Macmillan, 1986.
290. Cooke D. J., Michie C. *Psychopathy across cultures: an Item Response Theory comparison of Hare's Psychopathy Checklist-Revised // Psychological Assessment*. 1997. Vol. 9. No 1. P. 3–14.
291. Cooke D. J., Forth A. E., Hare R. D. *Psychopathy Across Cultures // Psychopathy: Theory, Research and Implications for Society*. Dordrecht, Boston, London: Kluwer Academic Publishers, 1997. P. 12–45.
292. Coyne S. M, Archer J. *Indirect aggression in the media: a content analysis of British television programs // Aggressive Behavior*. 2004. Vol. 30. P. 254–271.
293. Coyne S. M, Nelson DA, Graham-Kevan N, Tew E, Meng KN, Olsen JA. *Media depictions of physical and relational aggression: connections with*

aggression in young adults' romantic relationships // *Aggressive Behavior*. 2011. Vol. 37. No. 1. P. 56–62.

294. Darjee R. Sexual Sadism and Psychopathy in Sexual Homicide Offenders: An Exploration of Their Associates in a Clinical Sample // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2019. Vol. 63. No. 2. P. 1–28.

295. Endah D. Serial killer in popular literature: a formula analysis of Hannibal Lecter series // *Journal of Transnational American Studies*. 2019. URL:https://www.researchgate.net/publication/347195712_SERIAL_KILLER_IN_POPULAR_LITERATURE_A_FORMULA_ANALYSIS_OF_HANNIBAL_LECTER_SERIES

296. Forouzan E., Cooke D. J. Figuring out the femme fatale: conceptual and assessment issues concerning psychopathy in females // *Behavioral Sciences and the Law*. 2005. Vol. 23. No. 6. P. 765–778.

297. Frazier A., Ferreira P.A., et al. Born this way? A review of neurobiological and environmental evidence for the etiology of psychopathy // *Personality Neuroscience*. 2019. Vol. 2, No. 8. P. 1–16.

298. Gabbard G.O., Gabbard K. A filmography for the depiction of psychiatry in the American cinema // Gabbard G.O., Gabbard K, editors. *Psychiatry and the cinema*. Washington, DC: American Psychiatric Press Inc., 1999. P. 315–353.

299. Gabbard G.O., Hobday G.H. A psychoanalytic perspective on ethics, self-deception, and the corrupt physician // *British Journal of Psychotherapy*. 2012. Vol. 28. No. 2. P. 221–234.

300. Giddens A. *Nation-state and violence*. Cambridge: Polity Press, 1985.

301. Greene J. D., Sommerville R. B., Nystrom L. E., Darley J. M., Cohen J. D. An fMRI investigation of emotional engagement in moral judgment // *Science*. 2001. Vol. 293. No. 5537. P. 2105–2108.

302. Griffin D.P. Progress towards a cognitive ethology // *Cognitive Ethology. The Minds of Other Animals* / Ed. by Ristau C.A. ed. N. Jersey: Lawrence Erlbaum, 1991.

303. Gurley J. R. A history of changes to the criminal personality in the DSM // *History of Psychology*. 2009. Vol. 12. No. 4. P. 285–304.

304. Halberstam J. *Gothic Horror and the Technology of Monsters*. Duke University Press, 1995.

305. Haltunnen K. *Murder Most Foul: The Killer and the American Gothic Imagination*. Cambridge: Harvard University Press, 1998.

306. Hamilton G. A Very Necessary Violence: Reading Anthony Burgess's *A Clockwork Orange* // *Modern Horizons Journal*. URL:

<http://modernhorizonsjournal.ca/wp-content/uploads/Issues/201111/Issue-201111-Hamilton.pdf>

307. Hanlon D. J. Killer Queens: Screen representations of the gay psychopath // *International Review of Psychiatry*. 2009. Vol. 21. No. 3. P. 271–272.

308. Hare R. D. *The Hare Psychopathy Checklist-Revised (PCL-R)*. Toronto, Ontario: Multi-Health Systems, 1991.

309. Hare R. D. Diagnosis of Antisocial Personality Disorder in two prison populations // *American Journal of Psychiatry*. 1983. Vol. 140. P. 887–890.

310. Hare R. D. *Psychopathy: Theory, research, and implications for society*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1998. P. 105–139.

311. Hare R. D. *Without conscience: Disturbing world of psychopaths among us*. New York: The Guilford Press, 1993.

312. Hare R. *Psychopathy: Theory and Research*. New York: John Wiley & Sons, 1970.

313. Haybron D.M., *Moral Monsters and Saints* // *The Monist*, 2002. Vol. 85, No. P. 260–284.

314. Herve H., Yuille J.C. *The Psychopath: Theory, Research, and Practice*. New York: Routledge, 2017.

315. Hesse M. Portrayal of psychopathy in the movies // *International Review of Psychiatry*. 2009. Vol. 21. No. 3. P. 207–212.

316. Hesse M. Portrayal of psychopathy in the movies // *International review of psychiatry*. 2009. Vol. 21. No. 3. P. 207–212.

317. Hesse M., Schlieve S., Thomsen R. R. Rating of personality disorder features in popular movie characters // *British Medical Council Psychiatry*. 2005. Vol. 45. No. 5. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/16336663/>

318. Hiatt K.D., Schmitt W.A., et al. Stroop Tasks Reveal Abnormal Selective Attention Among Psychopathic Offenders // *Neuropsychology*. 2004. Vol. 18. No. 1. P. 50–59.

319. Hoff P., Camenisch P. From «psychopathy» to «personality disorder»-conceptual history of a problematic field within psychiatry // *Praxis (Bern 1994)*. 2015. Vol. 104. No. 23. P. 1271–1277.

320. Ishakawa SS, Raine A, Lencz T, Bihrlé S, Lacasse L. Autonomic reactivity and executive functions in successful and unsuccessful criminal psychopaths from the community // *Journal of Abnormal Psychology*, 2011. Vol. 110. No. 3. P. 423–432.

321. Jones D. W. *Psychopathy and the Media*. 2017. URL: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190264079.013.278>

322. Keesler M.E., DeMatteo D. How Media Exposure Relates to Laypersons' Understanding of Psychopathy // *Journal of forensic sciences*. 2017. Vol. 62. No. 6. P. 1522–1533.
323. Kennett P. Fight Club and the Dangers of Oedipal Obsession // *Stirrings Still: The International Journal of Existential Literature*. 2005. Vol. 2. No. 2. P. 50–51.
324. Kiehl K., Liddle P. Neural pathways involved in the processing of concrete and abstract words // *Human Brain Mapping*. 1999. Vol. 7. No. 4. P. 225-233.
325. Kiehl K.A. A cognitive neuroscience perspective on psychopathy: Evidence for paralimbic system dysfunction // *Psychiatry Research*. 2006. Vol. 142. No. 2–3. P. 107–128.
326. Koch J.L.A. Die Bedeutung der psychopathischen Minderwertigkeiten fuer den Militaerdienst. Verlag von Otto Maier, Ravensburg, 1894.
327. Koch J.L.A. Die psychopathischen Minderwertigkeiten. In drei Abteilungen. Verlag von Otto Maier, Ravensburg, 1891–1893.
328. Kosson D.S. Psychopathy and dual-task performance under focusing conditions // *Journal of Abnormal Psychology*. 1996. Vol. 105. No. 3. P. 391–400.
329. Koukolík F. Sociálně úspěšní psychopati, aneb, Vzpoura deprivantů. Praha: Galén, 2020.
330. Koukolík F., Drtilová J. Vzpoura deprivantů: o špatných lidech, skupinové hlouposti a uchvácené moci. Praha: Makropulos, 1996.
331. Kraepelin E. Lectures on Clinical Psychiatry. Ravenio Books, 2014.
332. Krahe B, Busching R, Moller I. Media violence use and aggression among German adolescents: associations and trajectories of change in a three-wave longitude study // *Psychology of popular media culture*. 2012. Vol. 1. No. 3. P. 152–166.
333. Leistedt S.J., Linkowski P. Psychopathy and the Cinema: Fact or Fiction? // *Journal of Forensic Sciences*. 2013. Vol. 59. No 1. P. 167–174.
334. Leistedt S. J., Linkowski P. Psychopathy and the Cinema: Fact or Fiction? // *Journal of Forensic Sciences*. 2013. Vol. 59. No. 1. P. 167–174.
335. Levenston G.K., Patrick C.J., et al. The psychopath as observer: Emotion and attention in picture processing // *Journal of Abnormal Psychology*. 2000. Vol. 109. No 3. P. 373–385.
336. Levi M., Nussbaum D., Rich J. Neuropsychological and personality characteristics of predatory, irritable, and nonviolent offenders: Support for a typology of criminal human aggression // *Criminal Justice Behav*. 2010. Vol. 37. No. 6. P. 633–655.

337. Lilienfeld S. O., Waldman I. D., Landfield K., Watts A. L., Rubenzer S., Faschingbauer T. R. Fearless dominance and the U.S. presidency: Implications of psychopathic personality traits for successful and unsuccessful political leadership // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 103. No. 3. P. 489–505.
338. Logan C. La femme fatale: the female psychopath in fiction and clinical practice // *Mental Health Review Journal*. 2011. Vol. 16. No. 3. P. 118–127.
339. Lobbestael J., Teffelen M., Baumeister R. F. Psychopathy subfactors distinctively predispose to dispositional and state-level of sadistic pleasure // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 2020. Vol. 67. No 1. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30797521/>
340. Lykken D. *The Antisocial Personalities*. N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 2013.
341. Maudsley H. *Responsibility in mental disease*. London: King, 1874.
342. McCaw N. The Psychopath and the City: Popular Cultural Mythologies // *Hidden Cities: Understanding Urban Popcultures*. P. 35–41. URL: https://www.academia.edu/37043155/The_Psychopath_and_the_City
343. McCord W.M., McCord J. *The psychopath: An essay on criminal mind*. NJ: D. Van Nostand, 1964
344. Meloy J.R. *Predatory violence and psychopathy*, *Psychopathy and Law*, ed. by HakkanenNyholm, eds. London: Wiley, 2012.
345. Meloy J. R., Book A., Hosker-Field A., Methot-Jones T., Roters J. Social, Sexual, and Violent Predation: Are Psychopathic Traits Evolutionarily Adaptive? // *Violence and Gender*. 2018. Vol. 5. No. 3. P. 154-165.
346. Millon T., Simonsen E., Birket-Smith M., Davis R.D. *Psychopathy: Antisocial, Criminal, and Violent Behavior*. NY: The Guilford Press, 2004.
347. Mosse G. L. *The Image of Man: The Creation of Modern Masculinity* Oxford. N. Y.: Oxford University Press, 1998.
348. Perrett R.W., *Evil and Human Nature* // *Monist*, 2002, Vol. 85, No 2. P. 304–319.
349. Piechowski-Jozwiak B., Bogousslavsky J. Psychopathic characters in fiction // *Frontiers of neurology and neuroscience*. 2013. Vol. 31. P. 60–68.
350. Pinel P. *A treatise on insanity*. New York: Hafner, 1962.
351. Prichard J.C. *A treatise on insanity and other disorders affecting the mind*. London: Sherwood, Gilbert and Piper, Paternoster-Row, 1835.
352. Raine A. *The Anatomy of Violence*. NY: Random House, 2013.
353. Ray I. *A Treatise on the Medical Jurisprudence of Insanity*. Boston: Freeman and Bolles, 1838.

354. Rieff Ph. *Freud: The Mind of the Moralizer*. University of Chicago Press, 1979
355. Rivadeneyra R, Lebo M. The association between television-viewing behaviors and adolescent dating role attitudes and behaviors // *Journal of adolescence*. 2008. Vol. 31. No. 3. P. 291–305.
356. Rosenbaum R. *Explaining Hitler: The Search for the Origins of His Evil*. New York Random House, 1998.
357. Rosenfeld D. Psychic changes in the paternal image // *The International Journal of Psychoanalysis*. 1992. Vol. 73. P. 757–771.
358. Ross L. The intuitive psychologist and his shortcomings: Distortions in the attribution process // *Advances in experimental social psychology*. 1977. Vol. 10.
359. Rubenzer S.J., Thomas R. Faschingbauer and Denis S. Ones. Assessing the U.S. Presidents Using the Revised NEO Personality Inventory, *Innovations in Assessment with the Revised NEO Personality Inventory*, ed. R. R. McCrae and P.T. Costa, special issue // *Assessment* 7. No. 4, 2000.
360. Rush B. *An enquiry into the influence of physical causes upon the moral faculty* // Rush B., *Two essays of the mind*. New York: Brunner/Mazel? 1972.
361. Salmon C., Burch R. L. *Popular Culture* // *Evolutionary Studies in Imaginative Culture*. 2022. URL: <https://doi.org/10.26613/esic.6.1.292>
362. Samuels R. *Auto-Modernity after Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education*. In: *Digital Youth, Innovation, and the Unexpected* McPherson T. (Ed.). Cambridge, MA: The MIT Press, 2007.
363. Schmid D. *Natural Born Celebrities: Serial Killers in American Culture*. Chicago: The University of Chicago Press, 2005.
364. Selmer H. *One the conditions of psychiatry in Denmark*. Copenhagen: Reitzel, 1841.
365. Siegel A, Victoroff J. Understanding human aggression: New insights from neuroscience // *International journal of law and psychiatry*. 2009. Vol. 32. No. 4. P. 209– 215.
366. Siegel A., Bhatt S., Bhatt R., Zalzman S. The neurobiological bases for development of pharmacological treatments of aggressive disorders // *Current Neuropharmacology*. 2007. Vol. 5. No. 2. P. 135–147.
367. Simpson Ph. L. *Psycho Paths: Tracking the Serial Killer Through Contemporary American Film and Fiction*. Illinois: Southern Illinois University Press, 2000.

368. Singer M.G. The Concept of Evil. *Philosophy*, 2004, 79. P. 185–214.
369. Sperry R., Gazzaniga M., Bogen J. Interhemispheric relationships: the neocortical commissures; syndromes of hemisphere disconnection // *Handbook of Clinical Neurology* / Ed. by P. Vinken. Vol. 4. Amsterdam: North-Holland Publishing Co, 1969. P. 273–290.
370. Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/index.html>
371. Thiher A. *Fiction Refracts Science: Modernist Writers from Proust to Borges*. Columbia: University of Missouri Press, 2005.
372. Tiihonen J., Koskivi M. et al. Neurobiological roots of psychopathy // *Molecular Psychiatry*. 2019. Vol. 25. No. 12. P. 3432–3441.
373. Tuke D.H. *Dicrionary of psychological medicine*. Philadeiphia: Blakiston, 1892.
374. Visser B.A., DeBow V., Pozzebon J.A, Bogaert A.F., Book A. Psychopathic sexuality: The thin line between fantasy and reality // *Journal of Personality*, 2014. Vol. 84. No. 4. P. 376–388.
375. Weber B. Cozying Up to the Psychopath That Lurks Deep Within // *The New York Times*, 1991. URL: <https://mobile.nytimes.com/1991/02/10/movies/cozying-up-to-the-psychopath-that-lurks-deep-within.html>
376. Wheeler S., Book A., Costello K. Psychopathic Traits and the Perception of Victim Vulnerability // *Criminal Justice and Behavior*. 2009. Vol. 36. No. 6. P. 635–648.
377. Whiten A., Goodal J. et al. Cultures in chimpanzees // *Nature*. 1999. Vol. 399. No. 6737. P. 682–685.